ПОЗИТИВИЗМЪ и КОНТИЗМЪ.

И. Г. Оршанскаго.

СТАВРОПОЛЬСКАЯ
ГОРОДСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛІОТЕКА

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Адольфа Дарре, Рыбная, 28.
1893.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1143
27

СТАВРОПОЛЬСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Философія Огюста Конта при первомъ своемъ появленіи обратила на себя вниманіе такихъ мыслителей, какъ Спенсеръ и Милль, которые привѣтствовали ее, хотя въ различной степени, какъ произведеніе, выдающееся по оригинальности общаго плана и богатству отдѣльныхъ идей и обобщеній. Во Франціи философія Конта вызвала сильное умственное движеніе, и одно время казалось, что позитивизмъ Конта создалъ прочную школу.

Прошелъ десятокъ, другой лѣтъ,—и что же мы видимъ? Философія Конта почти предана забвенію, вызванное ею умственное броженіе улеглось, народившаяся школа изъ философской превратилась въ кружокъ вѣрующихъ адептовъ и приняла характеръ соціально-религіозной секты.

Чѣмъ объяснить эту безплодность Контовскаго ученія? Можно было-бы все свалить на практическій духъ нашего времени, на особыя условія умственной жизни современной Франціи, и спору нѣтъ, есть извѣстная доля истины въ этомъ объясненіи. На врядъ-ли однакожъ одной этой причинѣ, т. е. неблагопріятной соціальной средѣ, слѣдуетъ приписать неудачу, постигшую Контовское ученіе.

Невольно приходитъ въ голову вопросъ—не кроется-ли въ самой философіи Конта причина ея преждевременной смерти?

Кстати сказать, вопросъ объ условіяхъ успѣха различныхъ философскихъ ученій до сихъ поръ мало обращалъ на себя вниманіе историковъ и критиковъ. А между тѣмъ мы видимъ, что извѣстное ученіе быстро овладѣваетъ умами современниковъ и проникаетъ далеко за предѣлы своего дѣйствительнаго приложенія, такова, напр., судьба гегеліанизма, тогда какъ другое лишь весьма медленно распространяется

и достигаетъ вліянія, такова, напр., судьба Шопенгауеровской философіи. Настоящій этюдъ представляетъ такого рода попытку прослѣдить въ самомъ ученіи Конта тѣ присущія ей особенности, которыя затормозили дальнѣйшее развитіе ея основныхъ началъ и обусловили ея недолговѣчность. Автору думается, что въ самой философіи Конта имѣется два такихъ момента—во-первыхъ, чрезмѣрное стремленіе Конта къ системѣ и во-вторыхъ, смѣшеніе въ его философіи двухъ чуждыхъ одно другому теченій,—одного идейнаго, чисто философскаго, другого—практическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ субъективнаго. Огромный запасъ знанія, накопившійся въ отдѣльныхъ областяхъ науки, уже самъ по себѣ затрудняетъ объединеніе всего знанія въ одну философскую систему. Объединеніе это въ настоящее время еще невозможно для двухъ главныхъ отдѣловъ науки—физики въ широкомъ смыслѣ и ученія въ органическомъ мірѣ. Психическія явленія представляютъ особый міръ, который, быть можетъ, никогда не удастся подвести подъ законъ матеріальныхъ явленій. Соціологія, хотя и представляется на первый взглядъ вѣтвью біологіи, въ дѣйствительности образуетъ область знанія, несравненно болѣе сложную, чѣмъ біологія и психологія, даже вмѣстѣ взятыя.

Личность человѣческая, идеалы, вѣрованія, цѣли — все это явленія, которыя наврядъ-ли когда-либо удастся наукѣ путемъ разложенія свести на болѣе простые элементы. Понятно поэтому, что всякая система, т. е. попытка объединить всѣ эти области знанія въ одну и подвести ихъ подъ общій законъ, представляетъ собою задачу, для настоящаго времени неразрѣшимую по существу; блистательнымъ подтвержденіемъ можетъ служить неудача подобной попытки, предпринятой такимъ первоклассным мыслителемъ, біологомъ и психологомъ въ одно и тоже время, какъ Спенсеръ.

Положеніе Конта было еще несравненно труднѣе въ то время, когда онъ работалъ надъ своей системой, ученіе объ единствѣ силъ едва нарождалось, біологія была въ зачаточномъ состояніи, объединяющія работы Бэра, Дарвина и Геккеля еще не появились на свѣтъ, химія еще была оторвана отъ физики, физіологія еще не опиралась на химію и физику, въ психологіи еще не мечтали о родствѣ съ физіологіей и о примѣненіи методовъ послѣдней къ расчлененію сложныхъ психическихъ явленій на болѣе простыя, не существовало еще антропологіи, какъ промежуточнаго звена между біологіей и соціологіей. При такихъ условіяхъ система Конта была обречена на крупные пробѣлы, натяжки и односторонніе обобщенія.

Сверхъ того Контъ въ интересахъ системы, т. е. единства своего ученія вынужденъ былъ пожертвовать всей субъективной половиной знанія, психологіей, логикой, моралью, эстетикой и т. д.

Несомнѣнно однакожъ, что болѣе всего пострадала философія Конта отъ его стремленія объединить принципы философіи съ цѣлью и задачами соціологіи. Будучи систематикомъ по складу своего ума, Контъ не могъ удовлетвориться однимъ примѣненіемъ знанія къ жизни — ему необходимо было во чтобы то ни стало достигнуть сліянія этихъ двухъ областей. И сознавая существующій между ними антагонизмъ, Контъ поставилъ вопросъ ребромъ—кому изъ двухъ получить господство—естествознанію или соціологіи. Такая постановка вопроса, будучи сама по себѣ неправильной, не могла не привесть роковымъ образомъ къ ложному рѣшенію.

Контъ рѣшилъ, что разъ человѣкъ есть высшая цѣль для себя самого, то и наука должна служить этой цѣли, откуда вытекаетъ по Конту подчиненіе знанія требованіямъ жизни.

Тутъ Контъ уже перестаетъ быть тѣмъ великимъ мыслителемъ, какимъ мы его видимъ въ началѣ своего труда, гдѣ онъ исходитъ изъ опредѣленныхъ философскихъ началъ позитивизма. Здѣсь предъ нами выростаетъ новая фигура реформатора-революціонера, да еще вдобавокъ француза, ученика Сенъ Симона и Фурье. Здѣсь Контъ уже идетъ за идеей, которая свѣтитъ ему въ образѣ соціальной реформы.

Не безъ борьбы однакожъ уступаетъ Контъ этому практическому теченію. Онъ пытается сначала доказать, что въ сущности между философіей и соціологіей никакого антагонизма нѣтъ, что основныя начала и методы одни и тѣ же и здѣсь, и тамъ. Подъ конецъ, когда увлекаемый непреодолимой волной своего практическаго темперамента, Контъ былъ приведенъ неизбѣжно къ отрицанію многихъ изъ нѣкогда имъ-же установленныхъ началъ, онъ имѣлъ мужество сознаться, что практическія цѣли жизни имѣютъ право требовать жертвъ отъ науки и философіи.

Такова была основная мысль, побудившая автора настоящаго этюда представить критическое изложеніе Контовской философіи, разложивъ ее на ея основные элементы, на позитивизмъ, составляющій общее достояніе вѣка, и контизмъ, какъ субъективный продуктъ генія Конта и его эпохи.

И. Оршанскій.

С.-Петербургъ,
1 марта 1894 г.

Природа слишкомъ сложна,.... умъ человѣка слишкомъ слабъ.... и притомъ же склоненъ представлять все въ простѣйшей формѣ..... по этому всякая попытка подвести всю природу подъ одинъ общій законъ всегда остается тщетной.... даже для самаго геніальнаго ума.

Огюстъ Контъ.

Часть I. Ученіе Конта.

Глава I. Сущность позитивной философіи.

Курсъ позитивной философіи Огюста Конта представляетъ собой первую и пока единственную попытку философской и синтетической обработки основъ естествознанія, включая сюда и науку о человѣкѣ и обществѣ.

Всѣ отрасли нашего знанія, отъ самыхъ отвлеченныхъ теоремъ математическаго анализа до сложнѣйшихъ проблемъ общественной жизни, къ философіи Конта приведены во взаимную связь и заключены въ одну систему, которая держится на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Единство законовъ развитія каждой науки какъ цѣлаго и всего знанія вообще во всемъ его объемѣ.

2) Общая классификація наукъ, устанавливающая строгую ихъ іерархію и указывающая мѣсто каждой изъ нихъ въ общемъ ряду.

3) Логическое единство метода познаванія для всѣхъ наукъ, при чемъ каждая область знанія, благодаря индивидуальнымъ особенностямъ сферы ея явленій, придаетъ лишь общему научному методу индивидуальную и спеціальную форму.

4) Однородность философской доктрины, т. е. совпаденіе основныхъ началъ механическаго и органическаго міра.

5) Наконецъ единство антропологическое Контовской философіи заключается въ томъ, что, объединяя науку и жизнь, она стремится поло-

жить основы, для раціональной системы воспитанія какъ индивидуальнаго, такъ и общественнаго, и имѣетъ своей конечной цѣлью дать человѣчеству систему и методу мышленія, соотвѣтствующую всѣмъ основнымъ наклонностямъ его духовной природы и потребностямъ практической жизни.

Во введеніи къ своему курсу Контъ опредѣляетъ философію какъ *общую систему идей*, терминъ „позитивный“ выражаетъ собою, что эти идеи служатъ лишь теоріями, связующими наши наблюденія въ одно цѣлое. Объясненіе явленій есть въ одно и то же время задача и науки и философіи.

Первыя главы курса посвящены подробному изслѣдованію основъ позитивной философіи, ея метода, содержанія и цѣли. Краеугольный камень всей позитивной философіи составляетъ Контовскій законъ развитія человѣческой мысли; къ этому закону непосредственно примыкаетъ Контовская же классификація наукъ.

Изложеніемъ закона умственнаго развитія человѣчества Контъ начинаетъ свой трудъ, сразу вводя читателя въ самый центръ своей системы. „Изучая общее развитіе человѣческаго ума въ различныхъ сферахъ его дѣятельности отъ первыхъ его шаговъ до настоящаго времени, я думаю, говоритъ Контъ, что мнѣ удалось открыть крупный основной законъ, которому ходъ этого развитія подчиняется. Законъ этотъ съ одной стороны *вытекаетъ изъ нашей духовной организаціи*, съ другой, онъ подкрѣпляется доказательствами, которыми намъ доставляетъ вся исторія прошлаго.

Согласно этому закону каждое изъ нашихъ основныхъ представленій (conception) и каждая вѣтвь нашего знанія въ теченіе своего историческаго развитія переживаютъ послѣдовательно три различныхъ теоретическихъ фазы: 1) теологическій періодъ или фактивный, 2) метафизическій періодъ или абстрактный, наконецъ 3) научный или позитивный. Другими словами умъ человѣческій, *по самой природѣ своей*, употребляетъ послѣдовательно въ каждомъ познавательномъ актѣ три различныхъ пріема разсужденія, изъ которыхъ первый и послѣдній, т. е. теологическій и позитивный прямо противоположны другъ другу. Такимъ образомъ въ теченіе историческаго развитія человѣческой мысли возникаютъ и вырабатываются три различныя системы идей (conception) относительно всей совокупности явленій внѣшней и человѣческой природы“.

Въ первомъ, теологическомъ періодѣ, умъ человѣка стремится проникнуть въ самую суть природы вещей, узнать первичныя и конечныя причины всѣхъ явленій, добивается абсолютнаго знанія.

Въ этомъ періодѣ умъ человѣческій объясняетъ всѣ явленія прямымъ и непосредственнымъ участіемъ сверхъестественныхъ дѣятелей болѣе или менѣе многочисленныхъ, вмѣшательство и произволъ которыхъ обусловливаетъ всѣ кажущіяся неправильности (anomalies) въ природѣ.

Въ періодѣ метафизическомъ, который, въ сущности, есть только видоизмѣненіе теологическаго, сверхъестественные дѣятели замѣщены абстрактными силами, *сущностями*, предполагаемыми въ предметахъ; этимъ олицетвореннымъ отвлеченностямъ приписывается способность производить всѣ явленія; каждое явленіе сначала предполагаетъ для своего объясненія существованіе особой сущности или силы, но съ развитіемъ метафизической мысли, многочисленный классъ сущностей или силъ постепенно сливается въ небольшое число основныхъ силъ, пока наконецъ на вершинѣ развитія метафизики не получается одна универсальная сущность.

Наконецъ въ позитивномъ періодѣ, умъ человѣка, сознавъ невозможность достигнуть абсолютнаго знанія вещей и явленій, отказывается отъ попытокъ найти начало и конечную цѣль вселенной, перестаетъ добиваться познанія внутреннихъ причинъ явленій и, обратившись къ разсужденію и опыту, ограничиваетъ свою дѣятельность отыскиваніемъ *дѣйствительныхъ* законовъ явленій, т. е. постоянныхъ отношеній послѣдовательности и сходства, связующихъ всѣ міровыя явленія.

При такомъ направленіи человѣческаго ума объясненіе явленій, приведенное къ его настоящимъ границамъ, сводится къ *связи* отдѣльныхъ фактовъ между собою и къ нѣсколькимъ общимъ фактамъ, число которыхъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше сокращается въ числѣ.

Теологическая философія, развиваясь, достигаетъ своей высшей точки въ формѣ пантеизма, когда на мѣсто множества независимыхъ одно отъ другого сверхъестественныхъ существъ или божествъ, ставится одно верховное существо. Точно также конечная цѣль метафизической системы состоитъ въ провозглашеніи одной всеобъемлющей сущности—природы, которая вытѣсняетъ и замѣняетъ всѣ частныя силы или сущности предметовъ и становится единственнымъ источникомъ всѣхъ совершающихся явленій.

Наконецъ и позитивная система неуклонно стремится къ одной конечной цѣли—выразить всѣ единичныя явленія какъ частный случай одного всеобщаго факта, какъ напр. тяготѣнія. Сомнительно, однакожъ, чтобы эта цѣль была когда либо достигнута.

Законъ этотъ Контъ считаетъ не только доказаннымъ всѣмъ ходомъ развитія человѣческой мысли, но даже почти очевиднымъ. Достаточно, говоритъ онъ, только высказать этотъ законъ, чтобы всякій знакомый съ исторіей наукъ тотчасъ же непосредственно усмотрѣлъ его вѣрность. При томъ же, продолжаетъ онъ, стоитъ только намъ пробѣжать ретроспективно исторію нашего личнаго или индивидуальнаго развитія и мы убѣдимся, что въ дѣтствѣ мы мыслили теологически, въ юности мы метафизики и только въ зрѣломъ возрастѣ мы дѣлаемся позитивистами въ мышленіи.

Не довольствуясь, однакожъ, очевидностью этого закона, Контъ доказываетъ его слѣдующей аргументаціи. Самый капитальный аргументъ въ пользу этого закона заключается въ томъ, что умъ человѣческій во всѣ времена нуждался въ теоріи для того, чтобы связывать свои наблюденія въ систему, и въ то же время, съ другой стороны, умъ первобытнаго человѣка не могъ вырабатывать такой теоріи изъ самыхъ наблюденій.

Со временъ Бекона стало аксіомой, что теорія должна вытекать изъ наблюденій. Это, однакожъ, непримѣнимо къ неразвитому первобытному уму, для котораго самое наблюденіе невозможно безъ предвзятой теоріи.

Изъ такого заколдованнаго круга первобытный умъ, по Конту, нашелъ для себя выходъ лишь благодаря теологическому методу мышленія, который переноситъ представленіе о личной человѣческой волѣ на всю природу, населяетъ послѣднюю воображаемыми личными существами, произволъ которыхъ есть производящая причина всего совершающагося. Такимъ образомъ самонаблюденіе служитъ первымъ источникомъ теорій природы и доставляетъ надлежащую точку опоры для умственной дѣятельности юнаго ума.

Замѣчательно, что самый характеръ тѣхъ задачъ и вопросовъ, которые занимали умъ первобытнаго человѣка вполнѣ соотвѣтствуетъ теологической методѣ мышленія. Въ самомъ дѣлѣ извѣстно, что первые шаги философской мысли направлены были на разрѣшеніе самыхъ трудныхъ, конечныхъ и, какъ мы теперь думаемъ, неразрѣшимыхъ и недоступныхъ для нашего разумѣнія вопросовъ, тогда какъ, наоборотъ, всѣ тѣ практически разрѣшимыя задачи и достижимыя цѣли, которымъ мы теперь посвящаемъ всю нашу умственную энергію, считались въ то время недостойными философа и незаслуживающими разработки.

Такое высокомѣріе юнаго ума совершенно естественно, такъ какъ только опытъ даетъ человѣку мѣрку его умственныхъ силъ. Съ другой стороны, не имѣй первобытный человѣкъ такой вѣры въ свои духовныя

силы, наврядъ мы достигли бы теперь того, что мы имѣемъ и можемъ. Эта вѣра была тѣмъ необходимымъ стимуломъ для умственной дѣятельности, безъ котораго послѣдняя не пробудилась бы. Въ настоящее время мы застаемъ умъ человѣка столько окрѣпшимъ и обладающимъ внутренней энергіей, что онъ уже не нуждается ни въ химерическихъ задачахъ, ни въ распаляющихъ воображеніе цѣляхъ, чтобы твердо и неуклонно идти своей дорогой, довольствуясь доступнымъ и понятнымъ; но кто знаетъ, что было бы, еслибы въ эпоху дѣтства человѣческаго ума, послѣдній не находилъ бы для себя возбуждающей пищи въ астрологическихъ химерахъ или въ мечтахъ алхиміи.

Умъ человѣческій въ своемъ историческомъ развитіи не можетъ совершать скачковъ, поэтому переходъ отъ теологическаго міросозерцанія къ совершенно противоположному позитивному долженъ былъ совершиться постепенно. И конечно такой переходъ былъ бы почти невозможенъ, еслибы человѣческой мысли не удалось перекинуть моста между этими двумя крайними ученіями и методами. Эту роль переходной ступени отъ теологическаго мышленія къ позитивному и играетъ метафизическая система философіи. Съ того момента какъ сверхъестественныя, но реальныя для первобытнаго человѣка, личности замѣнены въ качествѣ причинъ отвлеченными сущностями метафизическаго періода, въ умѣ человѣка начинается постепенное обособленіе реальнаго факта отъ отвлеченной сущности, которая подъ конецъ обращается въ простое названіе предмета.

Переходя затѣмъ къ подробной характеристикѣ третьяго періода человѣческой мысли позитивнаго,—его задачъ и методовъ, Контъ говоритъ: „основной характеръ позитивизма заключается въ томъ, что онъ разсматриваетъ всѣ явленія какъ подчиненныя постояннымъ естественнымъ законамъ, открытіе и точное опредѣленіе которыхъ исчерпываютъ его задачу и должно составить цѣль всѣхъ нашихъ усилій. Отыскиваніе же, такъ называемыхъ, основныхъ или конечныхъ причинъ должно быть отвергнуто на всегда, какъ стремленіе къ недостижимой цѣли“.

Позитивное объясненіе какого либо факта отнюдь ничего не имѣетъ общаго съ такъ называемой причиной этого факта и состоитъ лишь въ анализѣ условій его происхожденія, въ опредѣленіи его соотношенія съ другими фактами въ послѣдовательности и сходствѣ.

Самымъ блестящимъ примѣромъ такого именно характера научнаго объясненія можетъ служить Ньютоновская теорія тяготѣнія. Обнимая несмѣтное множество фактовъ астрономическихъ, физическихъ и молекулярныхъ она, въ сущности, представляетъ собою лишь распростра-

неніе обыденнаго факта тяжести на всю природу. Въ то же время такъ называемая сущность притяженія остается внѣ предѣловъ нашего пониманія и вовсе не входитъ, какъ элементъ, въ самую теорію или вѣрнѣе въ законъ тяготѣнія.

Въ поступательномъ движеніи знанія различныя его отрасли идутъ не съ одинаковой скоростью впередъ, почему и вышеизложенныя три фазы человѣческой мысли не одновременно и не въ одинаковой степени господствуютъ въ различныхъ наукахъ. Въ то время какъ однѣ науки уже вступили въ фазу позитивизма, другія отрасли знанія еще находятся въ фазѣ метафизическихъ теорій и, наконецъ, еще болѣе отсталыя въ развитіи науки подчинены господству теологическихъ началъ. Не слѣдуетъ, однакожъ, думать, что здѣсь царитъ случайность; одна изъ неувядаемыхъ заслугъ Конта и заключается въ томъ, что онъ указалъ порядокъ, въ которомъ совершается послѣдовательный переходъ различныхъ наукъ изъ низшихъ фазъ въ высшую. Второй законъ Конта, указывающій порядокъ развитія знанія, дополняетъ изложенный выше законъ развитія мысли и гласитъ слѣдующее: каждая отрасль знанія, отдѣльная наука или ея вѣтвь тѣмъ раньше вступаетъ въ слѣдующую фазу мысли, чѣмъ содержаніе ея, т. е. область принадлежащихъ ей явленій общѣе, проще и менѣе зависима отъ явленій другихъ категорій и другихъ областей знанія. Такъ астрономія какъ наиболѣе общая наука прежде другихъ вступила на позитивный путь, физика послѣдовала за нею, химія лишь недавно сдѣлалась положительной, и физіологія или біологія какъ наука, обнимающая самыя сложныя явленія природы, еще только вступаетъ въ эту фазу. Одна только соціологія, какъ самая сложная вѣтвь біологіи, еще не совершила своего перехода въ позитивную фазу. И только съ вступленіемъ соціологіи на позитивный путь, съ возникновеніемъ соціальной физики цѣль науки будетъ закончена и система позитивной философіи охватитъ всѣ явленія внѣшней и человѣческой природы.

Но между біологіей или физіологіей съ одной стороны и соціологіей съ другой находится промежуточное звено—психологія и въ частности ученіе объ интеллектуальной дѣятельности человѣка, въ которой всѣ справедливо видятъ центръ тяжести научной психологіи. Отношеніе Конта къ психологіи какъ извѣстно, отрицательное.

Психологія, по его мнѣнію, какъ всякая вѣтвь біологіи, можетъ быть изучаема или статически, со стороны условій, опредѣляющихъ психологическую дѣятельность, или динамически, когда изучается сама

функція. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ анатоміей и физіологіей, во второмъ—съ исторіей развитія человѣческаго ума въ его дѣйствіи, т. е. въ его реальныхъ попыткахъ созданія науки.

Но, разсматривая научныя теоріи какъ логическіе факты, очевидно, что единственно путемъ изученія этихъ теорій, или этихъ логическихъ фактовъ, и можно подняться до пониманія самихъ логическихъ или, по Конту, психологическихъ законовъ. Очевидно, продолжаетъ Контъ, что не можетъ быть мѣста для психологіи, основанной на самонаблюденіи; для этой „иллюзорной психологіи, теологической по существу, которая игнорируетъ изученіе нашей организаціи, не руководствуется исторіей мысли“ и пытается открыть законы человѣческаго духа посредствомъ углубленія въ самого себя, абстрагируя одновременно и отъ причинъ (организаціи), и отъ фактовъ (исторіи науки)“.

„Умъ человѣческій, въ состояніи наблюдать все, что совершается внѣ его, но не можетъ наблюдать того, что происходитъ въ немъ самомъ. Ибо наблюдать интеллектъ, когда онъ не работаетъ, невозможно. Дѣлать же наблюденія надъ собою во время работы, значитъ раздваиваться, что опять невозможно. Для успѣха самонаблюденія рекомендуютъ возможное изолированіе отъ внѣшнихъ раздражителей, покой, и въ это время, когда умъ такимъ образомъ усыпленъ, его наблюдаютъ!

И мы видимъ въ дѣйствительности, что этотъ методъ не далъ до сихъ поръ никакихъ плодовъ. Болѣе двухъ тысячъ лѣтъ метафизики разрабатываютъ эту психологію самонаблюденія и до сего дня имъ не удалось установить хотя бы одно твердое начало“. Методъ самонаблюденія оказывается, по Конту, также несостоятельнымъ и въ логикѣ, какъ практическомъ искусствѣ или методѣ разсужденія.

Логическій методъ, говоритъ Контъ, *можетъ быть понятъ и усвоенъ только въ его практическомъ примѣненіи*, безъ чего онъ остается мертвымъ ученіемъ, не способнымъ оплодотворить нашъ умъ. Общія логическія положенія не могутъ оказать никакого вліянія на нашъ умственный режимъ. Нельзя отвергать возможность въ будущемъ общей теоріи логическихъ методовъ, независимой отъ философіи наукъ, но въ настоящее время это, по мнѣнію Конта, немыслимо. „Позволяю себѣ прибавить, заключаетъ Контъ, что если даже впослѣдствіи это и удастся, то лишь въ формѣ логическихъ привычекъ, выработанныхъ практическимъ примѣненіемъ научныхъ методовъ,—что и составляетъ конечную цѣль изученія метода“. Одна изъ задачъ позитивной философіи заключается въ раскрытіи на дѣлѣ тѣхъ логическихъ законовъ, которымъ подчиняются наши духовныя функціи въ процессѣ ихъ дѣятельности, чѣмъ и будетъ достигнуто одновременно точное познаніе

тѣхъ общихъ логическихъ правилъ, которымъ нужно слѣдовать при изысканіи научной истины.

Позитивная философія должна повлечь за собою реорганизацію системы воспитанія. Разрозненность отдѣльныхъ областей знанія, отсутствіе общей связи въ методахъ и основныхъ началахъ, нерѣдко даже различіе въ характерѣ міровоззрѣній, господствующихъ въ той или другой изъ наукъ, все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ въ настоящее время невозможной однообразную по методу и духу систему воспитанія. И только позитивная философія, устанавливающая единство методы мышленія во всѣхъ отрасляхъ знанія, сводящая каждую науку къ ея основнымъ положеніямъ и разсматривающая ихъ какъ вѣтвь одного общаго дерева, дѣлаетъ возможной философскую систему воспитанія.

Далѣе Контъ указываетъ на то, что система позитивной философіи, связующая всѣ отрасли естествознанія въ одно цѣлое, должна значительно способствовать развитію каждой отдѣльной науки въ частности. Раздѣленіе наукъ, рѣзкое разграниченіе одной отъ другой, спеціализація знанія, все болѣе возростающая, дѣлаетъ подчасъ невозможнымъ разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, стоящихъ на рубежѣ различныхъ областей и входящихъ своими различными сторонами въ двѣ и нерѣдко и болѣе наукъ. Число такихъ вопросовъ все болѣе и болѣе возростаетъ и правильная ихъ постановка, а стало быть и разрѣшеніе, не мыслимы безъ настоящей философской системы, создающей почву для такихъ комбинированныхъ изслѣдованій. Съ геніальной проницательностью Контъ въ этомъ случаѣ далеко опережаетъ тогдашнее состояніе естествознанія и указываетъ на границы физики и химіи, химіи и біологіи, какъ на такія именно науки, гдѣ философскій синтезъ долженъ оказаться необходимой почвой для научныхъ работъ, что мы и видимъ въ настоящее время.

Еще одинъ крупный результатъ позитивной философіи Контъ предвидитъ въ преобразованіи соціальнаго строя на новыхъ позитивныхъ началахъ, разъ эта философская система получитъ широкое распространеніе, сдѣлается господствующею въ умахъ.

„Міръ, говоритъ Контъ, управляется идеями, и общественный строй покоится на мнѣніяхъ. Великій политическій и нравственный кризисъ, переживаемый современнымъ обществомъ, въ концѣ концовъ, обусловленъ умственной анархіей нынѣшняго общества. Общество останется революціоннымъ, пока въ немъ не установится единая система идей и принциповъ и никакіе политическіе палліативы не умиротворятъ общества. Только тогда, когда въ умахъ установится гармонія, основанная на преобладаніи единой системы идей и общей методы мышленія,

анархія прекратится, и общественный строй получитъ твердую базу. Нужно ли говорить, что позитивная система идей и позитивная метода должны, въ концѣ концовъ, завладѣть обществомъ и сдѣлаться краеугольными камнями будущаго общества".

Слѣдующими строками заканчиваетъ Контъ свое изложеніе общихъ основъ позитивизма: „Я далекъ отъ мысли въ моемъ курсѣ философіи представить всѣ многообразныя явленія природы какъ проявленіе одного какого либо общаго начала или считать ихъ подчиненными одному общему закону—подобныя попытки я считаю противонаучными, несогласными съ позитивной методой. Я глубоко убѣжденъ, что такая попытка есть настоящая химера, недоступная даже самому геніальному уму. Силы человѣка слишкомъ слабы, а природа слишкомъ сложна для того, чтобы это могло когда либо удаться, а если бы даже и удалось, то я не вижу тѣхъ выгодъ, которыя такое обобщеніе могло бы доставить. Самое большее, на что мы можемъ надѣяться, это сведеніе всѣхъ формъ силъ къ тяготѣнію. Мы видимъ, однакожъ, что попытка Лапласа распространить это начало на химическія явленія не привела ни къ чему и не оказала никакого вліянія на движеніе химіи. Но если бы даже это обобщеніе и удалось провести, то мы наткнулись бы на еще большія трудности—на границы химическихъ и физіологическихъ явленій.

Точно также я далекъ отъ мысли считать всѣ явленія тождественными по существу и лишь различными по формѣ. Конечно позитивная философія была бы болѣе совершенной, еслибы удалось установить такое обобщеніе, но не слѣдуетъ его считать необходимымъ для успѣшной систематики и для практическихъ результатовъ позитивной системы. Существенно и необходимо лишь единство логическаго метода, что несомнѣнно имѣетъ уже мѣсто въ большей части естествознанія. Что же касается основныхъ законовъ природы, то вовсе нѣтъ надобности, чтобы ихъ можно было свести къ одному, достаточно, чтобы они были однородны въ различныхъ сферахъ знанія. Эти два начала единство метода и однородность доктринъ будутъ мнѣ служить руководствующими нитями въ теченіе моего курса".

Глава II. Классификація наукъ.

Умственная работа человѣка проявляется не только въ наукѣ, но и въ практическомъ воздѣйствіи на природу, въ техникѣ, которая поэтому также должна была бы имѣть мѣсто въ энциклопедіи ума. Однакожъ, въ виду большой, сравнительно съ наукой, сложности техни-

ки, Контъ исключаетъ ее изъ своей программы и приступаетъ къ своему дѣленію науки на абстрактныя и конкретныя, что составляетъ основаніе его классификаціи.

„Слѣдуетъ различать двоякаго рода науки—однѣ общія, абстрактныя имѣютъ своей задачей открытіе законовъ, общихъ цѣлому классу явленій, другія—конкретныя и частныя, такъ называемыя естественныя или описательныя науки посвящены примѣненію общихъ законовъ предыдущихъ наукъ къ частнымъ явленіямъ или предметамъ".

Такъ общая физіологія или біологія составляетъ абстрактную науку—зоологія и ботаника—конкретныя; химія есть абстрактная наука по отношенію къ минералогіи и металлургіи какъ конкретнымъ. Абстрактныя науки, очевидно, служатъ основаніемъ для конкретныхъ и составляютъ классъ первичный, тогда какъ конкретныя науки подчинены первымъ, отстаютъ въ своемъ развитіи отъ нихъ и поэтому исключены Контомъ изъ его курса, посвященнаго исключительно абстрактнымъ наукамъ.

Ограничивъ такимъ образомъ предѣлы и программу своей задачи, Контъ излагаетъ тѣ начала, на которыхъ построена его классификація. Существенное условіе всякой раціональной классификаціи, заключается, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы отдѣльныя науки и ихъ вѣтви соотвѣтствовали въ порядкѣ ихъ изложенія внутренней связи явленій, входящихъ въ сферу этихъ наукъ, чтобы послѣдовательность изложенія не наталкивалась на препятствія и необходимость возвратныхъ или боковыхъ уклоненій.

Каждая наука можетъ быть излагаема двумя способами: историческимъ или догматическимъ. Въ первомъ случаѣ наука излагается въ хронологическомъ порядкѣ ея развитія, при чемъ изложеніе слѣдуетъ тому же пути и порядку, которому слѣдовало движеніе этой науки. По другому же, догматическому способу наука излагается въ той формѣ, въ которой она складывается въ головѣ человѣка, вполнѣ овладѣвшаго ею и приведшаго всѣ данныя этой науки въ стройную систему, основанную на связи и соотношеніи матеріала. Первый способъ удобенъ для науки юной, еще не сложившейся, второй—для науки зрѣлой, приведенной въ систему. Замѣчается явная тенденція человѣческаго ума къ переходу отъ историческаго изложенія къ догматическому, по мѣрѣ того какъ наука зрѣетъ и складывается въ систему.

Догматическое изложеніе на первый взглядъ имѣетъ тотъ недостатокъ, что оно не показываетъ путей, которыми двигалась наука. Хотя поэтому и казалось бы, что историческое изложеніе науки представляетъ крупное преимущество, однакожъ, въ дѣйствительности это

послѣднее больше кажущееся. Историческій порядокъ развитія науки еще далеко не даетъ понятія о дѣйствительной исторіи науки. Въ самомъ дѣлѣ, не только различные отдѣлы одной науки, догматически отдаленные одинъ отъ другого, иногда развиваются совмѣстно и параллельно, но сплошь и рядомъ мы видимъ какъ различныя науки развиваются одновременно одна подъ взаимнымъ вліяніемъ другой. Мало того, нерѣдко для объясненія зарожденія какой либо научной теоріи, мы должны обратиться къ исторіи искусства данной эпохи, или къ какому либо отдаленному соціальному явленію, оказывающемуся въ тѣсной связи съ данной теоріей. Другими словами, истинную исторію какой либо науки можно выяснить себѣ, только изучая исторію человѣчества въ ея полномъ объемѣ. Вотъ почему историческое или правильное хронологическое изложеніе должно уступить мѣсто догматическому, основанному на внутренней логической связи явленій. Нужно, однакожъ, замѣтить, что догматическое изложеніе въ главныхъ чертахъ совпадаетъ съ общимъ историческимъ ходомъ развитія наукъ, такъ какъ ходъ развитія знанія въ умѣ отдѣльнаго индивида соотвѣтствуетъ догматическому порядку и въ то же время развитіе индивидуальнаго знанія должно совпадать съ историческимъ развитіемъ науки. Исторія личности должна быть сокращенной исторіей человѣчества.

Догматическая классификація имѣетъ своей задачей уяснить внутреннее соотношеніе различныхъ наукъ, а такъ какъ науки относятся между собою какъ описываемыя или изслѣдуемыя ими явленія, то въ концѣ концовъ классификація основывается на внутреннихъ отношеніяхъ явленій, входящихъ въ составъ различныхъ наукъ. При расположеніи всѣхъ наукъ въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ, раціональному изученію каждой послѣдующей въ ряду науки должно предшествовать ознакомленіе съ законами науки предшествующей. Этимъ условіемъ опредѣляется порядокъ наукъ въ іерархіи:—каждая послѣдующая наука должна быть по содержанію сложнѣе предыдущей. Но простота и общность явленій совпадаютъ, ибо чѣмъ явленіе проще, элементарнѣе, тѣмъ оно болѣе распространено въ природѣ, поэтому въ іерархическомъ ряду впереди всѣхъ будетъ стоять наука, занимающаяся наиболѣе общими и простыми явленіями — астрономія; послѣдней же въ ряду должна быть наука, имѣющая дѣло съ самыми сложными и спеціальными явленіями—біологія.

Чѣмъ общѣе и проще явленіе, тѣмъ легче оно и доступнѣе изученію. Сверхъ того, космическія явленія, хотя и имѣютъ огромное вліяніе на весь строй жизни человѣка, не затрогиваютъ непосредственно его обыденную жизнь, поэтому человѣкъ относится къ нимъ болѣе спо-

койно, а стало быть и логически. Все это вмѣстѣ взятое благопріятствуетъ тому, чтобы науки, занимающіяся этими наиболѣе простыми и общими явленіями, раньше другихъ достигли болѣе высокаго уровня развитія.

Дѣленіе наукъ на неорганическія и біологическія представляется поэтому самымъ основнымъ для всей системы знанія. Явленія физико-механическаго характера несравненно проще, общѣе біологическихъ и лежатъ въ основѣ послѣднихъ. Химическія явленія, въ свою очередь, хотя и стоятъ на рубежѣ, однакожъ, гораздо ближе къ физическимъ. Въ каждое біологическое явленіе входятъ механико-физическіе и химическіе факторы, но за всѣмъ тѣмъ остается еще нѣчто новое и спеціальное—это *организація*, которая рѣзко отличаетъ область біологіи отъ сферы неорганическаго міра. Ясно, что въ позитивной классификаціи наука о неорганическомъ мірѣ должна стоять впереди біологіи.

Примѣняя тѣ всѣ разсужденія къ двумъ остальнымъ группамъ наукъ, Контъ приходитъ къ слѣдующей классификаціи *пяти* основныхъ наукъ: астрономія, физика, химія, физіологія и соціологія.

Расположенныя въ этомъ порядкѣ науки представляютъ нисходящій рядъ по степени простоты и общности явленій и восходящій по степени сложности и спеціальности. Рядъ этотъ служитъ въ то же время указателемъ для изложеннаго раньше закона умственнаго развитія. Порядокъ, въ которомъ различныя области знанія вступаютъ послѣдовательно въ высшія фазы мысли, метафизическую и позитивную, совпадаетъ съ позитивной іерархіей наукъ. Раньше всего астрономія сдѣлалась позитивной, позже всѣхъ физіологія, которая еще не вполнѣ освободилась отъ метафизическихъ вліяній, соціологія еще и нынѣ находится наканунѣ позитивной мысли.

Настоящая іерархія можетъ также служить показателемъ степени зрѣлости и точности отдѣльныхъ наукъ. Наука, стоящая впереди всѣхъ, астрономія, оставила за собою позади всѣ науки по степени зрѣлости и точности, ею достигнутой, физіологія представляется наименѣе установившейся, о соціологіи говорить нечего.

Указывая на то, что наука различается по степени своей точности, Контъ предостерегаетъ отъ смѣшенія точности съ достовѣрностью. Одни факты могутъ значительно уступать другимъ по степени точности, но имѣютъ съ ними вполнѣ одинаковую достовѣрность. Контъ думаетъ, что всякая наука обладаетъ одинаково достовѣрными фактами, разъ они постоянны и твердо установлены.

Энциклопедическая классификація должна также, по мнѣнію Конта, сдѣлаться основой при изученіи наукъ, вообще, и ученымъ, посвящаю-

щимъ себя спеціальному изученію какой либо науки, необходимо руководствоваться этой іерархіей, предварительно изучивъ по крайней мѣрѣ основные законы и данныя наукъ предшествовавшихъ. Но едва ли не самый крупный результатъ его позитивной классификаціи получается въ отношеніи изученія самого метода позитивнаго мышленія.

„Благодаря этой классификаціи, говоритъ Контъ, явленія однородныя стоятъ всегда рядомъ, тогда какъ явленія разнородныя по своей натурѣ размѣщаются по различнымъ отдѣламъ наукъ. Позитивный методъ въ свою очередь, приспособляясь къ спеціальному характеру различныхъ группъ явленій, претерпѣваетъ въ различныхъ отрасляхъ знанія соотвѣтственныя видоизмѣненія, благодаря которымъ этотъ методъ мышленія развертывается во всей своей полнотѣ, обнаруживаетъ всѣ свои стороны и самъ по себѣ дѣлается доступнымъ философскому анализу и оцѣнкѣ во всемъ его объемѣ. Ни одна наука въ отдѣльности не можетъ дать полнаго понятія о позитивномъ методѣ въ цѣломъ. Такъ въ одной наукѣ методъ изученія исчерпывается простымъ наблюденіемъ, въ другихъ областяхъ наукъ, опытъ, и при томъ въ различной формѣ, составляетъ главное орудіе изслѣдованія. И хотя методы изслѣдованія переносятся съ одной области знанія на другія, но для того, чтобы получить должное представленіе объ какомъ нибудь методѣ, слѣдуетъ изучать его въ тѣхъ наукахъ, которымъ онъ спеціально свойственъ и въ которыхъ онъ зародился. Каждая наука въ отдѣльности имѣетъ поэтому свои спеціальныя удобства и преимущества къ отношенію изученія какой либо стороны позитивной методы, что и дѣлаетъ необходимымъ изучать ихъ всѣ для полнаго представленія о позитивномъ методѣ въ его цѣломъ“.

Что касается положенія математики въ ряду наукъ, то Контъ, ставя ее впереди всѣхъ, придаетъ ей особое по важности значеніе. „Со времени Ньютона и Декарта нельзя уже ограничивать значеніе математики однимъ ея содержаніемъ и считать ее наукой о величинахъ—числовыхъ и пространственныхъ. Математика есть основной базисъ всей естественной философіи и отчасти сама послѣдняя. Точныя и реальныя данныя, составляющія содержаніе современной математики, играютъ какъ таковыя непосредственно несравненно менѣе важную роль, чѣмъ математическій методъ, представляющій безспорно самый могущественный инструментъ, какой только человѣческій умъ можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи при изслѣдованіи природы“.

По содержанію своему математика естественно распадается на *два* крупныхъ отдѣла: — математику абстрактную, *счисленіе* въ обширномъ смыслѣ и *конкретную*, заключающую въ себѣ геометрію и часть ме-

ханики. Конкретная часть основана на абстрактной и въ свою очередь составляетъ непосредственное основаніе всей естественной философіи, разсматривающей всѣ міровыя явленія, насколько это возможно, какъ протяженіе и движеніе. „Одна только абстрактная часть математики — *счисленія—имѣетъ исключительно методологическое значеніе, будучи въ сущности ничто иное* какъ удивительное *распространеніе естественной логики* (la logique naturelle) на извѣстный классъ дедукцій. Геометрія же и механика представляютъ собою настоящія естественныя науки, основанныя, какъ и всѣ другія, на наблюденіи, хотя вслѣдствіе крайней простоты входящихъ сюда явленій, конкретная математика весьма рано достигла высокой степени догматичности и систематизаціи, изъза которой иногда не замѣчаютъ экспериментальнаго характера ея основныхъ началъ.

Въ настоящеее время, обѣ части конкретной математики геометрія и механика имѣютъ гораздо больше значенія какъ методъ, чѣмъ какъ естественная наука".

Но если математика такимъ образомъ представляется наукой, имѣющей содержаніемъ наиболѣе простыя, абстрактныя и общія явленія, то отсюда вытекаетъ, что, слѣдуя общему началу позитивной классификаціи, нужно поставить математику впереди всѣхъ другихъ наукъ. Изложеніе основъ математики должно собою открывать изученіе естественной философіи. Равнымъ образомъ, въ системѣ общаго и спеціальнаго образованія, математика должна служить началомъ и базисомъ, что впрочемъ эмпирически уже давно дѣлалось, вѣроятно вслѣдствіе того, что эта наука раньше всѣхъ достигла высокой степени зрѣлости.

Примѣняя изложенныя начала къ отдѣльнымъ вѣтвямъ основныхъ наукъ, Контъ создалъ слѣдующую классификацію наукъ.

Все дальнѣйшее изложеніе его курса позитивной философіи представляетъ собою систематическое изложеніе основныхъ законовъ и методовъ отдѣльныхъ наукъ и ихъ вѣтвей въ іерархическомъ порядкѣ, указанномъ его классификаціей.

Классификація науки:

Математика	Счисленіе	Функціи прямыя, функціи косвенныя. Варіаціонное счисленіе, ученіе о конечныхъ разностяхъ.
	Геометрія	Геометрія древняя и аналитическая. Геометрія линій и поверхностей.
	Механика	Статика, динамика, общая теоретическая механика.

- Неорганическая наука
  - Астрономія — Геометрическая и механическая космогонія.
  - Физика — Общія основы физики, барологія, термологія, акустика, оптика, электричество.
  - Химія — Основы химіи. Химія неорганическая, химія органическая.
- Біологія
  - Физіологія — Основы ученія о жизни. Строеніе и составъ живыхъ тѣлъ, классификація ихъ. Физіологія растительная и животная. Физіологія ума.
  - Соціальная физика
    - Метода — Позитивная метода въ ея примѣненіяхъ къ соціологіи. Связь соціальной физики и естествознанія.
    - Ученіе — Сложеніе человѣческихъ обществъ. Естественный законъ развитія человѣческаго рода какъ цѣлаго.
    - Историческій ходъ цивилизаціи — Теологическая, метафизическая, позитивная — Эпохи.

Глава III. Философія математики.

Контъ опредѣляетъ математику какъ науку, занимающуюся *не прямымъ измѣреніемъ величинъ*, черезъ ихъ отношенія, которыя связываютъ неизвѣстныя величины съ другими извѣстными. А такъ какъ цѣль всякой науки заключается въ опредѣленіи неизвѣстнаго черезъ извѣстное, и кромѣ того всѣ науки видятъ свой идеалъ въ стремленіи къ количественнымъ отношеніямъ или величинамъ, то ясно, что математика есть конечный идеалъ всякой науки—*наука par excellence*. Наука занимается сочетаніемъ, координаціей фактовъ. Если бы наши наблюденія оставались изолированными и не связывались бы между собою, никакая наука не могла бы возникнуть. Сверхъ того наука стремится утилизировать свои наблюденія ad maximum, стараясь извлечь изъ непосредственныхъ данныхъ опыта возможно большее число слѣдствій. Въ математикѣ мы видимъ обѣ эти стороны—координацію фактовъ и дедукцію изъ нихъ въ наивысшей степени.— Рѣшеніе какого либо математическаго вопроса распадается на двѣ части, рѣзко отличныя одна отъ другой и взаимно дополняющія другъ друга. Прежде всего, для того, чтобы явилась математическая задача, требуется найти тѣ отношенія, которыя связываютъ неизвѣстную искомую величину съ какими либо извѣстными. Это, по терминологіи Конта, *конкретная часть задачи*. Но разъ эти отношенія найдены, вопросъ мѣняетъ свой ха-

рактеръ—передъ нами *абстрактная работа,* вычисленіе неизвѣстной величины по извѣстнымъ. Въ различныхъ случаяхъ, то конкретная, то абстрактная части рѣшенія представляютъ больше трудностей. Такъ на законѣ паденія тѣлъ, открытомъ Галилеемъ, можно убѣдиться, что самое трудное заключалось въ томъ, чтобы подмѣтить изъ наблюденія постепенное возрастаніе скорости паденія и измѣрить это приращеніе скорости. Разъ это было сдѣлано, сама собою явилась математическая формула, изъ которой очень легко было вывести постоянное отношеніе между временемъ паденія и высотой и по любой изъ этихъ величинъ вычислить другую. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается обратное—легко бываетъ получить опытнымъ путемъ извѣстныя данныя, достаточно точныя для построенія формулы, но рѣшеніе этой задачи на основаніи формулы представляетъ большія, иногда даже непреодолимыя трудности.

Основное различіе между абстрактной и конкретной частью математики заключается въ томъ, что первая совершенно независима отъ природы тѣхъ явленій, какія входятъ въ задачу, тогда какъ конкретная математика имѣетъ дѣло всегда съ опредѣленнымъ классомъ явленій. Одна и та же формула можетъ относиться къ различнымъ группамъ явленій, разъ послѣднія представляютъ одно и то же отношеніе. Такъ напр., формулы, выражающія по закону Галилея отношеніе между временемъ и пройденнымъ пространствомъ при вертикальномъ паденіи тѣла, одинаково выражаетъ отношеніе между поверхностью шара и длиной его діаметра, а также и отношеніе между силой свѣта и теплоты и разстояніемъ отъ свѣтового или теплового источника. А между тѣмъ конкретная часть въ каждомъ изъ этихъ трехъ случаяхъ совершенно другая и самые методы, употребленные для полученія въ каждомъ изъ этихъ случаевъ одной и той же формулы, конечно, не имѣютъ между собою ничего общаго и въ каждомъ случаѣ опредѣляются природой тѣхъ вопросовъ, къ которымъ относятся данныя.

Такимъ образомъ абстрактная часть математики имѣетъ чисто логическое формальное содержаніе, тогда какъ конкретная имѣетъ физическій и экспериментальный характеръ.

Конкретная математика, имѣющая задачей открытіе *уравненій явленій,* казалось бы, a priori, должна распадаться на столько отдѣловъ, сколько есть естественныхъ или опытныхъ наукъ. Въ дѣйствительности же лишь въ немногихъ группахъ явленій удалось дойти до математическихъ законовъ и весьма вѣроятно, что большая часть явленій природы никогда не сдѣлается объектомъ математическихъ формулъ. Въ настоящее время, при современномъ состояніи человѣческаго ума, мы

БИБЛ... КОММУНИСТ... АКАДЕМИИ...

обладаемъ уравненіями лишь для двухъ классовъ явленій—геометрическихъ и механическихъ, только весьма недавно включенныхъ въ сферу математической науки. Однакожъ, и этого уже достаточно, чтобы на математику смотрѣть какъ на универсальную логику.

Ибо, разсматривая міръ статически, въ состояніи покоя, мы можемъ его свести къ явленіямъ величины, формы и положенія, т. е. къ геометріи; разсматривая же его динамически, въ состояніи движенія, мы можемъ его выразить въ терминахъ геометріи и механики. Слѣдовательно, можно смотрѣть на геометрію и механику какъ на основныя науки, такъ какъ всѣ явленія внѣшней природы могутъ быть сведены къ движенію и пространству.

Но, будучи безусловно вѣрно логически, это положеніе не реализуется въ дѣйствительности. Для того чтобы какой либо классъ явленій сдѣлался доступенъ математическому анализу, эти явленія должны предварительно достигнуть такой высокой степени научной разработанности, отъ которой до сихъ поръ огромное большинство естественныхъ наукъ еще отстоятъ весьма далеко. Только астрономія и нѣкоторые отдѣлы физики—акустика, оптика и термологія уже сдѣлались предметами приложенія математическаго анализа. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что по сущности своей математика универсальна и обнимаетъ собою всѣ явленія природы, такъ какъ анализируя любой научный вопросъ, мы всегда приводимъ элементамъ величины или, по крайней мѣрѣ, убѣждаемся, что таковъ долженъ быть конечный путь этого анализа, если бы его удалось довести до конца.

Указывая на несогласное съ этимъ взглядомъ ученіе Канта, различающаго количество и качество и признающаго только первое предметомъ математики, Контъ называетъ это воззрѣніе поверхностнымъ и метафизическимъ. Контъ напоминаетъ, что нѣкогда это различеніе количества отъ качества держалось въ самой математикѣ, въ алгебрѣ, геометріи и механикѣ. По мѣрѣ развитія математики выяснилось постепенно, сначала въ анализѣ, а затѣмъ въ геометріи и механикѣ, что всѣ такъ наз. качественные вопросы, такъ напримѣръ различіе въ формѣ кривыхъ линій и фигуръ сводятся къ количественнымъ. Недавно это было также доказано для явленій теплоты. И въ настоящее время уже нѣтъ ни одного математика, который не былъ бы убѣжденъ, что качество вездѣ, во всѣхъ явленіяхъ природы сводится къ количеству и что поэтому всѣ они логически доступны приведенію къ уравненію, хотя фактически трудность нахожденія такого уравненія, а еще болѣе разрѣшеніе его часто превосходятъ усилія самыхъ крупныхъ человѣческихъ умовъ.

Здѣсь Контъ пытается установить практически границу для приложенія математическаго метода. Онъ высказываетъ прежде всего то общее положеніе, что чѣмъ сложнѣе какое либо явленіе, тѣмъ больше трудностей для приведенія этого явленія къ уравненію—что конечно не требуетъ доказательствъ. Далѣе, помимо сложности, т. е. множественности факторовъ, входящихъ въ высшія явленія природы, химическія и біологическія, эти факторы отличаются еще сверхъ того характеромъ неустойчивости, вслѣдствіе чего ихъ числовое непостоянство является новымъ, еще бо̀льшимъ, чѣмъ сложность состава, препятствіемъ для приведенія этихъ явленій къ уравненію. Тогда какъ физическія свойства тѣлъ, какъ удѣльный вѣсъ, твердость, форма, консистенція и проч. представляютъ сравнительно довольно постоянныя величины для одного и того же предмета, по крайней мѣрѣ при извѣстныхъ условіяхъ,—мы видимъ совершенно другое въ явленіяхъ химическихъ, особенно же въ физіологическихъ. Какое бы мы ни взяли для изслѣдованія физіологическое явленіе, напримѣръ скорость кровеобращенія, мы убѣждаемся, что оно варьируетъ не только по расамъ, климатамъ, условіямъ жизни, но у одного и того же индивида подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій, оно колеблется въ своей величинѣ. Разумѣется, все это въ еще гораздо большей мѣрѣ примѣнимо къ соціальнымъ явленіямъ. Но еслибъ и удалось преодолѣть трудности составленія уравненія, разрѣшеніе его далеко превышаетъ наши умственныя силы. Стоитъ только вспомнить, говоритъ Контъ, что мы до сихъ поръ не имѣемъ точнаго рѣшенія задачи объ скорости истеченія жидкости изъ сосуда, когда это совершается подъ вліяніемъ одной тяжести этой жидкости. Если мы достигли сравнительно блестящихъ успѣховъ къ примѣненію анализа къ астрономіи, преимущественно въ отношеніи солнечной системы, то этимъ мы обязаны не только простотѣ отношеній въ этой области и потому, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ одной силой—притяженіемъ, но цѣлому ряду случайныхъ обстоятельствъ, благопріятствующихъ намъ.

Правильность и значительный размѣръ планетныхъ орбитъ, ничтожное ихъ наклоненіе, малый, сравнительно съ солнцемъ, вѣсъ планетъ, малочисленныхъ, отдаленныхъ одна отъ другой, все это вмѣстѣ взятое значительно упрощаетъ задачи такъ назыв. небесной механики. При другихъ условіяхъ явленія астрономическія вѣроятно не такъ скоро и легко подчинились бы математическому анализу.

Будетъ поэтому благоразумно, если, признавая въ теоріи математику универсальной, мы ограничимъ область вѣроятнаго и практически возможнаго господства ея метода—неорганической физикой и откажемся

разъ на всегда отъ химерическихъ надеждъ распространить методъ математическій на сферы болѣе сложныхъ явленій. Нужно помириться съ мыслью, что въ области химіи, біологіи мы никогда не достигнемъ того совершеннаго количественнаго знанія, образцомъ котораго служатъ геометрія и механика и что при изученіи этихъ явленій мы должны ограничиться ихъ анализомъ и изученіемъ условій ихъ возникновенія, ихъ взаимодѣйствія и т. п.

Математика первая созрѣла какъ наука, ея методъ былъ первымъ научнымъ методомъ. Совершенно естественно, что впослѣдствіи каждая вновь нарождающаяся отрасль науки видѣла въ математикѣ свой идеалъ, стремилась перенять ея методъ. Пора, однакожъ, отказаться отъ химеръ, пора понять, что каждая отрасль науки имѣетъ свой спеціальный методъ, вырабатывающійся изъ приспособленія позитивнаго метода къ спеціальнымъ особенностямъ данной группы явленій. Только при этомъ условіи каждая наука и ея методъ получаютъ свой окончательный характеръ, который никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ характеромъ другой отрасли знанія.

Размѣръ и задачи настоящаго очерка не позволяютъ слѣдить за Контомъ въ его изложеніи основныхъ началъ математическаго анализа во всѣхъ его частяхъ и отдѣлахъ; можно указать только на одну основную идею, проводимую Контомъ черезъ всю его философію математики. Онъ постоянно напоминаетъ объ опытномъ происхожденіи основныхъ данныхъ и теоретическихъ началъ математики. Такъ въ алгебраическомъ анализѣ онъ указываетъ на чисто опытное происхожденіе и первоначально конкретный характеръ всѣхъ элементарныхъ формъ алгебраическихъ функцій, получившихъ съ теченіемъ времени абстрактный характеръ. Напр. выраженіе X^2, первоначально означавшее площадь поверхности, теперь сдѣлалось общей формулой и т. д. Въ геометріи Контъ также подробно останавливается на доказательствахъ опытнаго происхожденія геометрическихъ представленій и такъ назыв. геометрическихъ аксіомъ объ углахъ, параллельныхъ линіяхъ и т. п.

Именно эти понятія, говоритъ Контъ, и выработаны человѣческимъ умомъ изъ наблюденій надъ формами окружающихъ насъ предметовъ. И если еще до сихъ поръ немногіе геометры усматриваютъ въ этихъ обобщеніяхъ опыта какія то аксіомы, то въ этомъ нельзя не видѣть остатки метафизическаго міровоззрѣнія.

Контъ настойчиво предостерегаетъ противъ преувеличенныхъ надеждъ, возлагаемыхъ нѣкоторыми на примѣненіе анализа къ геометріи, въ особенности же онъ протестуетъ противъ того мнѣнія будто бы

геометрія можетъ быть *вся* построена аналитически и выведена дедуктивно безъ реальныхъ опытныхъ основъ.

Между прочимъ Контъ, говоря о методологическомъ значеніи геометріи, указываетъ на крайне важное, хотя и побочное вліяніе геометріи, какъ средства, развивающаго научное воображеніе, привычку и методу представлять себѣ отвлеченныя отношенія между явленіями графически, образно, чѣмъ значительно можетъ облегчиться постановка нѣкоторыхъ вопросовъ и ихъ разработка.

Въ томъ же духѣ Контъ излагаетъ философскія начала механики. Признавая и цѣня высоко услуги, оказанныя механикѣ математическимъ анализомъ какъ методомъ, онъ тѣмъ не менѣе считаетъ нужнымъ разъяснить и доказывать, что содержаніе механики самостоятельное, опытное, что механика, воспринявъ какъ готовыя данныя геометріи о пространствѣ, вноситъ затѣмъ цѣлый рядъ новыхъ спеціальныхъ представленій о движеніи, покоѣ, скорости, равновѣсіи, сопротивленіи, инерціи и т. п., имѣющихъ свое происхожденіе въ опытѣ и наблюденіи человѣчества.

Глава IV. Методъ, основныя начала и значеніе астрономіи въ системѣ позитивной философіи.

Астрономія есть наука, основанная на непосредственномъ наблюденіи и на математической обработкѣ немногихъ данныхъ, добытыхъ этими наблюденіями. „Существуетъ, говоритъ Контъ, замѣчательный, мало оцѣненный до сихъ поръ законъ, въ силу котораго чѣмъ какая либо группа явленій въ природѣ сложнѣе, а стало быть труднѣе поддается непосредственному наблюденію, тѣмъ больше открывается возможностей пользоваться для изслѣдованія этихъ явленій косвенными способами наблюденія или опыта. Несмотря, однакожъ, на такой параллелизмъ между возрастаніемъ трудностей и способовъ изслѣдованія, гармонія тѣмъ не менѣе все болѣе нарушается и въ общемъ, чѣмъ явленія сложнѣе, тѣмъ изслѣдованіе дѣлается затруднительнѣе“.

Астрономія, какъ наука, имѣющая дѣло съ самыми ограниченными элементарными явленіями, обладаетъ и самыми ограниченными средствами изслѣдованія. Наблюденія бываютъ трехъ родовъ: 1) простое непосредственное, пассивное наблюденіе, 2) экспериментальное, или активное, когда явленіе наблюдается при различныхъ условіяхъ, искусственно производимыхъ, и 3) сравненіе, когда данное явленіе сопоставляется съ аналогичными ему, при чемъ самое явленіе черезъ это упрощается. Только въ біологіи послѣдніе два способа наблюденія достигаютъ своего пол-

наго развитія, тогда какъ въ астрономіи примѣнимо только пассивное наблюденіе, да и то основанное на показаніяхъ одного только органа чувствъ—зрѣнія.

Но одни наблюденія не сдѣлали изъ астрономіи науки. Не въ Египтѣ и Халдеѣ, гдѣ жрецы дѣлали наблюденія надъ небесными свѣтилами, родилась астрономія, а въ Греціи и въ тотъ именно день, когда греческіе философы взялись за разработку геометрическихъ законовъ солнечнаго движенія. Не телескопъ сдѣлалъ изъ астрономіи точную науку, а геометрія и механика. Астрономія, утверждаетъ Контъ, обладаетъ въ наибольшей степени существеннымъ свойствомъ науки—предвидѣніемъ: цѣль всякой науки есть предвидѣніе, провозглашаетъ Контъ. Ни въ одной наукѣ, кромѣ астрономіи, нельзя получить такого яснаго представленія о сущности научнаго позитивнаго объясненія явленія и объ истинномъ характерѣ научныхъ гипотезъ, играющихъ такую важную роль въ небесной механикѣ. Переходя къ перечню теоретическихъ и практическихъ заслугъ астрономіи, Контъ, увлекаясь, достигаетъ высокаго краснорѣчія. Эти страницы однѣ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ его курсѣ. „Астрономія, говоритъ онъ доставляетъ намъ могущественное доказательство того, что самыя тонкія и отвлеченныя научныя изысканія необходимы для удовлетворенія нашихъ самыхъ обыденныхъ потребностей“. Обратимся для примѣра къ опредѣленію долготъ, начало которому положено великимъ Гипархомъ, мы видимъ, что безъ самыхъ тонкихъ абстрактныхъ, спекулятивныхъ работъ геометровъ и механиковъ (т. е. математиковъ), мы не въ состояніи были бы опредѣлять положеніе судна на морѣ. Не долженъ ли такой примѣръ убѣдить невѣжественную толпу, которая, если бы могла, затормозила бы движеніе абстрактной науки, требуя отъ послѣдней, чтобы она занималась лишь изслѣдованіями, приносящими очевидную непосредственную практическую пользу?

Могъ ли бы умъ человѣка обратиться къ изысканію явленій земной жизни, если бы онъ предварительно не оріентировался относительно положенія земной планеты въ пространствѣ? Навряд ли, ибо положеніе земли, ея движеніе и отношеніе къ ближайшимъ небеснымъ тѣламъ опредѣляютъ весь характеръ физическихъ и органическихъ явленій на землѣ. Что было бы напр. съ нашими познаніями физическихъ, химическихъ и физіологическихъ явленій, еслибы мы не имѣли твердой точки опоры въ ученіи о тяжести и притяженіи?

Даже основанія соціальной науки находятся въ тѣсной зависимости отъ астрономическаго фактора. Представимъ себѣ, что измѣнилось, хотя и незначительно разстояніе земли отъ солнца, тотчасъ же измѣнится

длина года; съ измѣненіемъ наклона эклиптики измѣнилось бы распредѣленіе временъ года, что должно было бы неминуемо повлечь за собою радикальную перемѣну во всемъ строѣ жизни.

Достигни эти измѣненія нѣсколько бо̀льшаго размѣра—и самая жизнь на землѣ стала бы невозможной. Безъ преувеличенія можно сказать, что соціальная физика не могла бы сдѣлаться наукой, еслибы геометрамъ не удалось доказать, что по законамъ небесной механики, колебанія и уклоненія въ ходѣ солнечной системы возможны только въ весьма ничтожныхъ размѣрахъ и то въ видѣ весьма медленныхъ періодическихъ колебаній вокругъ нѣкоего средняго довольно опредѣленнаго состоянія равновѣсія? Ибо мыслимо ли было бы устанавливать прочные соціальные законы, еслибы не было увѣренности въ постоянствѣ космическихъ законовъ, которымъ подчинены всѣ физическія и біологическія явленія на нашей планетѣ?

Этимъ спеціальнымъ вліяніемъ астрономіи на другія отрасли знанія, однакожъ, далеко еще не исчерпывается ея значеніе. Она, сверхъ того, оказываетъ огромное общее вліяніе на весь умственный строй человѣчества; ничто не оказывало такого обновляющаго дѣйствія на направленіе человѣческой мысли какъ начала, выработанныя астрономической наукой.

Стоитъ только указать на тотъ фактъ, что лишь подъ вліяніемъ развитія астрономическихъ знаній, исчезли и разсѣялись нелѣпые предразсудки и страхъ передъ сверхъестественнымъ характеромъ небесныхъ свѣтилъ, различныя явленія которыхъ, какъ кометы, затменія и т. п., долго порабощали умъ человѣка. Всѣ эти предразсудки исчезли въ наше время даже въ умахъ невѣжественной массы и не столько подъ вліяніемъ распространенія астрономическихъ знаній, сколько вслѣдствіе постояннаго импонирующаго совпаденія этихъ явленій съ предсказаніемъ, исходящимъ отъ науки. Не слѣдуетъ забывать при этомъ словъ Лапласса, что, если, когда нибудь занятія астрономіей будутъ заброшены, всѣ эти предразсудки могутъ вновь легко воскреснуть.

Трудно оцѣнить вліяніе, произведенное на направленіе нашей мысли великимъ открытіемъ Коперника — закона вращенія земли вокругъ солнца. Прежде всего оно оказалось въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ теологическимъ міросозерцаніемъ. Послѣднее разсматриваетъ весь міръ какъ созданный для человѣка, который является центромъ этого міра. Такое понятіе представляется даже неразвитому уму нелѣпымъ съ того момента, когда доказано, что земля со всѣми ея горделивыми обитателями является такой же скромной планетой—спутницей солнца, какъ Марсъ и Венера, обитатели которыхъ имѣютъ столько же права считать себя центромъ вселенной, какъ и мы. Но если ложнымъ и смѣшнымъ

притязаніямъ человѣка на первенствующее положеніе въ природѣ и былъ нанесенъ смертельный ударъ этимъ открытіемъ, то не слѣдуетъ, однакожъ, думать, что дѣйствительное нравственное и духовное достоинство человѣка потеряло отъ этого. Напротивъ, это открытіе указало человѣку его умственное могущество, раскрыло передъ нимъ широко дверь, куда могла направиться его пытливость, передъ которой должны раскрыться тайны вселенной. На мѣсто фантастической и разслабляющей идеи о природѣ, будто бы созданной для человѣка, наука выставила болѣе реальное и оживляющее представленіе о человѣкѣ-открывателѣ, одаренномъ въ силу своего разума способностью раскрывать истинные законы природы и даже съ помощью разумной дѣятельности пользоваться ими для своихъ жизненныхъ цѣлей и задачъ.

Не ясно-ли, что на извѣстной ступени умственнаго и культурнаго развитія такой взглядъ на человѣка болѣе исполненъ нравственнаго достоинства болѣе соотвѣтствуетъ наклонностямъ нашей природы и болѣе способенъ стимулировать и воодушевлять нашу интеллектуальную дѣятельность? Если природа создана для человѣка, тогда его господство надъ нею не составляетъ его заслуги, въ дѣйствительности же, къ счастью для человѣка, онъ имѣетъ право гордиться тѣми пріобрѣтеніями и побѣдами, которыми онъ обязанъ преимущественно самому себѣ.

Непосредственнымъ результатомъ ученія Коперника было и то, что люди отказались отъ идеи о вселенной, ограничивъ свое мышленіе представленіемъ о солнечной системѣ. Наука и мысль человѣка несомнѣнно выиграли отъ такой замѣны неопредѣленной и безплодной идеи вселенной яснымъ, доступнымъ изслѣдованію понятіемъ о солнечной системѣ.

Къ сожалѣнію, заключаетъ Контъ, теорія вращенія земли не оказала еще на современнаго человѣка своего философскаго вліянія въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она это можетъ и должна сдѣлать. Зависитъ это отъ нашей несовершенной системы воспитанія, которая сначала внушаетъ дѣтямъ мысли и чувства теологическаго и метафизическаго рода и потомъ уже знакомитъ ихъ съ данными позитивной науки. Эти послѣднія, столкнувшись съ уже окрѣпшими понятіями низшаго рода, не всегда въ состояніи вытѣснить ихъ и нерѣдко прилаживаются и приспособляются къ этимъ чуждымъ позитивному духу воззрѣніямъ и иногда даже поддерживаютъ ихъ своимъ авторитетомъ.

Глава V. Позитивныя основы физики.

Послѣ подробнаго изложенія основныхъ теоремъ небесной геометріи и механики, при чемъ подробно изложенъ вопросъ о вращеніи земли,

законъ притяженія и законъ Кеплера, Контъ переходитъ къ физикѣ и, согласно своему общему плану, устанавливаетъ сначала основныя понятія объ содержаніи физики, ея методѣ, цѣли и значеніи.

Уже при попыткѣ опредѣлить содержаніе физики какъ науки, мы наталкиваемся на трудность разграничить область физическихъ явленій отъ смежной химической сферы. Но хотя эта трудность со дня на день возрастаетъ вслѣдствіе того, что область извѣстныхъ намъ смѣшанныхъ химико-физическихъ явленій и процессовъ постоянно увеличивается, и между обѣими науками устанавливаются все болѣе и болѣе интимныя соотношенія, тѣмъ не менѣе Контъ находитъ возможнымъ и необходимымъ признать разграниченіе этихъ двухъ областей знанія. Три кардинальныхъ признака могутъ по Конту служить для отличія физическихъ явленій отъ химическихъ. Первый заключается въ большей общности физическихъ явленій, свойственныхъ всѣмъ тѣламъ природы сравнительно съ болѣе спеціальнымъ характеромъ химическихъ процессовъ, свойственныхъ каждый лишь извѣстному классу предметовъ. Второе различіе заключается въ томъ, что тогда какъ физическія явленія относятся къ массамъ, химическія всегда происходятъ между элементами, молекулами, почему и называютъ иногда химію молекулярной физикой. Наконецъ третье и, повидимому, самое существенное различіе состоитъ въ томъ, что при физическихъ процессахъ массовое строеніе тѣла или состояніе его агрегаціи весьма рѣдко измѣняется; между тѣмъ въ химіи сущность процесса и заключается въ измѣненіи молекулярнаго строенія тѣла, при чемъ большей частью и состояніе массовое также измѣняется, т. е. изъ плотнаго тѣла превращается въ жидкое и газообразное, или наоборотъ. Нужно, однакожъ, имѣть въ виду, что всѣ физическіе процессы, достигнувъ извѣстной напряженности, такъ измѣняютъ молекулярное строеніе тѣлъ, что дѣйствуютъ какъ химическіе процессы, къ которымъ они и приближаются при этихъ условіяхъ.

При существованіи различныхъ физическихъ явленій, какъ свѣтъ, звукъ, электричество и др., естественно возникаетъ вопросъ не суть ли эти различныя явленія формы одной силы? Многіе крупные мыслители, въ томъ числѣ великій Эйлеръ, предполагали, что свѣтъ и электричество, теплота, магнетизмъ и притяженіе обусловлены одной эфирной средой, этому же эфиру приписывали происхожденіе звука и наконецъ основу физіологическихъ процессовъ, такъ наз. жизненную силу, равно какъ и химическое сродство. Выходитъ, такимъ образомъ, что всѣ явленія природы сводятся къ одному дѣятелю, при чемъ невозможно доказать правильность или ошибочность такого взгляда. Единственный выходъ, по Конту, изъ такого затрудненія заключается въ томъ, чтобы, руко-

ОБЩ
БИБЛІОТЕКА

водясь основными началами позитивной философіи, совершенно игнорировать вопросъ о происхожденіи физическихъ явленій и ограничиться только изслѣдованіемъ законовъ самихъ явленій.

Возвращаясь снова къ спеціальному вопросу объ отношеніи физическихъ явленій къ химическимъ, Контъ напоминаетъ, что еслибы даже и удалось свести химическіе процессы на физическія явленія, что можетъ быть составитъ работу современнаго поколѣнія ученыхъ, все-таки основное различіе между этими двумя классами явленій останется въ своей силѣ; въ каждомъ химическомъ актѣ всегда останется нѣчто большее, чѣмъ физическое явленіе, а именно измѣненіе въ молекулярномъ строеніи тѣла, а стало быть и въ ансамблѣ его свойствъ.

Удерживая поэтому принципіальное различіе между физикой и химіей, можно опредѣлить первую какъ науку, изучающую законы, управляющіе общими свойствами тѣлъ, обыкновенно массъ, находящихся въ условіи постоянства ихъ молекулярной конституціи и весьма часто и формы ихъ агрегаціи. Опредѣленіе это ведетъ къ слѣдующей характеристикѣ физическихъ законовъ.—Они имѣютъ задачей предвидѣть всѣ явленія, какія можетъ дать извѣстное тѣло, поставленное въ какія либо условія, исключая тѣхъ, при которыхъ это тѣло разрушается.

Переходя къ методамъ физики, Контъ показываетъ, что сравненіе не достигаетъ еще въ физикѣ такого развитія, какъ въ химіи, и что преобладающій методъ физики экспериментальный. Онъ думаетъ, что ни химическія явленія, ни тѣмъ менѣе физіологическія не представляютъ тѣхъ благопріятныхъ для эксперимента условій, какія имѣетъ физика, которая и есть настоящій творецъ этого метода. Въ тоже время Контъ предостерегаетъ отъ увлеченія въ физикѣ математическимъ анализомъ, примѣненіе котораго и плодотворно лишь при опредѣленныхъ условіяхъ, изъ которыхъ главное—существованіе на лицо твердо доказанныхъ, путемъ эксперимента, данныхъ. Во всѣ эпохи словомъ „физика“ обозначалась не только спеціальная область явленій, но и вся природа; въ этомъ распространеніи термина „физика“ обнаруживается воззрѣніе, или вѣрнѣе предположеніе, что законъ чисто физическій, въ тѣсномъ смыслѣ, лежитъ въ основѣ всѣхъ явленій природы. Съ точки зрѣнія позитивной философіи, взглядъ этотъ единственно правильный, такъ какъ несомнѣнно, что законамъ матеріи и движенія вообще подчинены всѣ спеціальные законы отдѣльныхъ видовъ вещества и движенія. Даже въ наиболѣе сложной группѣ явленій—біологической, мы видимъ эту подчиненность общимъ физическимъ законамъ. Физіологія поэтому можетъ быть научной только подъ условіемъ изученія біологическихъ явленій какъ подчиненныхъ законамъ физическимъ. Точно

также, хотя, по мнѣнію Конта, гипотеза единства химическихъ и физическихъ явленій и не доказана, не подлежитъ, однакожъ, сомнѣнію, что химическіе акты тѣсно связаны съ физическими процессами. Ни одинъ актъ разложенія или соединенія не мыслимъ безъ явленій тепла, электричества, тяжести, законамъ которыхъ эти химическія явленія должны стало быть подчиняться.

Что касается вліянія физики на общее настроеніе человѣческаго ума, то, по мнѣнію Конта, физика, какъ и химія, уступаютъ въ этомъ отношеніи астрономіи и физіологіи. Каждая изъ этихъ послѣднихъ наукъ, стоящихъ на противоположныхъ концахъ іерархической лѣстницы доставляютъ намъ элементарныя понятія—одна о природѣ, другая о человѣкѣ. Вліяніе ихъ на умъ человѣка поэтому болѣе рѣзкое и опредѣленное, тогда какъ промежуточныя науки смѣшанныя и переходныя не такъ типичны по своему вліянію. Тѣмъ не менѣе исторія физики показываетъ намъ какое сильное вліяніе имѣли многія изъ открытій въ ея области. Въ послѣднія два столѣтія физика была главной ареной борьбы метафизики съ позитивными тенденціями, тогда какъ въ астрономіи, вслѣдствіе большей простоты явленій, борьба эта не была такъ упорна и побѣда позитивизма была быстрая и легкая за исключеніемъ вопроса о вращеніи земли.

Въ изслѣдованіи физическихъ явленій немалую роль играетъ новый факторъ—власть человѣка надъ самыми явленіями, возможность видоизмѣнять ихъ. Не трудно убѣдиться, что эта возможность имѣетъ большое значеніе не только для методики, но и какъ факторъ, имѣющій общее вліяніе на направленіе человѣческаго ума вообще. Въ самомъ дѣлѣ, въ сферѣ астрономическихъ явленій мы видимъ какъ человѣкъ съ помощью науки достигаетъ высокой степени предвидѣнія, что способствуетъ побѣдѣ позитивнаго мышленія надъ теологическимъ, такъ какъ предвидѣніе и точное предсказаніе небесныхъ явленій наноситъ смертельный ударъ теологическому взгляду на небесныя тѣла, какъ на существа, одаренныя произвольностью и самостоятельностью. Въ явленіяхъ физическихъ эта возможность предвидѣть падаетъ почти до нуля вслѣдствіе крайней сложности и индивидуальности физическихъ факторовъ. Зато тутъ является на помощь позитивному мышленію другой, какъ бы замѣняющій предвидѣніе, факторъ—активная власть человѣка надъ этими явленіями, что также дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на теологическое міросозерцаніе и укрѣпляетъ позитивное мышленіе. Такъ было съ открытіемъ Франклиномъ причины происхожденія молніи; на умъ тогдашняго общества подѣйствовала нестолько его теорія, подтвержденная прекрасными опытами объ электрическомъ происхожденіи

этого загадочнаго до тѣхъ поръ явленія, какъ устроенный Франклиномъ громоотводъ, воочію убѣдившій всѣхъ въ томъ, что молнія не есть нѣчто сверхъестественное, а явленіе, подчиненное строгимъ физическимъ законамъ. Замѣчательно, говоритъ Контъ, что по мѣрѣ того, какъ мы входимъ въ область болѣе сложныхъ явленій, физическихъ, химическихъ и біологическихъ, наша способность предвидѣнія падаетъ, но съ другой стороны какъ бы компенсаторно болѣе и болѣе возрастаетъ наша активная, видоизмѣняющая власть надъ этими вліяніями. Такимъ образомъ позитивное мышленіе, теряя постепенно одну изъ своихъ опоръ взамѣнъ ея пріобрѣтаетъ другую, вслѣдствіе чего въ окончательномъ результатѣ побѣда позитивизма надъ низшей формой мысли все болѣе и болѣе укрѣпляется. Здѣсь Контъ еще разъ формулируетъ слѣдующее положеніе: каждая отрасль знанія обогащаетъ умъ человѣка въ методологическомъ отношеніи новыми элементами. Математика даетъ намъ самое точное понятіе и критерій научнаго и позитивнаго метода вообще. Астрономія даетъ намъ ясное представленіе объ истинномъ характерѣ изученія природы; физика научаетъ насъ эксперименту.

Въ заключеніе философскаго анализа физики, Контъ подробно излагаетъ свой взглядъ на гипотезы, ихъ характеръ, критерій и значеніе въ исторіи науки. Законы какого либо явленія, говоритъ онъ, могутъ быть открыты лишь двумя способами, или анализируя самое явленіе, или опредѣляя его отношеніе къ какому либо другому болѣе общему факту, т. е. путемъ индукціи или дедукціи. Оба эти метода, даже вмѣстѣ взятые, нерѣдко недостаточны для познаванія даннаго явленія, поэтому часто бываетъ необходимо прибѣгнуть къ предварительному допущенію, которое помогаетъ намъ въ процессѣ изслѣдованія даннаго явленія и, будучи провѣрено, можетъ оказаться истиннымъ объясненіемъ или искомымъ результатомъ. Вотъ эти то неизбѣжныя предположенія и суть гипотезы, безъ которыхъ наука не можетъ существовать. Самъ Ньютонъ, написавшій „Hypotheses non fingo“, прежде чѣмъ найти законъ тяготѣнія предположилъ его въ видѣ гипотезы. Но, будучи необходимыми, гипотезы являются законными орудіями изслѣдованія лишь подъ двумя условіями, во-первыхъ, онѣ должны быть доступны провѣркѣ, во-вторыхъ, чтобы онѣ относились лишь къ законамъ явленій, но не къ причинамъ ихъ. Въ наукѣ, въ особенности въ физикѣ, мы встрѣчаемъ въ настоящее время два класса гипотезъ — однѣ, относящіяся къ законамъ явленій, другія, имѣющія своей задачей проникнуть въ самыя причины вещей. Очевидно, только перваго рода гипотезы могутъ считаться научно полезными, послѣднія же метафизичны по своему существу и нерѣдко мѣшаютъ прогрессу науки. Какъ примѣръ такого рода, по сло-

вамъ Конта, химеричныхъ и нелѣпыхъ гипотезъ, онъ приводитъ современное (въ его время) ученіе физиковъ о жидкостяхъ и эфирѣ. Такъ, нѣкоторые физики пытаются объяснить расширеніе тѣлъ подъ вліяніемъ теплоты присутствіемъ въ тѣлахъ эфира, который будто бы всегда стремится увеличиться въ своемъ объемѣ. Но, при этомъ не замѣчаютъ, что эта гипотеза влечетъ за собою необходимость другой гипотезы—эластичности самаго эфира! Хотя эти гипотезы и не научны по мнѣнію Конта, онъ признаетъ, тѣмъ не менѣе, за ними то значеніе, что онѣ играютъ роль моста, черезъ который научная мысль переходитъ отъ чисто метафизическихъ теорій къ позитивнымъ. Разстояніе между настоящимъ метафизическимъ ученіемъ о сущностяхъ и позитивной наукой о законахъ явленій такъ велико, что безъ такого посредствующаго звена, какъ гипотезы о полуматерьяльныхъ эфирахъ и жидкостяхъ, непосредственный переходъ отъ метафизики къ позитивному былъ бы весьма затруднителенъ для человѣческаго ума.

Оба условія законной гипотезы—и то, что она должна быть доступна провѣркѣ и то, что она должна касаться фактовъ и законовъ, но не причинъ происхожденія явленій—въ сущности находятся въ неразрывной связи одно съ другимъ. Ибо только гипотеза, касающаяся фактовъ и законовъ, доступна провѣркѣ; гипотеза же, касающаяся недоступнаго намъ происхожденія явленій, не подлежитъ провѣркѣ и не можетъ поэтому быть ни доказываемой, ни опровергаемой. И наоборотъ, гипотеза, доступная провѣркѣ, всегда сводится къ нѣкоторымъ фактамъ или закону, тогда какъ неподлежащая провѣркѣ очевидно не можетъ быть сведена на факты или законы и, слѣдовательно, относится къ самой, такъ называемой метафизиками, внутренней природѣ вещей.

При подраздѣленіи физики на отдѣлы Контъ руководится слѣдующими идеями. Ученіе о тяжести, какъ ближайшее по содержанію и по простотѣ къ ученію о притяженіи, должно быть поставлено во главѣ физики. Ученіе объ электричествѣ, какъ наиболѣе интимно связанное съ химическими процессами—должно, наоборотъ, стать послѣднимъ въ физикѣ, на рубежѣ химіи. Теорію теплоты, по всеобщности тепловыхъ явленій, точно также распространенныхъ какъ тяжесть, слѣдуетъ излагать вслѣдъ за ученіемъ о послѣдней, что также соотвѣтствуетъ значительному развитію математическаго анализа въ области тепловыхъ явленій. Наконецъ, акустика и оптика помѣщаются между ученіемъ о теплотѣ и электричествомъ.

Глава VI. Философія химіи.

Опредѣленіе молекулярныхъ перемѣнъ внутри тѣла, подъ вліяніемъ воздѣйствія на тѣло внѣшнихъ или внутреннихъ силъ, составляетъ предметъ изученія химіи. Молекулярный процессъ, по своей энергіи, по быстрой и глубокой пертурбаціи, происходящей при этомъ въ данномъ тѣлѣ, нѣсколько сближаетъ неорганическія тѣла съ живыми существами. А такъ какъ первобытная человѣческая мысль всегда склонна была видѣть жизненное начало всюду и во всемъ, то дѣлается понятнымъ, почему наука такъ рано и такъ энергично занялась изученіемъ химическихъ явленій, представляющихъ наибольшее внѣшнее сходство съ жизненными.

Одна изъ особенностей химическихъ процессовъ та, что непосредственному наблюденію болѣе всего доступны самые сложные изъ нихъ, какъ броженіе, горѣніе растительныхъ веществъ и т. п., тогда какъ элементарныя и простѣйшія химическія явленія скрыты и только при искусственныхъ условіяхъ дѣлаются доступны воспріятію нашихъ чувствъ. Химическія явленія занимаютъ переходное положеніе между физическими и физіологическими процессами. Тогда какъ физическіе процессы мало вліяютъ на внутреннее молекулярное состояніе тѣлъ, химическіе процессы производятъ глубокую пертурбацію въ его строеніи. Съ другой стороны, разъ химическій процессъ закончился, измѣненное молекулярное тѣло впадаетъ снова въ состояніе инертное, тогда какъ въ живомъ организмѣ химическіе процессы, *непрерывно* развиваясь, при томъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ—разложенія и соединенія—не разстраиваютъ динамическаго равновѣсія живой ткани и ея организаціи, которая такимъ образомъ обнаруживаетъ высокую химическую энергію вмѣстѣ съ динамической и структурной устойчивостью—чисто физическаго характера. Химическіе процессы и физическіе отличаются другъ отъ друга кромѣ изложенныхъ выше началъ еще нѣсколькими существенными чертами. Тогда какъ физическія тѣла, а въ особенности процессы нерѣдко представляютъ лишь различіе по степени и интенсивности однихъ и тѣхъ же элементовъ, химическіе тѣла и процессы отличаются рѣзкой специфичностью, которая и служитъ основаніемъ для раздѣленія вещества на много группъ отдѣльныхъ тѣлъ и веществъ, взаимныя отношенія, т. е. реакціи которыхъ также глубоко специфичны. Такимъ образомъ, въ то время какъ физическія явленія составляютъ основу матеріи вообще, химическіе процессы даютъ основаніе явленію *индивидуальности* въ природѣ.

Другое капитальное различіе между явленіями химическими и физическими состоитъ въ томъ, что тогда какъ послѣднія совершаются на какомъ бы разстояніи ни находились физическія тѣла одно отъ другого, химическія явленія или реакціи имѣютъ мѣсто лишь при взаимномъ сближеніи химическихъ тѣлъ; лучшимъ условіемъ для развитія химическихъ процессовъ служитъ жидкая среда, въ которой взаимно дѣйствующія химическія тѣла расположены, т. е. равномѣрно распространены до возможной соприкосновенности. Въ газообразномъ состояніи химическіе элементы также легко взаимно реагируютъ другъ на друга. Однимъ словомъ благопріятнымъ и даже существеннымъ условіемъ для химическихъ процессовъ оказывается состояніе повышенной молекулярной энергіи химическихъ тѣлъ (газообразное и жидкое состоянія) и непосредственное молекулярное сближеніе. Явленія физіологическія предполагаютъ еще болѣе сложныя условія для своего развитія — комбинацію жидкаго и твердаго состоянія основныхъ элементовъ живой матеріи. Резюмируя основныя черты химическихъ явленій, Контъ приходитъ къ слѣдующей формулѣ: „химія изучаетъ явленія соединенія и разложенія, вытекающія изъ молекулярнаго и специфическаго дѣйствія другъ на друга различныхъ веществъ естественныхъ или искусственно добытыхъ человѣкомъ“.

Что касается возможности предвидѣнія въ области химіи, она сводится къ слѣдующему: разъ даны свойства какихъ либо простыхъ или сложныхъ тѣлъ и опредѣлены условія химическаго взаимодѣйствія этихъ тѣлъ, мы должны быть въ состояніи предсказать какого рода продукты получатся результатомъ этого взаимодѣйствія и каковы будутъ свойства этихъ продуктовъ.

Въ концѣ концовъ, химія путемъ анализа сложныхъ тѣлъ до крайнихъ предѣловъ возможнаго сосредоточитъ свою задачу на изученіи существенныхъ свойствъ простыхъ тѣлъ, откуда должны получиться основы для законовъ болѣе сложныхъ и отдаленныхъ химическихъ комбинацій.

Изученіе элементовъ очевидно по самой ихъ натурѣ должно быть непосредственное и опытное для каждаго элемента отдѣльное и независимое одно отъ другого. Все, на что можно надѣяться въ смыслѣ обобщенія, заключается въ томъ, чтобы на основаніи индукціи и аналогіи установить связь между общими химическими свойствами каждаго элемента и его физическими свойствами.

И хотя нѣкоторые факты даютъ право надѣяться на достиженіе такого соотношенія между химическими и физическими свойствами элементовъ, тѣмъ не менѣе нельзя ожидать, чтобы эта связь могла слу-

жить для апріорнаго, помимо опыта, выведенія химическаго характера элементовъ изъ ихъ физическихъ свойствъ. Поэтому, отбросивъ всякія химерическія надежды, мы всегда вынуждены будемъ опытнымъ путемъ отыскивать химическія свойства простыхъ тѣлъ. Но зато, разъ это будетъ сдѣлано, все безконечное разнообразіе химическихъ вопросовъ и задачъ должно разрабатываться раціональнымъ, т. е. дедуктивнымъ путемъ, при чемъ руководящей нитью должны будутъ служить немногіе законы, установленные для различныхъ классовъ комбинацій.

Комбинаціи эти можно классифицировать или по степени сложности строенія, или по числу входящихъ элементовъ. Само собою разумѣется, что трудности изученія какого либо химическаго тѣла будутъ возрастать вмѣстѣ съ усложненіемъ строенія и увеличеніемъ числа входящихъ въ него элементовъ. Не надо, однакожъ, думать, что число этихъ комбинацій или формъ химическихъ соединеній очень велико. Тѣла химическія бываютъ обыкновенно двойными, рѣдко тройными и едва-ли встрѣчаются составы болѣе чѣмъ изъ 4-хъ элементовъ. Поэтому число такихъ комбинацій должно быть весьма незначительно, и еслибы мы только знали законы этихъ основныхъ формъ, то большое число химическихъ задачъ оказались бы лишь частными случаями этихъ общихъ законовъ, изслѣдованіе и разрѣшеніе ихъ значительно упростилось бы. Если мы этого въ химіи не видимъ, то этому, главнымъ образомъ, виною неправильная метода.

Какъ на примѣръ примѣненія общаго начала къ частнымъ вопросамъ въ химіи, Контъ указываетъ на теорію пропорцій. Какъ извѣстно, стоитъ лишь для каждаго тѣла ввести его эмпирически найденный коэффиціентъ, чтобы опредѣлить дедуктивно въ какой пропорціи это тѣло соединяется съ другимъ.

Переходя къ методу химіи, Контъ замѣчаетъ, что въ этой области наблюденіе достигаетъ своей наибольшей полноты. Тогда какъ въ астрономіи наблюденіе можетъ пользоваться лишь однимъ органомъ чувствъ—глазомъ, въ физикѣ еще и слухомъ, и осязаніемъ, химія располагаетъ вкусомъ и обоняніемъ, играющимъ нерѣдко рѣшающую роль при опредѣленіи и различеніи химическихъ тѣлъ. Въ этомъ расширеніи средствъ наблюденія въ химіи нѣтъ ничего случайнаго, такъ какъ оба эти органа чувствъ, обоняніе и вкусъ, приводятся въ дѣятельное состояніе химическимъ агентомъ,—явленіемъ сочетанія и разложенія. Что касается эксперимента, то уже въ химіи, вслѣдствіе чрезвычайной сложности явленій, мы встрѣчаемся съ препятствіями, иногда непреодолимыми. Отчасти, впрочемъ, эти препятствія кажутся намъ

столь большими, вслѣдствіе того, что химія лишь недавно стала серьезно и правильно разрабатываться. Въ этомъ предположеніи насъ укрѣпляютъ изслѣдованія Пристлея и Лавуазье, по своему характеру въ экспериментальномъ отношеніи не уступающія многимъ главамъ физики.

За то химія есть родина метода сравненія, который состоитъ въ томъ, что одно и тоже явленіе изучается аналогично, въ цѣлой группѣ сходныхъ фактовъ, при чемъ удается прослѣдить всѣ степени развитія и перехода въ этомъ явленіи. Этотъ методъ сравненія ведетъ къ образованію сходныхъ группъ или естественныхъ семействъ, что тѣсно связано съ понятіемъ о классификаціи, достигающимъ своего наивысшаго развитія уже въ царствѣ біологіи.

Со стороны технической методъ химіи, соотвѣтственно двумъ основнымъ химическимъ процессамъ, соединенію и разложенію, заключенъ въ двухъ процедурахъ: разложеніи или анализѣ данныхъ соединеній и обратно въ синтезѣ или соединеніи данныхъ элементовъ. Контъ протестуетъ противъ попытокъ ввести математическій анализъ въ химію. „Всякая попытка, говоритъ онъ, ввести химическіе вопросы въ кругъ математическихъ доктринъ должна считаться нераціональной и противной теперь и въ будущемъ истинному характеру химіи.

Внѣдреніе математическихъ теорій въ химіи грозитъ на мѣсто реальнаго эмпиризма постановки пустыя концепціи и затормозить движеніе этой науки. Такъ не вредно, по его мнѣнію, для развитія химіи господство въ ней метафизическихъ теорій физическаго характера, какъ *сродство*. Контъ не признаетъ услугъ, оказанныхъ химіи этимъ ученіемъ, и, несмотря на всѣ видоизмѣненія, которымъ подвергалось ученіе о сродствѣ и при его постоянномъ приспособленіи къ фактамъ, онъ видитъ въ немъ лишь тормозъ для позитивнаго движенія химіи, которая должна заниматься только изслѣдованіемъ химическихъ явленій и ихъ отношеній“.

Со стороны спеціальнаго методологическаго вліянія химіи какъ науки на общій строй человѣческой мысли, Контъ отмѣчаетъ за химіей ту спеціальную заслугу, что она доставляетъ намъ теорію научной номенклатуры. По мѣрѣ того какъ явленія изслѣдуются какой либо наукой, усложняются, оказывается все болѣе и болѣе труднымъ имѣть такую систему однородныхъ и краткихъ наименованій явленій, которая облегчала бы ходъ и ассоціацію нашихъ идей, что собственно и составляетъ функцію номенклатуры. Въ этомъ отношеніи ни одна отрасль явленій природы не обладаетъ въ такой мѣрѣ, какъ химія, условіями, благопріятными развитію номенклатуры.

Еслибъ органы и ткани живыхъ организмовъ различались между собою лишь въ одномъ какомъ-нибудь отношеніи, еслибъ болѣзни, напр., различались только по своему мѣсту, еслибъ животныя или по крайней мѣрѣ группы животныхъ были вполнѣ однородны и различались между собою только въ одномъ отношеніи, тогда, конечно, любой изъ этихъ классовъ явленій могъ дать матеріалъ для раціональной номенклатуры. Но только въ одной химіи мы встрѣчаемъ такое благопріятное условіе, что всѣ сложныя тѣла, — а почти всѣ тѣла природы встрѣчаются въ сложномъ видѣ,—различаются между собою только въ одномъ отношеніи—по составу своему. Поэтому наименованіе химическаго тѣла, разъ оно указываетъ его составъ, даетъ, во-первыхъ, самое общее понятіе о тѣлѣ, какъ цѣломъ и затѣмъ, во-вторыхъ, даетъ ясное представленіе объ исторіи, т. е. о происхожденіи этого тѣла. Въ то же время построенная на такомъ началѣ химическая номенклатура облегчаетъ установленіе въ нашемъ умѣ взаимнаго отношенія различныхъ тѣлъ и приведеніе ихъ въ одну систему. Кромѣ этого значенія химіи какъ метода немаловажно также ея вліяніе въ силу особаго характера ея содержанія; ибо на сколько съ одной стороны способность предвидѣнія въ области химическихъ явленій ничтожна сравнительно съ явленіями физическими, на столько-же активная власть человѣка въ этой сферѣ явленій значительно больше, такъ какъ большая сложность явленій сама по себѣ создаетъ больше точекъ соприкосновенія между ними и человѣкомъ и доставляетъ послѣднему больше возможности воздѣйствія на нихъ. Хотя въ силу этого закона можно было бы ожидать, что въ слѣдующихъ областяхъ, въ біологіи и соціологіи, власть человѣка надъ природой еще больше возрастаетъ, однакожъ въ дѣйствительности, если имѣть въ виду только практически полезное воздѣйствіе человѣка на природу, то окажется, что въ химіи это воздѣйствіе достигаетъ своего наибольшаго примѣненія. И нѣтъ сомнѣнія, что именно это—практически-осязательное вліяніе, оказываемое человѣкомъ на химическіе процессы, помогло человѣческому уму избавиться отъ теологическаго міровоззрѣнія въ сферѣ этихъ явленій. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь вспомнить, что уже со временъ Аристотеля философы не переставали учить, что основной элементъ всѣхъ тѣлъ существенно тождественъ, несмотря на кажущееся разнообразіе отдѣльныхъ предметовъ. Однакожъ эти метафизическія отвлеченія не въ состояніи были разрушить теологическаго ученія о непрерывномъ возникновеніи и разрушеніи вещества въ природѣ. И только въ великую эпоху геніальныхъ открытій, сдѣланныхъ въ химіи въ концѣ прошлаго вѣка, удалось

опытнымъ путемъ побѣдить это ложное ученіе. До тѣхъ поръ, пока химики не научились изслѣдовать газы, очень многіе до того времени необъяснимыя явленія, какъ напр. горѣніе, должны были поддерживать мысль о возникновеніи и разрушеніи матеріи. Въ томъ-же смыслѣ повліялъ химическій анализъ органическихъ тканей, открывшій тождества ихъ состава съ элементами неорганической матеріи.

Общепринятое дѣленіе химіи на органическую и неорганическую Контъ признаетъ ненаучнымъ, не находя никакихъ основаній для такого раздѣленія и считаетъ невозможнымъ провесть границу между ними. Правильнѣе, по мнѣнію Конта, выдѣлить изъ органической химіи рядъ вопросовъ, входящихъ въ біологію, а все остальное слить съ неорганической химіей.

Послѣ этого введенія въ химію Контъ приступаетъ къ изложенію главныхъ теорій этой науки и начинаетъ съ ученія о числѣ основныхъ химическихъ элементовъ. „Многіе современные философы и химики", говоритъ онъ,—въ особенности германскіе представители школы натуръфилософовъ думаютъ, что *à priori* можно ожидать въ природѣ весьма небольшое число простыхъ тѣлъ или элементовъ. Теорія эта, вытекающая изъ метафизическихъ началъ экономіи простоты въ природѣ, не выдерживаетъ критики даже съ точки зрѣнія этихъ началъ и принадлежитъ къ остаткамъ теологическаго мышленія. Прежде всего упускается изъ виду, что природа несравненно сложнѣе нашего слабаго интеллекта, которому хочется вѣрить въ простыя начала. Разумѣется въ постройкѣ нашихъ философскихъ системъ желательно стремиться къ простымъ началамъ, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ эти начала соотвѣтствовали реальнымъ фактамъ. Только опытъ, а не разумъ можетъ дать полное рѣшеніе этого вопроса, пока-же мы должны смотрѣть на каждое еще неразложенное тѣло, какъ на простое, не предрѣшая однакожъ этимъ нисколько вопроса о томъ, дѣйствительно-ли это тѣло неразложимо. Знаменитый Кювье сомнѣвался въ томъ, чтобъ всѣ простыя химическія вещества, т. н. элементы были въ дѣйствительности неразложимы. Сомнѣнія свои онъ основывалъ на неравномѣрномъ распредѣленіи на землѣ этихъ простыхъ тѣлъ, изъ которыхъ одни встрѣчаются въ большомъ изобиліи, другія-же напротивъ попадаются весьма рѣдко. Предполагая, что дѣйствительные элементы должны быть распредѣлены равномѣрно по всѣмъ частямъ нашей планеты, Кювье думалъ устранить кажущееся противорѣчіе тѣмъ предположеніемъ, что въ дѣйствительности будто бы многіе элементы находятся въ составѣ сложныхъ тѣлъ, образованіе которыхъ произошло нѣкогда подъ вліяніемъ спеціальныхъ и теперь уже не встрѣчающихся условій. Можно

поэтому думать, по мнѣнію Кювье, что многія или нѣкоторыя изъ нынѣ признаваемыхъ простыми тѣлами въ сущности сложны и что въ нихъ входятъ тѣ элементы, которые въ свободномъ состояніи рѣдко встрѣчаются. На это можно, по мнѣнію Конта, возразить слѣдующее. Правда, что элементы должны въ общей массѣ земли встрѣчаться болѣе равномѣрно, чѣмъ это наблюдается въ единственно знакомой намъ части земли—на ея поверхности. Но отсюда еще нельзя дѣлать того заключенія, которое выводитъ Кювье. Намъ извѣстно, и то весьма неполно и неравномѣрно, строеніе самаго поверхностнаго слоя земной коры. А между тѣмъ, если даже допустить, что въ общей массѣ земли элементы должны быть равномѣрно распредѣлены, то во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія распространять это ожиданіе на поверхностный слой земного шара. Напротивъ того на основаніи законовъ тяжести мы въ правѣ ожидать, что элементы наиболѣе тяжелые больше всего должны встрѣчаться въ глубокихъ слояхъ земного шара.—Во-вторыхъ, слѣдуетъ ожидать, что на поверхности земли чаще всего будутъ встрѣчаться элементы, входящіе въ составъ органическихъ тканей, какъ оно и есть въ дѣйствительности. Такое распредѣленіе вполнѣ объясняетъ и большій удѣльный вѣсъ глубокихъ слоевъ земли и въ тоже время объясняетъ накопленіе легкихъ элементовъ на крайнихъ пунктахъ поверхности земной коры въ видѣ газовъ, жидкостей и тѣхъ твердыхъ веществъ, которыя входятъ въ составъ органической природы. Во всякомъ случаѣ одно ясно, что, вникая глубже въ механику земной жизни, мы не находимъ въ неравномѣрности распредѣленія элементовъ ничего такого, что стояло-бы въ явномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что мы въ правѣ ожидать на основаніи общихъ законовъ земной физики. Вообще-же, заключаетъ Контъ, хотя приведеніе всѣхъ элементовъ къ небольшому числу и было-бы желательно въ виду большого при этомъ сближенія различныхъ группъ явленій, но принципіально отъ этой гипотезы химія ничего не выиграла-бы.—Обращаясь къ іерархіи элементовъ, Контъ выставляетъ слѣдующее требованіе: раціональная іерархія не можетъ основываться исключительно на свойствахъ самыхъ элементовъ, но должна также обнимать и основныя свойства главныхъ соединеній, образуемыхъ элементами. Этому условію удовлетворяетъ іерархія, предложенная Берцеліусомъ, расположившимъ элементы въ порядкѣ ихъ электрическаго взаимоотношенія. Не смотря на вполнѣ позитивный характеръ и высокое значеніе для современной химіи теоріи Берцеліуса, нельзя однакожъ смотрѣть на нее, какъ на исчерпывающую или рѣшающую вопросъ. Истинная іерархія и основанная на ней классификація химическихъ тѣлъ собственно уже почти исчерпываютъ всю фи-

лософію химіи, а между тѣмъ при нынѣшнемъ состояніи химіи было-бы химерой ожидать возможность такой теоріи, которая предполагаетъ еще впереди много предварительныхъ изслѣдованій. — Въ самихъ доктринахъ химіи предстоитъ еще разрѣшить рядъ вопросовъ, прежде чѣмъ станетъ возможной окончательная классификація. Во-первыхъ необходимо рѣшить, какому изъ двухъ началъ нужно отдать предпочтеніе, какъ основанію для классификаціи сложныхъ тѣлъ — степени ли ихъ сложности, т. е. строенію молекулы, или числу входящихъ въ нее простыхъ атомовъ; а между тѣмъ этотъ вопросъ еще даже не былъ поставленъ [1]). Далѣе въ анализѣ строенія сложныхъ тѣлъ слѣдуетъ по возможности стремиться къ дуалистическимъ формуламъ, т. е. разлагать ихъ на 2 составныя части, независимо отъ того, сколько основныхъ единицъ или элементовъ входитъ въ это тѣло. Другими словами, слѣдуетъ придавать большее значеніе предварительному анализу, чѣмъ окончательному. Ибо окончательный анализъ какого-либо тѣла, показывающій, сколько составныхъ единицъ входитъ въ это тѣло, не даетъ ни малѣйшаго представленія о строеніи этого тѣла, о томъ, какъ эти единицы въ немъ сгруппированы, тогда какъ предварительный анализъ, разлагающій тѣло на 2 группы единицъ, даетъ положительный фактъ, свидѣтельствующій объ извѣстномъ строеніи. Изъ области синтеза можно почерпнуть подтвержденіе этого взгляда. Такъ, замѣчательное открытіе Wöhler'a, которому удалось синтетически добыть мочевину, вѣроятно никогда не получилось бы, еслибъ Wölher придерживался ходячей методы непосредственнаго синтеза изъ основныхъ элементовъ мочевины,— азота, углерода, водорода. Но лишь благодаря тому, что Wölher предварительно соединилъ эти элементы въ двѣ группы, на которыя распадается мочевина, ему удалось составить и послѣднюю. Такимъ же необходимымъ условіемъ для классификаціи и доктринъ въ химіи Контъ признаетъ уничтоженіе искусственнаго раздѣленія химіи на органическую и неорганическую. Только при соблюденіи всѣхъ перечисленныхъ условій въ отношеніи метода и доктринъ химія можетъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ она по мнѣнію Конта должна быть—общимъ ученіемъ о матеріи. Покончивъ съ вопросомъ о іерархіи и классификаціи элементовъ, Контъ переходитъ къ изложенію ученія о постоянныхъ пропорціяхъ, или такъ называемаго закона Дальтона. Законъ этотъ, какъ извѣстно, утверждаетъ слѣдующее: когда два химическія тѣла при извѣстныхъ условіяхъ соединяются въ новое, то при этомъ оба тѣла входятъ въ новое въ опредѣленныхъ вѣсовыхъ отношеніяхъ; сверхъ того вѣсовыя отношенія, а

[1]) Въ то время когда Контъ писалъ.

стало быть и объемныя (такъ-какъ удѣльные вѣса тѣлъ постоянны) одного и того же тѣла, входящаго въ различныя комбинаціи съ другимъ тѣломъ, будутъ кратныя числа. Пояснимъ это примѣромъ. Водородъ и кислородъ соединяются между собою въ опредѣленной вѣсовой пропорціи 1 — 8, тогда получается H_2O — вода. Но при нѣкоторыхъ условіяхъ данное вѣсовое количество водорода соединяется съ двойнымъ количествомъ кислорода, получается H_2O_2—1—16. Такимъ же образомъ опредѣленное количество азота N_2 соединяется съ кратными величинами $O_1O_2O_3O_4$ и O_5, получаются различныя тѣла, въ которыхъ вѣсовыя отношенія количествъ O на одно и тоже количество N— кратны между собою. Изложивъ исторію развитія этого ученія, Контъ останавливается на работахъ Дальтона, истиннаго творца этого закона, и вытекающей изъ него атомистической теоріи. Она заключается въ томъ, что вся матерія представляется состоящей изъ недѣлимыхъ ни механически, ни химически единицъ—атомовъ, которые однакожъ встрѣчаются въ природѣ не въ своемъ изолированномъ состояніи, а уже соединенными въ группы изъ опредѣленнаго небольшого числа атомовъ. Такая группа или молекула—механически недѣлима, но химически разлагается при химическихъ процессахъ. Теорія эта, говоритъ Контъ, такъ соотвѣтствуетъ всѣмъ явленіямъ пропорціи и эквивалентовъ, что она была всѣми признана. И хотя изъ нея непосредственно вытекаетъ законъ кратныхъ пропорцій, но для того, чтобы послѣдній законъ не обратился въ фикцію, необходимо принять, что число возможныхъ комбинацій, въ которыхъ могутъ вступать между собою въ соединенія различные элементы, весьма не велико.— Безъ этого ограниченія законъ опредѣленныхъ пропорцій можетъ обратиться въ законъ неопредѣленныхъ пропорцій. При появленіи этой теоріи Дальтонъ, сознавая важность этого пункта, и принималъ лишь ограниченное число комбинацій. Однакожъ дальнѣйшія изслѣдованія убѣждаютъ все болѣе и болѣе въ существованіи большого числа такихъ комбинацій. Но самыми существенными препятствіями для распространенія закона пропорцій на всю химію служатъ растворы, сплавы металловъ и органическія соединенія. Извѣстно, что твердыя вещества растворяются въ крайне неопредѣленныхъ количественныхъ отношеніяхъ, недопускающихъ примѣненія закона пропорцій. Тоже, хотя и въ меньшей степени, наблюдается въ такъ называемыхъ сплавахъ. А между тѣмъ эти растворы и сплавы обладаютъ многими такими свойствами, какъ напримѣръ: извѣстна устойчивость противъ механическихъ и термическихъ вліяній, которыя не позволяютъ смотрѣть на нихъ, какъ на простыя механическія смѣси, а заставляютъ видѣть въ нихъ осо-

баго рода химическія тѣла. Противорѣчіе между этими группами явленій и закономъ пропорцій можетъ быть устранено лишь тѣмъ, что мы допустимъ въ каждомъ растворѣ или сплавѣ механическую смѣсь нѣсколькихъ основныхъ растворовъ или сплавовъ, подчиняющихся закону пропорцій. Гораздо больше затрудненій встрѣчается при попыткѣ подчинить органическія соединенія закону пропорцій, такъ какъ анализъ органическихъ веществъ показываетъ намъ, что основные элементы соединяются въ различныхъ органическихъ тѣлахъ въ самыхъ разнообразныхъ числовыхъ отношеніяхъ. Не слѣдуетъ однакожъ терять надежды и здѣсь упростить кажущееся разнообразіе и найти скрытую подъ неопредѣленностью числовую правильность и пропорціональность. Чтобы приблизиться къ этой возможности необходимо и можетъ быть достаточно, во-первыхъ, распространить дуалистическую теорію на всѣ органическія соединенія, т. е. сдѣлать то допущеніе, что какъ ни сложны эти послѣднія, но они распадаются при предварительномъ анализѣ на 2 основныхъ химическихъ единицы, изъ которыхъ каждая въ свою очередь, можетъ быть, представляетъ сложное химическое тѣло.

Разумѣется эта идея, какъ гипотеза, требуетъ самой всесторонней опытной провѣрки для того, чтобъ она могла быть принята какъ теорія. И можетъ легко оказаться, что эти основныя единицы соединяются при образованіи органическихъ веществъ въ пропорціональныхъ отношеніяхъ, точно также какъ атомы соединяются въ неорганическихъ тѣлахъ. Другое существенное условіе распространенія закона пропорцій на органическія соединенія заключается въ раздѣленіи органической химіи на два отдѣла. Слѣдуетъ выдѣлить въ органической химіи всѣ стойкія органическія соединенія, имѣющія существованіе независимо отъ органической жизни. Этотъ классъ органическихъ веществъ, менѣе сложный, при помощи дуалистической теоріи по всей вѣроятности удастся подчинить закону пропорцій. Затѣмъ остается обширный классъ органическихъ соединеній, крайне сложный, неустойчивый, неопредѣленный по своей натурѣ, имѣющій эфемерное существованіе, возникающій лишь какъ продуктъ органической жизни, съ которой такъ тѣсно связано его существованіе, натура и значеніе, что эти вещества должны быть изучаемы въ біологіи, а не въ химіи. По всей вѣроятности эти вещества представляютъ собою настоящія смѣси различныхъ органическихъ соединеній въ неопредѣленныхъ пропорціяхъ. Съ помощью этого раздѣленія и дуалистической теоріи возможно ожидать, что такъ называемыя тройничныя и четвертныя органическія соединенія удастся превратить въ парныя соединенія, подчиняющіяся законамъ пропорцій. Свою мысль Контъ демонстрируетъ слѣдующимъ образомъ: имѣя трой-

ничное соединеніе, въ которое входятъ кислородъ (o), водородъ (H) и углеродъ (c), можемъ представить себѣ внутреннее строеніе такого вещества съ точки зрѣнія дуалистической теоріи въ 3-хъ основныхъ видахъ oh + oc, oc + oh, oh + ch; причемъ oh, oc, ch—суть основныя единицы, сами по себѣ различной сложности, но сочетающіяся между собою по закону пропорцій. Такимъ же образомъ можно представить себѣ и четвертныя органическія соединенія, въ которыхъ входятъ O, h, C и N азотъ,—а также въ формѣ бинальныхъ соединеній изъ oh, oN, oc, hc, hN. Изъ всѣхъ химическихъ доктринъ электрохимія достигла уже такой высокой степени научной разработки, что она можетъ занять мѣсто въ физикѣ. Контъ посвящаетъ особую главу этой доктринѣ. Получивъ свое начало, благодаря открытію Дави способности гальваническаго тока разлагать щелочныя соединенія, доктрина эта была разработана сполна и установлена Берцеліусомъ, который основалъ классификацію простыхъ химическихъ тѣлъ по началу ихъ взаимной электроспособности. Но если Берцеліусъ долженъ быть признанъ творцомъ электрическаго метода въ анализѣ, то Бекерелю принадлежитъ заслуга приложеній электрическаго тока къ синтезу; причемъ ему удалось пролить свѣтъ на законы возникновенія геометрическихъ формъ. Какъ извѣстно нѣкоторые химики предложили электрохимическую теорію для объясненія всѣхъ химическихъ процессовъ вообще и молекулярнаго сцѣпленія въ частности. Контъ сильно возстаетъ противъ этой теоріи, находя ее крайне ненаучной и ничего не объясняющей. По этой теоріи предполагается, что всѣ химическіе элементы состоятъ изъ двухъ половинъ, представляющихъ положительное и отрицательное электричество. Контъ, возражая противъ этой теоріи, прежде всего указываетъ на то, что едва-ли сцѣпленіе большихъ массъ можетъ быть объяснено электричествомъ, которое имѣетъ въ химическихъ тѣлахъ такое малое напряженіе. Электричество сверхъ того представляетъ собою общее свойство всѣхъ тѣлъ природы, только въ разной формѣ и степени. А между тѣмъ химическія тѣла и въ особенности ихъ реакціи отличаются крайней специфичностью, почему, по мнѣнію Конта, нельзя химическое взаимодѣйствіе, или такъ называемое сродство, объяснять электричествомъ. Относя эту теорію къ метафизическимъ, Контъ напоминаетъ, что были уже попытки свести на электричество и явленія свѣтовыя, тепловыя и тяжести. Стоитъ только, прибавляетъ онъ иронически, соединить пресловутую теорію электрической жидкости съ ученіемъ о нервной жидкости, и мы опять получаемъ какую-то кажущуюся универсальную систему, которая, однакожъ, не имѣетъ ничего реальнаго и которая при дѣйствительномъ изученіи отдѣльныхъ отра-

слей знанія распадается на отдѣльныя доктрины, достаточныя сами по себѣ для объясненія явленій и нисколько не нуждающіяся въ этой теоріи.— Прежде чѣмъ разстаться съ философскимъ анализомъ химіи и вступить въ область біологіи, Контъ останавливается подробно на пограничной области—на органической химіи.

Какъ уже раньше было упомянуто, Контъ требуетъ исключенія изъ органической химіи обширнаго класса физіологическихъ продуктовъ, предлагая включить ихъ въ физіологію, остальное же содержаніе слить съ неорганической химіей, причемъ органическая химія въ теперешнемъ смыслѣ должна по Конту совершенно исчезнуть какъ отдѣльная наука. „Органическія кислоты, алкоголи, эфиры и т. п. вещества, говоритъ Контъ, имѣютъ такой же чисто химическій характеръ, какъ и любое другое вещество изъ неорганической химіи; тогда какъ кровь, желчь, лимфа,— продукты растительныхъ процессовъ, выдѣленія и т. п. имѣютъ наоборотъ характеръ чисто физіологическій и должны войти въ составъ біологіи. Объединенію всей химіи въ одно цѣлое, выключая ея физіологическую часть, мѣшаетъ ограниченіе закона пропорцій областью одной, такъ называемой неорганической химіи. Но съ помощью предложенной раньше дуалистической или правильнѣе бинарной теоріи Контъ считаетъ возможнымъ устранить препятствіе, мѣшающее обѣимъ частямъ химіи слиться въ одно цѣлое. Онъ полагаетъ, что, приведя формулы органической химіи къ бинарнымъ, можно будетъ примѣнить и къ нимъ законъ электрохимической іерархіи Берцеліуса. Обращаясь къ причинамъ неправильнаго хода развитія химіи, Контъ усматриваетъ ихъ отчасти въ томъ, что область химическихъ изслѣдованій раздроблена между химиками и физіологами, изъ которыхъ послѣдніе, всего больше занимавшіеся физіологическимъ отдѣломъ, всего менѣе знакомы съ духомъ и позитивными началами химической доктрины. Въ свою очередь химики, занимающіеся разработкой физіологической части химіи, совершенно игнорируютъ физіологическія условія этихъ изслѣдованій. Такъ, напримѣръ, изслѣдуя кровь, желчь или какой либо другой морфологическій элементъ, химики упускаютъ изъ виду, что найденная его анализомъ формула не можетъ еще считаться типомъ, что необходимо принять во вниманіе полъ, возрастъ, состояніе здоровья и физическаго развитія того животнаго или человѣка, отъ котораго взятъ данный химическій продуктъ, а также способъ питанія и внѣшнія условія жизни этого индивида. Тоже относится и къ выдѣленіямъ организма, какъ моча, потъ, слюна и т. п. Нужно различать состояніе живой матеріи отъ мертвой: химическіе продукты, неразрывно связанные съ жизненными процессами, должны войти въ біологію, тогда какъ вещества и

процессы, имѣющіе мѣсто независимо отъ біологическихъ явленій, должны слиться съ химіей неорганической. Сліяніе органической химіи съ неорганической и подчиненіе первой законамъ послѣдней должно повести къ разъясненію многихъ въ настоящее время темныхъ вопросовъ въ области первой. Такъ, явленіе изомерности, столь часто встрѣчающееся въ органической химіи и состоящее въ томъ, что многія сложныя вещества при одинаковомъ конечномъ составѣ элементовъ однакожъ представляются тѣлами съ весьма различными свойствами, должно получить свое объясненіе съ помощью бинарной теоріи. По этой теоріи химическое тѣло при данномъ конечномъ составѣ его элементовъ можетъ, какъ показываетъ вышеприведенная схема, состоять изъ различной группировки химическихъ единицъ, каждая изъ которыхъ есть въ свою очередь группа элементовъ. Резюмируя свой обзоръ философіи химіи, Контъ приходитъ къ двумъ основнымъ положеніямъ: 1) химія во всемъ ея объемѣ должна объединиться въ своихъ доктринахъ и методѣ и 2) затѣмъ принять за основную форму всѣхъ химическихъ комбинацій элементовъ бинарную формулу.

Глава VII. Философскія основы біологіи.

Философіи біологіи или физіологіи, какъ Контъ ее часто называетъ, онъ предпосылаетъ общую характеристику науки вообще. „Философія всегда занималась изученіемъ человѣка и внѣшней природы. Каждая изъ этихъ частей философіи можетъ быть исходной точкой всей системы, откуда получаются два радикально-противоположныхъ метода—или философія исходитъ отъ человѣка къ природѣ, или же наоборотъ, она отъ изученія внѣшняго міра приходитъ къ познанію человѣка. Первая метода болѣе свойственна раннимъ ступенямъ человѣческой мысли—теологическому и метафизическому періодамъ; вторая характерна для болѣе зрѣлаго состоянія мысли—позитивной.

Въ эпоху юности человѣческой мысли, когда познаніе человѣка должно было стоять на первомъ планѣ, всѣ явленія природы неизбѣжно приписывались личнымъ волямъ, естественнымъ и сверхъестественнымъ—что и составляетъ суть теологическаго міровоззрѣнія. Изученіе же внѣшней природы, познакомивъ человѣка съ существованіемъ строгихъ законовъ, независимыхъ отъ его воли, дѣйствовало въ противоположномъ направленіи и въ свою очередь постепенно подчинило позитивному направленію наши понятія о самомъ человѣкѣ. Такъ и физіологія стала освобождаться изъ оковъ метафизики и теологіи лишь

въ самое послѣднее время, когда она проникласъ тѣмъ началомъ, что жизненныя явленія подчинены общимъ законамъ природы. Въ своемъ развитіи умъ человѣка самъ по себѣ стремился пройти послѣдовательно 3 стадіи развитія. Но вслѣдствіе недостаточности нашей духовной энергіи умъ нашъ нуждается для своего поступательнаго движенія впередъ во внѣшнемъ стимулѣ. По крайней мѣрѣ исторія не представляетъ намъ ни одного значительнаго примѣра такого самостоятельнаго развитія ума вполнѣ независимо отъ внѣшнихъ толчковъ. Изъ такихъ вспомогательныхъ моментовъ, подвигавшихъ нашъ интеллектъ по пути развитія — безспорно самый общій, наиболѣе дѣйствительный и въ тоже время непосредственный — это тотъ импульсъ, который намъ всегда давали практическія потребности, приложеніе нашихъ знаній къ жизни; не разъ высказывалось мнѣніе, что всякая наука порождается какимъ-либо практическимъ искусствомъ. Положеніе это, хотя и преувеличено, но заключаетъ въ себѣ значительную долю истины, въ особенности, если имѣть въ виду только первыя ступени развитія человѣческой мысли. Искусства при этомъ дѣйствовали на науку двояко, во-первыхъ, фактическими данными этой области и во-вторыхъ тѣмъ реальнымъ направленіемъ, которое искусства давали человѣческому уму, направляя его на разрѣшеніе доступныхъ намъ задачъ. Но если вначалѣ искусство и оказывало возбуждающее вліяніе на разныя знанія, зато разъ знаніе достигло извѣстной высоты, его союзъ съ искусствомъ уже дѣлается тормазомъ для дальнѣйшаго болѣе теоретическаго движенія науки, слишкомъ тѣсно связанной съ практикой. Безъ сомнѣнія это зависитъ отъ того, что вообще наша активная дѣятельная способность несравненно слабѣе нашей чисто интеллектуальной силы, поэтому искусство на извѣстной ступени развитія науки не можетъ вести за собою послѣднюю, а должна, наоборотъ, слѣдовать за ней. Задача и цѣль науки и искусства рѣзко различны — первая преслѣдуетъ знаніе, откуда предвидѣніе; вторая начинаетъ съ предвидѣнія, откуда получается дѣйствіе. И если на первыхъ ступеняхъ исторіи науки послѣдняя и опирается на искусство, то для дальнѣйшаго ея движенія впередъ и для превращенія ея въ точную доктрину—она должна была порвать всякую связь съ практической дѣятельностью. Отношеніе физіологіи къ медицинѣ всего лучше подтверждаетъ сказанное. Долгое время физіологія направлялась практической медициной, которой она питалась и отъ которой находилась въ самой тѣсной зависимости. И нѣтъ сомнѣнія, что безъ практической медицины физіологія наврядъ ли могла зародиться, но затѣмъ своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ физіологія обязана тому, что она выдѣлилась, стала на свои ноги и совер-

шенно освободилась отъ непосредственнаго вліянія и цѣли практической медицины. Основное условіе жизни, по опредѣленію Конта, заключается въ соотношеніи между организмомъ и средой. Всѣ существенныя измѣненія въ организаціи опредѣляются внѣшними вліяніями. Зависимость между организмомъ и средой тѣмъ болѣе возрастаетъ, чѣмъ выше мы подымаемся по лѣстницѣ живыхъ существъ. Въ то же время и реакція организма на внѣшнюю среду, его видоизмѣняющее вліяніе на окружающую природу также возрастаетъ по мѣрѣ развитія организмовъ. Слѣдуетъ при этомъ помнить, что если общая зависимость индивида отъ всей суммы внѣшнихъ вліяній или среды возрастаетъ, то съ другой стороны его зависимость частная или отъ каждаго внѣшняго фактора въ отдѣльности уменьшается. Стоитъ только сравнить отношеніе растенія, животнаго и человѣка къ средѣ, чтобъ въ этомъ убѣдиться. Тогда какъ первое вполнѣ подчинено ближайшимъ почвеннымъ условіямъ и приспособлено только къ незначительнымъ колебаніямъ атмосферическихъ условій, животное не такъ тѣсно связано съ мѣстными условіями и переноситъ гораздо большія колебанія отдѣльныхъ космическихъ факторовъ. Въ явленіяхъ жизни мы различаемъ двѣ группы процессовъ — растительные, составляющихъ общее достояніе всего живого царства, и анимальные, свойственныя исключительно животнымъ. Процессы перваго рода, какъ-то питаніе, ростъ и размноженіе, несомнѣнно лежатъ въ основѣ анимальныхъ явленій и доминируютъ надъ ними. Только въ жизни человѣка, и то на высшихъ ступеняхъ его культуры—это отношеніе измѣняется и животные процессы получаютъ первостепенное значеніе для организма. Взаимодѣйствіе организма и среды создаетъ новое понятіе о функціи, имѣющее также двойственное содержаніе, и выражаетъ обоюдное вліяніе или дѣйствіе среды на организмъ и обратно. Впрочемъ въ области біологіи обратное воздѣйствіе организма на среду игнорируется и только въ соціологіи этотъ моментъ достигаетъ значительнаго развитія. Поэтому въ области физіологіи подъ функціей разумѣется воздѣйствіе на организмъ внѣшней среды. Такимъ образомъ конечный анализъ всякой физіологической проблемы сводится по Конту къ слѣдующему: *по данному органу, предполагая среду извѣстной, найти функцію и обратно.*

„При изученіи явленій жизни, говоритъ Контъ, нужно имѣть въ виду, что многія изъ нихъ не имѣютъ ничего общаго съ явленіями неорганическаго міра, поэтому было бы нелѣпостью искать въ послѣднихъ основаніе для всѣхъ процессовъ органическаго міра. Конечно каждый разъ, когда въ живомъ организмѣ мы усматриваемъ какое-либо механическое, физическое или химическое явленіе, мы должны его изу-

чать по законамъ и методамъ науки неорганическаго міра, но въ области чисто-жизненныхъ процессовъ, біологія должна ограничиться только опредѣленіемъ самаго основного и элементарнаго изъ этихъ процессовъ, чтобы затѣмъ остальные, болѣе сложные, привести къ этому основному. Въ этомъ отношеніи весьма важно удержать раздѣленіе на растительныя или органическія явленія и анимальныя, такъ какъ первыя безспорно сводятся на физическія и химическія, что непримѣнимо къ явленіямъ анимальной жизни, въ особенности къ нервнымъ процессамъ.

Опредѣленная такимъ образомъ біологія должна объединить все животное и растительное царство и связать въ своихъ изслѣдованіяхъ вопросы статики и динамики, формъ и дѣятельности, анатоміи и физіологіи, противъ раздѣленія которыхъ Контъ протестуетъ. Конечной цѣлью всѣхъ біологическихъ изслѣдованій должна быть природа человѣка. Такое стремленіе біологіи къ человѣку, какъ къ конечному пункту своего движенія, не только основано на духѣ философіи вообще, но имѣетъ за себя и методологическое основаніе.

Знаніе человѣка по своей природѣ есть единственное прямое и непосредственное знаніе, какое мы можемъ имѣть въ области біологіи; вотъ почему это знаніе должно сдѣлаться основной единицей для оцѣнки всѣхъ остальныхъ данныхъ біологіи. Въ этомъ единственномъ пунктѣ точка зрѣнія первобытной философіи поддерживается позднѣйшей болѣе глубокой позитивной философіей.— Что касается метода изученія біологіи, то наблюденія достигаютъ здѣсь своего наивысшаго развитія. Мы уже видѣли, что въ химіи наблюденія опираются на всѣ 5 органовъ чувствъ. Біологія же пользуется еще помощью инструментовъ, увеличивающихъ силы органовъ чувствъ. Больше всего этотъ успѣхъ техники достигнутъ въ оптикѣ, акустика также уже пользуется помощью аппаратовъ. Всѣ явленія неорганическаго міра, физическіе и химическіе процессы дѣлаются такимъ образомъ орудіемъ и опорой біологіи. Особенно химія, какъ наука съ выработанными законами и методами, дѣлается однимъ изъ главныхъ рычаговъ біологіи. Контъ замѣчаетъ при этомъ, что вообще всякая наука дѣлается методомъ для науки, стоящей впереди ея, т. е. болѣе сложной. Что касается эксперимента, то по мнѣнію Конта въ біологіи онъ не можетъ имѣть широкаго примѣненія. Основное условіе раціональнаго эксперимента въ области біологіи состоитъ во введеніи точно измѣримаго измѣненія въ отправленіяхъ даннаго организма, что предполагаетъ введеніе опредѣленнаго опять-таки измѣримаго агента, который бы стоялъ въ опредѣленномъ отношеніи къ данному отправленію. То и другое весьма трудно, почти недостижимо. Контъ, отвергая примѣненіе обыкновеннаго эксперименталь-

наго метода въ физіологіи, рекомендуетъ слѣдующій пріемъ. Существуетъ, говоритъ онъ, только два способа экспериментальнаго изслѣдованія живыхъ существъ — или измѣнять условія окружающей среды, или измѣнять отправленія самаго организма. Признавая второй способъ, господствующій въ современной физіологіи, нерацiональнымъ, Контъ рекомендуетъ экспериментальное примѣненіе перваго, какъ болѣе отвѣчающаго условіямъ жизненныхъ процессовъ. Главное преимущество этого метода состоитъ въ томъ, что въ нашихъ рукахъ всегда лежитъ возможность точно и притомъ тонко градуировать вводимыя въ среду, а стало-быть и вызываемыя въ организмѣ измѣненія; при этомъ организмъ можетъ сохранить равновѣсіе отправленій и не пострадать глубоко, какъ это бываетъ при непосредственныхъ опытахъ надъ организмомъ, особенно при вивисекціяхъ. Чѣмъ ниже по развитію животное, надъ которымъ экспериментируютъ, тѣмъ легче техника и тѣмъ плодотворнѣе опытъ въ смыслѣ непосредственной результатности. Съ другой стороны въ виду большого удаленія низшихъ животныхъ отъ типа человѣка — выводы изъ этихъ экспериментовъ много теряютъ въ своей общности и философскомъ значеніи. Ограничивая значеніе эксперимента въ физіологіи и ставя наблюденіе выше его, Контъ рекомендуетъ также изученіе индивидуальныхъ случаевъ—аномалій, уродливостей и въ особенности же патологіи. Такъ какъ сущность опыта заключается по его опредѣленію въ оцѣнкѣ вліянія извѣстныхъ условій на различные физіологическіе процессы, то отсюда слѣдуетъ, что отдѣльные патологическіе случаи могутъ вполнѣ замѣнить экспериментъ, такъ какъ каждое патологическое явленіе есть не что иное, какъ физіологическое, вышедшее изъ предѣловъ средняго уровня, соотвѣтствующаго здоровому состоянію. Увлекаясь этой идеей, Контъ говоритъ: „изученіе патологическихъ случаевъ есть наиболѣе соотвѣтствующій въ біологіи способъ экспериментированія, такъ какъ въ сущности болѣзнь есть экспериментъ, а экспериментъ производитъ также болѣзнь, съ той разницей, что экспериментъ производитъ рѣзкое и внезапное потрясеніе во всемъ организмѣ, измѣняющее радикально всѣ отношенія его отправленій; болѣзнь же есть медленно развивающееся измѣненіе функціи при сохраненіи равновѣсія въ отправленіяхъ. Особенно блестящіе результаты можно ожидать, по мнѣнію Конта, отъ изученія патологіи нервныхъ и психическихъ явленій. Общее единство жизни, господствующее надъ безконечнымъ разнообразіемъ индивидуальности—вотъ по Конту руководящая идея біологіи. Наблюденіе отдѣльныхъ индивидумовъ убѣждаетъ насъ, что не смотря на кажущееся различіе ихъ внутреннее сродство болѣе существенно, чѣмъ индивидуальныя особенности. Этотъ

взглядъ ставитъ идею типа на первый планъ. Но такъ какъ не можетъ быть другого физіологическаго типа кромѣ человѣка, единственнаго объекта самонаблюденія, поэтому тщательное изученіе типа человѣка въ его здоровомъ состоянiи должно сдѣлать основой, научной единицей и мѣрой сравненія для всѣхъ біологическихъ явленій.—Біологія же должна быть *сравнительной* наукой, изучающей всѣ явленія съ точки зрѣнія идеала-человѣка. Сравнительный методъ имѣетъ въ біологіи примѣненіе во многихъ формахъ:—1) въ сравненiи различныхъ частей организма, 2) въ сравненіи половъ, расъ и индивидумовъ, 3) въ сраненіи различныхъ фазъ развитія и 4) наконецъ, въ сравненіи организмовъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ развитія.— Сравнительный методъ всегда предполагаетъ абстрактный типъ, къ которому всѣ наблюдаемые явленія, органы, функціи и индивидумы — относятся или какъ различныя степени развитія, или же какъ индивидуальное отклоненіе. Такъ въ анатоміи исходной точкой должна служить организація здороваго взрослаго человѣка; всѣ же остальныя организаціи слѣдуетъ разсматривать, какъ послѣдовательное упрощеніе въ нисходящемъ порядкѣ этого первичнаго типа. Въ физіологіи слѣдуетъ держаться той же точки зрѣнія, отыскивая прежде всего существенное и основное въ каждомъ отправленіи, и затѣмъ уже, слѣдя за развитіемъ и измѣненіемъ этого основного физіологическаго факта во всѣхъ его проявленіяхъ.—Такимъ же образомъ, заключаетъ Контъ свое общее изложеніе сравнительнаго метода, такъ называемая теорія аналогій, принимаемая многими за особый методъ, есть лишь неразрывная часть сравнительнаго метода.— Обозрѣвая отдѣльныя формы этого метода, Контъ указываетъ на то, что въ изученіи измѣненій, претерпѣваемыхъ органомъ или функціями въ теченіе жизни, мы имѣемъ драгоцѣнный матеріалъ, философское значеніе котораго заключается въ томъ, что онъ даетъ намъ возможность въ краткой скалѣ, такъ сказать, однимъ взглядомъ охватить общую совокупность послѣдовательныхъ ступеней развитія организаціи. Слѣдуетъ a priori ожидать, что зародышевое или вѣрнѣе юное состояніе организма самаго высокаго типа должно соотвѣтствовать вполнѣ зрѣлому и совершенному состоянію организма низшаго, а дальнѣйшія ступени развитія высшаго индивида, такъ называемое эмбріональное развитіе, должно соотвѣтствовать различнымъ типамъ, находящимся на различныхъ ступеняхъ біологической іерархіи. Эти изслѣдованія должны получить особое значеніе въ примѣненіи къ человѣку и особенно мужчинѣ, такъ какъ здѣсь, гдѣ достигается наивысшее развитіе, и пройденный путь наибольшій. Итакъ всякое структурное и физіологическое явленіе только тогда можетъ обратиться изъ индивидуальнаго

факта въ типичный, когда оно при помощи сравнительнаго метода будетъ приведено въ соотношеніе со всѣми однородными структурными, или физіологическими явленіями. Вотъ почему сравнительный методъ до извѣстной степени замѣняетъ въ біологіи математическій анализъ, служа орудіемъ и средствомъ измѣренія взаимныхъ отношеній біологическихъ фактовъ.—Этотъ методъ, при помощи котораго получается координація біологическихъ явленій, больше всего примѣнимъ къ процессамъ растительнымъ, такъ какъ ихъ легко прослѣдить до самыхъ простѣйшихъ формъ живыхъ существъ. По мѣрѣ же того, какъ мы подымаемся по лѣстницѣ анимальныхъ явленій,—сравнительный методъ встрѣчаетъ все больше и больше трудностей для своего примѣненія. Особенно это замѣтно въ области нервныхъ и интеллектуальныхъ явленій; сравненіе послѣднихъ обрывается, лишь только мы спустились до высшихъ животныхъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что сравнительное изученіе интеллектуальныхъ явленій взамѣнъ этого получаетъ новую область для примѣненія сравнительнаго метода въ сравненіи различныхъ возрастовъ.

Біологія, какъ наука, находится въ сильной зависимости отъ наукъ, выше ея стоящихъ по іерархіи. Конечно, всего тѣснѣе связь между нею и химіей. Въ области растительной физіологіи, разумѣется, одна химія можетъ доставить физіологіи теорію пищеваренія, выдѣленія и питанія въ широкомъ смыслѣ.

Переходя однакожъ къ анимальной жизни, мы уже видѣли, что химическія явленія подчинены процессамъ жизни. Такъ, напримѣръ, химическое взаимодѣйствіе различныхъ веществъ уже опредѣляется тутъ не одной химической природой этого вещества, а подчинено и морфологическому строенію органовъ, въ которыхъ эти вещества находятся. Но если въ области анимальной жизни ослабѣваетъ вліяніе химическихъ процессовъ, зато здѣсь снова усиливается роль физическихъ факторовъ—причемъ существенную пользу приноситъ лишь экспериментальная часть физики; теоретическая же физика, ея гипотезы, перенесенныя въ біологію, причиняютъ послѣдней большой вредъ. Контъ останавливается на выясненіи связи между явленіями жизни и космическими, біологіей и астрономіей. Уже Биша показалъ, что періодичность въ явленіяхъ жизни зависитъ отъ періодичности космическихъ явленій, смѣны дня и ночи.—Надо думать, что космическіе же факторы опредѣляютъ общую и среднюю продолжительность жизни органическихъ существъ, такъ какъ имѣемъ право ожидать, что средняя продолжительность жизни индивида или рода тѣмъ меньше, чѣмъ скорѣе или чаще періоды оживленія природы смѣняются періодами отдыха.

Такимъ образомъ, еслибъ вращеніе земли вокругъ своей оси немного ускорилось бы, по всей вѣроятности послѣдовало-бы сокращеніе продолжительности жизни одновременно и въ зависимости отъ сокращенія дня. Тоже можно сказать и о періодѣ вращенія земли вокругъ солнца. Точно также очевидно, что наклоненіе плоскости земной орбиты, опредѣляя собою распредѣленіе земныхъ поясовъ въ климатическомъ отношеніи, должно было вмѣстѣ съ ними опредѣлять и распредѣленіе органическихъ существъ, какъ растеній, такъ и животныхъ, на поверхности земли. Такимъ образомъ, говоритъ Контъ, между астрономическими и біологическими явленіями имѣется связь, болѣе близкая, чѣмъ между біологіей и ближайшими къ ней вѣтвями знанія — химіей и физикой. Это кажущееся противорѣчіе общему закону іерархической зависимости наукъ,—объясняется по Конту тѣмъ, что астрономія и біологія суть крайніе пункты естественной философіи. Дополняя одна другую, они обнимаютъ въ своей гармоніи всю систему нашихъ основныхъ познаній. Одна занимается внѣшнимъ міромъ, другая — человѣкомъ—крайними предѣлами, между которыми заключены всѣ промежуточныя явленія—физическія и химическія. Сначала міръ,—затѣмъ человѣкъ,—таковъ естественно ходъ нашего мышленія, хотя въ направленіи самой дѣятельности господствуетъ противоположное начало. Между этими двумя полюсами вращается вся наука, изъ которой одна часть—физика, какъ бы дополняетъ астрономію, а химія какъ бы служитъ введеніемъ въ біологію.— Придавая такое большое значеніе астрономіи для біологіи и требуя отъ физіологовъ тщательнаго изученія методовъ и теорій этой науки, Контъ не думаетъ, чтобы математическій анализъ могъ найти широкое примѣненіе въ біологіи.—Не потому, чтобъ самая природа жизненныхъ явленій была другая, чѣмъ основа неорганическаго міра, но вслѣдствіе крайней сложности, неустойчивости и неопредѣленности числовыхъ отношеній, что мы уже видѣли въ химіи. Контъ при этомъ жестоко нападаетъ на примѣненіе статическаго метода,—особенно же въ медицинѣ.—Въ тоже время онъ полагаетъ, что математическій анализъ можетъ въ біологіи играть совершенно особую роль,—замѣнить такъ называемую формальную логику, которую считалъ возможнымъ совершенно исключить, какъ лишнюю.— Позитивный методъ, говоритъ онъ, въ сущности одинъ и тотъ же во всѣхъ областяхъ знанія.— Поэтому нѣтъ въ біологіи такого разсужденія, которое не можетъ найти для себя аналогіи въ математическомъ анализѣ, хотя и въ простѣйшей формѣ.—Въ самомъ дѣлѣ, если сравнительная біологія занимается установленіемъ типичнаго и абстрактнаго понятія какого-либо органа или отправленія и затѣмъ слѣдитъ за видоизмѣненіемъ и

ЯРОСЛАВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

развитіемъ этого типа чрезъ всѣ фазы и индивидуальнаго уклоненія, то не видимъ ли мы аналогичныя изысканія въ математическомъ анализѣ, который по этому вопросу вполнѣ можетъ замѣнить теоретическую логику въ области біологіи.—Какъ одно изъ примѣненій математическаго метода, Контъ рекомендуетъ біологамъ установленіе среднихъ фиктивныхъ организмовъ, абстрактныхъ типовъ, которые служили бы исходной точкой при біологическихъ изслѣдованіяхъ, отчего послѣднія, по мнѣнію Конта, много выиграли бы.— Что касается обратнаго воздѣйствія біологіи на духъ науки, то прежде всего Контъ видитъ въ біологіи источникъ нашихъ идей о классификаціи явленій вообще.— Всѣ науки, стоящія впереди біологіи, отъ математики до химіи, нуждаются въ біологіи для усвоенія и развитія теоріи классификацій, какъ одной части позитивнаго метода.— Такимъ образомъ, вообще, совершается обратное методологическое воздѣйствіе болѣе сложныхъ наукъ на болѣе основныя, способствующее въ свою очередь ихъ усовершенствованію.— Этимъ поддерживается общій consensus всѣхъ отраслей знанія, откуда уже вытекаетъ строгое единство системы.—Каждая группа явленій природы оказываетъ на умственный складъ человѣка философское вліяніе въ зависимости отъ того, на сколько въ этой области важна возможность предвидѣнія, или же обнаруживается сила воздѣйствія на внѣшнюю природу.— Въ области біологіи предвидѣніе вслѣдствіе наибольшей сложности явленій падаетъ, но зато практическое активное вліяніе на біологическія явленія такъ велики, что съ этой стороны получается новый импульсъ для развитія позитивной мысли. Въ то же время и теоретическая часть біологіи, главнымъ образомъ преслѣдующая выясненіе соотвѣтствія среды и организаціи, также не мало способствуетъ торжеству позитивнаго направленія.— И дѣйствительно, мы видимъ, что въ области интеллектуальныхъ явленій въ той именно вѣтви біологіи, въ которой до сихъ поръ не удалось выяснить связь между средой и самыми явленіями, мы все еще стоимъ на метафизической, а отчасти даже на теологической точкѣ зрѣнія. Но сверхъ такого рода воздѣйствія на духъ мышленія, біологія еще имѣетъ спеціальный, только ей свойственный способъ воздѣйствія на развитіе человѣческой мысли. Какъ химія разсѣяла вѣрованіе въ созиданіе и разрушеніе матеріи, астрономія, установивъ механическіе законы матеріи, сокрушила ученіе о конечныхъ причинахъ и провидѣніи,—такъ біологія, изучающая соотношеніе между органомъ и функціей, подрываетъ въ корнѣ теологическое ученіе о цѣлесообразности въ природѣ.— Удивленіе, высказываемое при созерцаніи такъ называемой разумной приспособленности органа и индивида къ его функціи, имѣетъ теологическое

происхожденіе. Съ точки зрѣнія позитивной дѣло представляется совершенно въ иномъ видѣ: разъ данъ извѣстной структуры органъ, его функціей должна быть неизбѣжно та, которую этотъ органъ въ дѣйствительности исполняетъ. Странно, напримѣръ, удивляться, что въ глазу имѣются условія для прохожденія свѣта; въ ухѣ—для собиранія звука—безъ этихъ условій эти части тѣла не были-бъ органомъ зрѣнія и слуха. Убѣдительнымъ аргументомъ противъ такой кажущейся цѣлесообразности можетъ служить тотъ извѣстный фактъ, что нѣкоторые органы, весьма не существенные по своей роли, влекутъ за собою однакожъ массу вредныхъ послѣдствій для организма, совершенно не уравновѣшивающихъ его полезность. — Таковъ, напримѣръ, мочевой пузырь. — Вообще патологія представляетъ намъ много примѣровъ, что вредное вліяніе нѣкоторыхъ органовъ на общую экономію жизни организма несравненно значительнѣе его полезности въ здоровомъ состояніи [1]). При настоящемъ состояніи нашихъ біологическихъ знаній и при слабости нашего воображенія мы даже не въ состояніи представить себѣ организма, который былъ бы по устройству совершеннѣе всѣхъ существующихъ, но въ которомъ всѣ эти усовершенствованія не влекли бы за собою вредныхъ или опасныхъ эквивалентныхъ послѣдствій. Контъ допускаетъ, впрочемъ, что современемъ мы можемъ достигнуть созданія такихъ воображаемыхъ типовъ,— небезполезныхъ въ смыслѣ вспомогательнаго научнаго средства. — Итакъ, резюмируетъ Контъ, только біологія, изучающая условія существованія организмовъ, знакомитъ насъ съ идеей гармоніи организма и его среды и даетъ намъ, такимъ образомъ, позитивный методъ изученія „средства и цѣли"—этихъ чисто теологическихъ понятій. За этимъ общимъ резюме основъ біологіи слѣдуетъ болѣе детальное изложеніе началъ этой науки. Контъ начинаетъ съ опредѣленія предмета біологической статики, т. е. анатоміи и приходитъ къ тому выводу, что ученіе о живой ткани составляетъ основу біологіи. Всѣ существенные процессы жизни имѣются уже въ зародышевомъ состояніи въ первичной ткани, которая въ то же время есть верховное регулирующее начало всѣхъ физико-химическихъ процессовъ, въ ней совершающихся и неисчерпывающихъ сущности жизненныхъ свойствъ ткани.—Нѣкоторые умы, говоритъ Контъ, недовольствуясь тѣмъ, что всѣ органическія ткани могутъ быть сведены къ одной, идутъ дальше и принимаютъ, что сама эта первичная элементарность тканей составлена изъ множества монадъ или органическихъ еди-

[1]) Мы нарочно привели это характерное мѣсто изъ Конта; нужно имѣть въ виду современное Конту состояніе медицины и физіологіи.

ницъ, которыя будто бы и суть настоящіе органическіе элементы. Возражая противъ этого обобщенія, вытекающаго, по выраженію Конта, изъ злоупотребленій сомнительными данными микроскопіи, Контъ считаетъ эту теорію велѣпой и метафизической по существу. Притомъ же эти монады еще менѣе понятны, чѣмъ видимыя ткани. Контъ повторяетъ при этомъ, что біологія, стремясь къ единству всѣхъ своихъ частей, должна быть рѣзко разграничена отъ неорганическаго міра. Общее между обоими мірами только ихъ подчиненіе основнымъ законамъ.—Притомъ же съ такой метафизической теоріей организаціи тѣсно связана другая физіологическая теорія—единства міровой жизни.— По этой панбіологической теоріи жизнь распространена во всемъ мірѣ, въ органическомъ, какъ и въ неорганическомъ, и проникаетъ въ химическіе молекулы.— Нѣтъ надобности доказывать, говоритъ Контъ, что при такомъ распространеніи термина жизнь на всю природу—это слово совершенно теряетъ то спеціальное и опредѣленное значеніе, которое ему придано въ біологіи. Разсматривая весь міръ, какъ одно цѣлое, игнорируя спеціальныя формы и процессы органическихъ явленій, мы уничтожаемъ понятія объ организаціи жизни.— Въ чемъ, спрашиваетъ Контъ, могутъ состоять организація и жизнь простой монады?

Очевидно, что эта теорія переноситъ въ біологію начало молекулъ и внутренняго молекулярнаго движенія, заимствуя это изъ ученія о неорганическомъ мірѣ,—гдѣ оно вполнѣ законно, такъ какъ начала неорганическаго міра должны по существу своему быть распространены и на его мельчайшіе элементы.

Идея организаціи и жизнь суть, напротивъ того, спеціальныя начала, которыя только въ силу неудачнаго подражанія могутъ быть распространены на всю природу.

Контъ посвящаетъ особую главу классификаціи организмовъ, задачу которой онъ видитъ въ образованіи естественныхъ группъ или семействъ и установленіи между этими семействами серіи или іерархіи по степени развитія организаціи. Онъ останавливается на теоріи Ламарка, принимающей, что все различіе между индивидами — даже самыхъ крайнихъ группъ—обусловлено вліяніемъ внѣшней природы. Эта теорія, по мнѣнію Конта, прочно устанавливаетъ идею серіи, такъ какъ вся цѣпь органическаго царства представляется при этомъ, какъ непрерывный рядъ, въ которомъ каждый послѣдній членъ развивается въ теченіе вѣковъ изъ предыдущаго вполнѣ аналогично различнымъ фазамъ индивидуальнаго или прижизненнаго развитія.—Идея прогрессивнаго развитія органическаго царства, благодаря этой теоріи, превращается изъ гипотезы, придуманной нами для облегченія умствен-

ныхъ операцій въ этой области, въ настоящій законъ природы. При этомъ Контъ подходитъ къ вопросу о постоянствѣ типа, или вида. Нужно, говоритъ онъ, принять одно изъ двухъ — или что серія зоологическая непрерывна, если видъ непостояненъ и можетъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій перейти въ другой; или же допустимъ, что видъ имѣетъ извѣстный предѣлъ измѣняемости, тогда серія получается раздѣльная съ перерывами. — Гипотеза Ламарка допускаетъ непрерывную безграничную измѣняемость вида, стало-быть предполагаетъ непостоянство вида и непрерывную зоологическую лѣстницу. Не соглашаясь съ взглядами Ламарка, Контъ резюмируетъ положенія послѣдняго слѣдующимъ образомъ: 1) способность каждаго растенія или животнаго измѣняется соотвѣтственно внѣшнимъ условіямъ, въ которыхъ оно находится, при чемъ развиваются тѣ или другіе органы, особенно важные для индивида при данныхъ условіяхъ;—2) способность этихъ пріобрѣтенныхъ измѣненій укрѣпляется въ потомкахъ посредствомъ наслѣдственной передачи свойствъ, первоначально индивидуальныхъ, причемъ если дѣйствіе среды продолжается въ одномъ и томъ же направленіи на рядъ поколѣній, то измѣненія, сохраняя свой характеръ, все больше и больше возрастаютъ въ размѣрѣ.— Такимъ образомъ по теоріи Ламарка, всѣ виды организмовъ могли въ теченіе вѣковъ развиться одинъ отъ другого.—Ученіе это Контъ уже потому не находитъ возможнымъ принять, что для этихъ процессовъ превращенія видовъ потребовалось бы неизмѣримое время. Но главное возраженіе Конта противъ ученія Ламарка заключается въ томъ, что хотя организмы измѣняются подъ вліяніемъ среды,—однакожъ отсюда еще не слѣдуетъ, что послѣдняя есть производящая причина перваго, но что мы имѣемъ въ организмѣ и средѣ двѣ взаимодѣйствующія разнородныя и независимыя одна отъ другой силы.— Если мы представимъ себѣ, что всѣ организмы поставлены на продолжительное время во всевозможныя условія, то въ результатѣ получимъ, что большая часть организмовъ погибнетъ и выживутъ лишь тѣ, которые удовлетворяютъ требованіямъ и условіямъ равновѣсія между средой и организаціей.— По всей вѣроятности этимъ путемъ и установилась біологическая гармонія, которую мы теперь видимъ по нашей планетѣ.—Но такое равновѣсіе дѣлается непонятнымъ и даже невозможнымъ, если допустить, что организмы способны къ безконечному измѣненію подъ вліяніемъ внѣшней среды, а сами не имѣютъ въ себѣ никакого опредѣленнаго импульса къ развитію.—Поэтому въ дѣйствительности измѣняемость подъ вліяніемъ внѣшней среды ограничена тѣсными предѣлами.—Безграничная измѣняемость, какъ ее принимаетъ Ламаркъ, предполагаетъ также, что потребности

создаютъ способность или органъ: „безъ этого допущенія мы должны признать, что роль внѣшнихъ условій только заключается лишь въ томъ импульсѣ, который они даютъ къ развитію функцій, уже имѣющихся въ организмѣ.—Но спрашивается, какъ могутъ потребности создать функцію или органъ безъ извѣстныхъ первичныхъ наклонностей (tendance) или свойственнаго данной организаціи направленія развитія. Не видѣли-ли мы, напримѣръ, что многіе виды животныхъ вымираютъ при малѣйшемъ нарушеніи равновѣсія между ними и средой; или не исчезаютъ ли дикіе народы предъ цивилизованнымъ, не будучи въ состояніи приспособиться къ новымъ условіямъ? — Наконецъ, извѣстно, что организмы обладаютъ тѣмъ большей способностью приспособленія, чѣмъ выше его организація, а между тѣмъ по Ламарку мы должны ожидать обратное—наибольшую измѣняемость и приспособляемость у низшихъ животныхъ. Мало того, съ точки зрѣнія Ламарка, мы должны допустить, что низшія органическія существа не только заключаютъ въ себѣ зародыши всѣхъ высшихъ тканей, что до нѣкоторой степени вѣроятно, но также и зародыши всѣхъ органовъ и аппаратовъ, встрѣчающихся у высшихъ животныхъ.—Итакъ, мы должны принять ограниченную измѣняемость органическихъ существъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. Вся трудность біологической философіи и заключается въ отысканіи этихъ предѣловъ. Всѣ натуралисты согласны, что роды не трансформируются подъ вліяніемъ среды. — Вопросъ только въ томъ, измѣняются ли виды; факты говорятъ больше въ пользу постоянства вида,—во-первыхъ, въ пользу этого говоритъ сходство нынѣ живущихъ существъ съ самыми древними предками, намъ извѣстными; во-вторыхъ, этотъ взглядъ подтверждается тѣмъ сопротивленіемъ, которое оказываютъ нынѣ живущіе организмы воздѣйствующимъ на нихъ условіямъ.— Мы видимъ, что, несмотря на благопріятныя для измѣненія вида условія одомашненія (domestication) животныхъ, послѣднія, однакожъ, вполнѣ сохраняютъ свой первоначальный типъ.— Итакъ, мы должны принять, что органическія существа имѣютъ большую устойчивость и наклонность унаслѣдовать до безконечности свой основной типъ, несмотря на разнообразіе или колебаніе внѣшнихъ условій ихъ жизни; при этомъ, если внѣшняя среда не становится въ противорѣчіе съ условіями равновѣсія, организмы могутъ, сохраняя свой типъ, медленно и не существенно измѣняться, въ противномъ же случаѣ, т. е. при слишкомъ сильномъ воздѣйствіи среды, организмы погибаютъ. Нужно, однакожъ, сознаться, говоритъ Контъ, что по этой теоріи остается совершенно невыясненнымъ, въ чемъ заключается дѣйствіе среды на организмъ.—Теорія Ламарка отвѣчаетъ въ сущности на

это отрицательно и переноситъ вопросъ о способѣ дѣйствія извнѣ внутрь организма, но оставляя совершенно во мракѣ природу этого процесса.—Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что продолжительное вліяніе внѣшнихъ условій можетъ вызвать пропорціональное измѣненіе всѣхъ органовъ даннаго животнаго, также какъ и продолжительность періода его жизни.—Но правы-ли мы, считая это высшимъ предѣломъ измѣняемости? А priori на этотъ вопросъ не можетъ быть никакого отвѣта.—Очевидно, заключаетъ Контъ свой анализъ теоріи типовъ, ученіе о воздѣйствіи среды на организмъ предстоитъ еще выработать въ его основахъ.—Вопросъ этотъ только поставленъ Ламаркомъ и разработка его окажетъ громадныя услуги общему прогрессу біологической философіи.—Изслѣдованія подобнаго рода теперь заброшены и составляютъ безъ сомнѣнія одинъ изъ самыхъ высокихъ сюжетовъ, какой только философія можетъ предложить крупнымъ умамъ. И этотъ вопросъ еще тѣмъ болѣе представляетъ интереса, что законъ воздѣйствія среды на организмъ долженъ имѣть непосредственное значеніе для теоріи усовершенствованія живущихъ породъ животныхъ, включая сюда и родъ человѣческій [1]).

Контъ посвящаетъ цѣлую главу очерку программы такихъ работъ.—Придерживаясь своей іерархіи явленій природы, отъ простѣйшихъ къ сложнѣйшимъ, онъ думаетъ, что работы эти должны взять за исходный пунктъ изученія вліяніе самаго общаго универсальнаго механич. фактора—тяжести на органич. жизнь; такъ напримѣръ, образованіе органическихъ тѣлъ, передвиженіе и т. п. должно безспорно быть подчинено вліянію законовъ притяженія.—Затѣмъ должно быть изслѣдовано вліяніе атмосфернаго давленія, теплоты, свѣта, электрич. силъ.—Что касается вліянія химич. факторовъ на развитіе органическихъ явленій, то, по мнѣнію Конта, воздухъ и вода, вмѣстѣ разсматриваемые, какъ одна химич. среда, имѣютъ первенствующее вліяніе на органическую жизнь и посему должны быть предметомъ спеціальнаго изученія.

Ученіе о ткани составляетъ фундаментъ органич. части біологіи.—Но такъ какъ процессы химико-физическіе лежатъ въ основѣ жизни ткани, то ясно, что органич. или растительная часть біологіи въ значительной степени подчинена законамъ химико-физическихъ явленій, хотя, разумѣется, не тождественна съ ними; что-же касается анимальной части біологіи, ученія о животныхъ функціяхъ, то Контъ рѣзко настаиваетъ на томъ, чтобы ее строго отдѣлять отъ растительной или

---

[1]) Нужно имѣть въ виду, что это написано до Дарвина.

органической біологіи. Идея ткани слишкомъ обща, чтобъ объяснять животныя явленія, гдѣ выступаютъ два новыхъ начала, указанныхъ Биша—раздражительность и чувствительность.—Впрочемъ Биша считалъ эти начала одинаково свойственными растительнымъ и животнымъ процессамъ, но Контъ не соглашается съ этимъ, находя невозможнымъ распространить эти понятія на растительныя явленія. Такимъ образомъ, Контъ рѣзко отдѣляетъ процессъ животной жизни отъ растительной.—Раздражительность есть основа двигательныхъ явленій, къ изученію которыхъ въ широкой мѣрѣ примѣнимо механич. начало, а чувствительность есть основа психической жизни—и, какъ это видно, въ физіологіи органовъ чувствъ—представляютъ широкое поле для примѣненія физики.

Обзоръ философіи біологіи Контъ заканчиваетъ изложеніемъ своихъ взглядовъ на психологію или по его терминологіи, на науку объ интеллектуальныхъ и моральныхъ функціяхъ. Обѣ эти функціи, говоритъ онъ, суть свойства мозговыхъ узловъ и изученіе психическихъ явленій должно быть продолженіемъ и завершеніемъ животной физіологіи вообще. Каждая функція можетъ быть изучаема лишь съ двухъ точекъ зрѣнія, или со стороны органа, служащаго мѣстомъ этой функціи, или со стороны проявленія этой функціи, или со стороны проявленія этой функціи въ ея дѣятельности.—Функція-же интеллектуальная отличается еще въ томъ отношеніи, что ее можно наблюдать не въ моментъ самой ея дѣятельности, а только въ ея близкихъ или далекихъ результатахъ.—Такимъ образомъ психологія можетъ быть изучаема лишь слѣдующими двумя способами:—или изучая органич. условія, отъ которыхъ душевная дѣятельность зависитъ, или-же наблюдая исторію интеллектуальной и моральной дѣятельности человѣка.—Первый способъ составляетъ, по Конту, предметъ френологіи; второй не относится къ естественной исторіи человѣка въ широкомъ смыслѣ.—Контъ презрительно относится къ господствующей психологіи и между прочимъ вотъ почему.—Онъ указываетъ на то, что психологія вообще, преимущественно-же германская, исключила изъ круга своихъ изслѣдованій аффективную дѣятельность и почти исключительно сосредоточилась на изученіи одной только мыслительной способности или вѣрнѣе разсудительной. А между тѣмъ такое ограниченіе нашей духовной дѣятельности не вѣрно ни для человѣка, ни для животныхъ.—Ибо ежедневно опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что наши наклонности, чувства и страсти суть главные двигатели человѣческаго духа.

И хотя всѣ эти факторы и не обусловливаютъ самый интеллектъ, но они служатъ необходимымъ импульсомъ для пробужденія и развитія

различныхъ интеллектуальныхъ способностей и указываютъ послѣднимъ цѣль, безъ которой у большинства людей интеллектуальныя силы не пробуждались бы и не имѣли-бы общаго направленія въ своей дѣятельности; хорошо извѣстенъ фактъ, что наименѣе благородныя влеченія обыкновенно служатъ наиболѣе энергичнымъ и вліятельнымъ двигателемъ духовной жизни человѣка.

Такое ограниченіе идеалистической психологіи одной познавательной дѣятельностью Контъ приписываетъ, главнымъ образомъ, строгому разграниченію человѣческой духовной природы отъ животной, что въ свою очередь есть несомнѣнное наслѣдіе метафизики.—Позитивная-же психологія, ставя аффективную душевную дѣятельность рядомъ съ чисто интеллектуальной, тѣмъ самымъ сближаетъ человѣка съ животнымъ міромъ.—Въ томъ-же направленіи вліяло ученіе о „единствѣ я"—остатокъ метафизич. теоріи „единства души". Этому единству психологія приноситъ въ жертву всѣ другіе элементы духа, кромѣ интеллекта. Между тѣмъ, наблюдая человѣческую натуру, мы видимъ, что она въ дѣйствительности крайне сложна, направляется въ разныя стороны различными и противоположными силами, между которыми иногда съ трудомъ устанавливается равновѣсіе, которое, впрочемъ, наблюдается не только у человѣка, но и у высшихъ животныхъ.

Но не только по ансамблю духовной жизни, а по отдѣльнымъ ея сторонамъ человѣкъ не отличается существенно отъ животныхъ.—То, что мы называемъ силой интеллекта или разумностью, заключается въ умѣніи приспособляться къ окружающимъ обстоятельствамъ; а, какъ извѣстно, животныя вполнѣ обладаютъ этой способностью.—Точно также, наблюдая окружающихъ насъ домашнихъ животныхъ, мы убѣждаемся, что имъ свойственны многія моральныя силы и способности; нельзя также отрицать у нихъ и зачатки языка. У нихъ, наконецъ, наблюдается стремленіе къ умственной дѣятельности, не направленной къ удовлетворенію ихъ потребностей, а какъ-бы идеально для самого процесса дѣятельности—отсюда игры животныхъ.—Вотъ почему нѣтъ основанія отличать умъ животныхъ по существу отъ человѣческаго и окрещивать его особымъ терминомъ „инстинктъ". Инстинктъ, формулируетъ Контъ свою мысль, есть фиксированный умъ, а умъ есть измѣнчивый инстинктъ. Изложеніемъ френологической теоріи Галя, которой Контъ придаетъ огромное значеніе, заканчивается его философія біологіи.

Философскій анализъ соціологіи не можетъ быть здѣсь предметомъ изложенія,—прежде всего по его особому исключительному положенію въ философіи Конта, гдѣ онъ стоитъ въ сущности внѣ системы, какъ самостоятельное цѣлое, съ особымъ методомъ и направленіемъ.—Не

смотря на то, что Контомъ потрачено много усилій связать космологію и науку вообще съ соціологіей, послѣдняя стала какъ-бы особнякомъ и во всякомъ случаѣ его философія можетъ быть изучаема и въ методѣ, и въ доктринѣ при полномъ игнорированіи его соціологіи. Въ общемъ очеркѣ его системы философіи необходимо однакожъ указать на соотношеніе Контовской соціологіи ко всей его системѣ въ цѣломъ. Здѣсь же умѣстно будетъ сдѣлать лишь слѣдующія замѣчанія. Основной особенностью соціальныхъ явленій Контъ считаетъ ихъ взаимную связь, consensus, связующую ихъ въ одно стройное цѣлое. Уже въ біологіи взаимная связь явленій достигаетъ значительныхъ размѣровъ, въ соціологіи же, говоритъ Контъ, этотъ consensus долженъ стать основаніемъ всего метода изученія. Тогда какъ въ неорганическомъ мірѣ мы лучше всего знаемъ детали и меньше всего цѣлое—систему, въ біологіи, особенно въ соціологіи, мы наоборотъ знаемъ прежде всего и больше всего цѣлое—общество или государство.—Такимъ образомъ и методъ изученія соціологіи по Конту противоположенъ способу изслѣдованія неорганическаго міра.

Цѣлое и есть основаніе въ соціологіи, и отдѣльные факторы соціальной жизни должны быть изучаемы въ ихъ отношеніи къ цѣлому. При изученіи соціологіи Контъ еще болѣе, чѣмъ въ біологіи, придаетъ значеніе сравнительному и притомъ сравнительно-историческому методу наблюденія,—причемъ онъ также многаго ожидаетъ отъ изученія патологіи, т. е. исторіи общественныхъ потрясеній и переворотовъ. Наконецъ, Контъ рекомендуетъ методъ сравненія человѣческаго общества съ обществомъ животныхъ.—Въ своихъ воззрѣніяхъ на соціологію Контъ исходитъ изъ того общаго положенія, что и здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ знанія, позитивный методъ состоитъ въ изученіи соціальныхъ явленій, а доктрина должна быть закономъ соотношенія этихъ явленій. На основаніи общихъ законовъ позитивной философіи слѣдуетъ ожидать, что въ основаніе соціологіи будетъ положенъ законъ человѣческаго характера, т. е. біолого-психическій факторъ,—составляющій несомнѣнно элементъ или клѣточку общественнаго организма. Признавая это, Контъ указываетъ на то, что представленіе о человѣкѣ въ дѣйствительности не есть простое біологическое понятіе, а историческое, такъ какъ человѣкъ, каковъ онъ теперь, представляетъ собою продуктъ историческаго развитія. Такимъ образомъ Контъ приходитъ къ заключенію, что въ соціологіи первое мѣсто принадлежитъ историческому методу. Человѣческій индивидъ заключаетъ въ себѣ біологическую единицу+исторію человѣчества.

Этотъ историч. факторъ доминируетъ надъ біологическимъ, регулируетъ его и связываетъ всѣхъ членовъ общества въ одно историче-

ское цѣлое. Изучая вліяніе какого-либо фактора на членовъ общества, мы должны, продолжаетъ Контъ, помнить, что вліяніе это не направляется непосредственно на каждаго индивида въ отдѣльности и что вліяніе на общество не есть сумма вліяній на отдѣльныхъ его членовъ, но какъ разъ наоборотъ, вліяніе это падаетъ цѣликомъ на все общество, а потомъ оно уже распредѣляется между индивидами сообразно законамъ внутренняго соціальнаго равновѣсія и взаимодѣйствія отдѣльныхъ его членовъ.—То, что вѣрно для отношенія индивида къ цѣлому обществу, примѣнимо и къ отношенію каждой отдѣльной стороны общественной жизни къ общему строю и системѣ соціальнаго организма. Система соціальная не есть сумма отдѣльныхъ факторовъ общественной жизни и, наоборотъ, послѣдніе опредѣляются всѣмъ строемъ, получаютъ отъ него направленіе, содержаніе и связуются между собой.—Самостоятельное изученіе отдѣльной стороны или функціи общественной жизни есть, по Конту, нелѣпость. Такъ напримѣръ, онъ не придаетъ никакого значенія изученію политической экономіи, какъ особой и до извѣстной степени самостоятельной вѣтви соціологіи. Такимъ образомъ преобладаніе синтетической точки зрѣнія надъ аналитической является по Конту еще одной капитальной особенностью соціологическаго метода въ противоположность перевѣсу анализа надъ синтезомъ въ наукѣ о неорганическомъ мірѣ.

Далѣе самый способъ происхожденія и провѣрка соціологическихъ истинъ и законовъ, по мнѣнію Конта, совершенно другой, чѣмъ тѣ, которые свойственны наукамъ о неорганич. мірѣ.—Въ послѣднихъ, т. е. въ естественныхъ наукахъ, непосредственное наблюденіе не въ состояніи намъ открыть закона, т. к. наблюденіе имѣетъ здѣсь аналитическій характеръ, т. е. оно знакомитъ насъ лишь съ частными явленіями, а не съ системой. Когда путемъ собиранія этихъ частныхъ данныхъ, посредствомъ индукціи мы приходимъ къ какому-либо закону и желаемъ провѣрить его примѣненіе и распространеніе на еще неизслѣдованныя явленія, когда мы, словомъ, желаемъ провѣрить дедукцію, мы опять таки обращаемся къ наблюденію. Въ соціологіи-же, по Конту, дѣло происходитъ какъ разъ наоборотъ. Здѣсь непосредственно наблюденіе уже даетъ намъ законъ, т. к. объектъ наблюденія здѣсь цѣлое, обнаруживающееся въ каждомъ элементѣ и въ единичномъ явленіи. Такимъ образомъ простыя наблюденія сами по себѣ какъ-бы заключаютъ въ себѣ уже дедукцію. Но если мы желаемъ въ соціологіи провѣрить найденный путемъ историческаго наблюденія законъ, мы не обращаемся, говоритъ Контъ, къ наблюденію, какъ то дѣлается въ естествознаніи, а, наоборотъ, прибѣгаемъ къ дедукціи—изъ законовъ

біологическихъ, изъ ученія о человѣческомъ характерѣ. Только тотъ эмпирически найденный соціальный законъ мы считаемъ вѣрнымъ, который оказывается въ гармоніи съ закономъ реакціи человѣка при данныхъ историч. и соціальныхъ условіяхъ. Изъ такого воззрѣнія Конта на соціологію и ея методъ вытекаетъ еще одно существенное различіе, одинаково касающееся и метода, и доктринъ его соціологіи. Усматривая въ каждомъ соціальномъ элементѣ и явленіи, главнымъ образомъ, продуктъ исторіи и развитія, Контъ естественно долженъ былъ оставить въ пренебреженіи соціальную статику, а все свое вниманіе обратить на изученіе соціальной динамики—вотъ почему контовская соціологія представляетъ почти одну исторію соціологіи. Этой общей характеристикой соціологическаго метода можно здѣсь пока ограничиться, такъ какъ въ слѣдующей главѣ, излагая общій выводъ Конта о позитивномъ методѣ, намъ придется подробно остановиться на методѣ соціологіи и его сравненіи съ методомъ естествознанія.

Общее заключеніе Конта о позитивизмѣ.

Позитивный методъ въ естествознаніи и соціологіи.

Его единство и универсальность.

Изложивъ основныя начала всей серіи наукъ, остается, говоритъ Контъ, для завершенія характеристики позитивной философіи связать въ одно логическое и научное цѣлое всѣ основныя положенія, чтобы получить стройную систему знанія, которая могла-бы служить базисомъ для духовнаго режима человѣчества и руководить его умственной и соціальной жизнью. Изученіе соціологіи уже достаточно выяснило необходимость такого философскаго единства, какъ существеннаго условія для преобразованія моральнаго и умственнаго строя передовыхъ народовъ.—Но такъ какъ истинное единство философіи мыслимо лишь при преобладаніи одного какого либо спекулятивнаго элемента надъ всѣми другими, то вопросъ сводится къ тому, какая изъ шести позитивныхъ наукъ должна преобладать въ позитивной системѣ надъ всѣми другими?—Расположеніе ряда наукъ указываетъ намъ, что такими преобладающими и универсальными науками могутъ быть только двѣ: или математика, или соціологія, одна, какъ основаніе, другая, какъ вѣнецъ всей серіи.

На первый взглядъ кажется, что математическая философія, включая сюда и астрономію, составляющая лишь приложеніе анализа, имѣетъ неоспоримое право на преобладаніе въ системѣ наукъ—благодаря всеобщей приложимости механическихъ и геометрическихъ началъ ко всѣмъ явленіямъ природы. Но съ другой стороны и соціологія, которой біологія служитъ основаніемъ, можетъ также претендовать на умственную гегемонію, если принять во вниманіе, что всѣ наши философскія понятія суть продукты спекулятивнаго развитія не одного человѣка, а всего человѣчества. Что касается физики и химіи, то, примыкая одна къ анализу, другая къ біологіи, обѣ недостаточно типичны, самостоятельны и универсальны, чтобъ имѣть право претендовать на господствующее мѣсто въ позитивной системѣ философіи.—Исторія развитія человѣческаго ума учитъ насъ, что если математическій анализъ и долженъ былъ играть преобладающую роль въ теченіе длиннаго періода подготовительныхъ работъ человѣческой мысли, которую онъ будилъ и стимулировалъ, то соціологія въ свою очередь должна занять первое мѣсто при процессѣ завершенія и систематизаціи человѣческаго знанія.—Это положеніе—первое и самое важное изъ общихъ выводовъ позитивной философіи, объясняетъ и въ тоже время уничтожаетъ антагонизмъ, уже 3 столѣтія раздѣлявшій науку и философію, стремящихся въ разныя стороны—одна къ позитивности, другая къ всеобщности.—Въ теченіе всего курса я такъ настойчиво, продолжаетъ Контъ, рекомендовалъ математику, какъ первое орудіе раціонализма и позитивнаго мышленія, что меня не могутъ упрекнуть въ низкой оцѣнкѣ философскаго значенія математики. Несомнѣнно, однакожъ, что математическія начала не въ состояніи дать намъ полной реальной и универсальной системы философіи. Величайшая попытка, когда либо сдѣланная въ этомъ направленіи—философская система Декарта, должна была исключить соціологію изъ системы. Попытка перенести въ область физики и химіи начала математическаго анализа повела къ наводненію этихъ наукъ гипотезами—метафизическаго свойства, тормозившими развитіе этихъ наукъ.—Длинный рядъ аргументовъ, приводимыхъ Контомъ въ пользу преобладанія соціологіи, начинается тѣмъ, что математическій анализъ не въ состояніи вслѣдствіе крайней простоты его содержанія такъ развивать и укрѣплять въ людяхъ идею неизмѣнности законовъ природы, какъ это можетъ дѣлать соціологія. Даже распространеніе идеи постоянства законовъ на физическія явленія представляетъ значительныя трудности. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ первоклассные геометры допускаютъ отсутствіе этого постоянства въ явленіяхъ, гдѣ замѣтна хоть сколько-нибудь воля человѣка,—примѣромъ такого за-

блужденія можетъ служить теорія вѣроятностей.—Только одна соціологія, опирающаяся на біологію, обнимая самыя сложныя явленія природы и подводя ихъ подъ постоянный законъ, въ состояніи укрѣпить въ человѣчествѣ идею универсальной закономѣрности.— Со стороны логической, какъ методъ, математика также не обладаетъ такой полнотой, какъ соціологія. Въ самомъ дѣлѣ преимущество математики, какъ метода, заключается въ крайней простотѣ ея предмета, что допускаетъ широкое примѣненіе дедукціи. Но эта-же простота съ другой стороны мѣшаетъ точному опредѣленію и даже раскрытію логическихъ средствъ математическаго метода, который достигаетъ своего развитія лишь въ примѣненіи къ другимъ областямъ знанія. Такъ, напримѣръ, сравнительный методъ, составляющій главное логическое орудіе біологіи, совершенно неизвѣстенъ геометрамъ, хотя теперь, когда мы изъ біологіи узнали этотъ методъ, и можно открыть зародышъ его въ математическомъ анализѣ. Обращаясь отъ логическихъ преимуществъ соціологіи къ ея научному превосходству надъ математикой, мы находимъ еще больше аргументовъ въ пользу соціологіи. Хотя, какъ мы видимъ, механическія и геометрическія теоремы представляютъ наибольшую общность и универсальность, т. к. всѣ явленія природы подчинены законамъ протяженія и движенія, но тѣмъ не менѣе геометрія и механика не могутъ намъ доставить прямое знаніе предметовъ, какъ продуктовъ синтеза.—Самъ Декартъ нашелъ невозможнымъ распространить законъ механики и геометріи на явленія моральныя. Въ области химіи примѣненіе анализа ведетъ къ туманнымъ теоріямъ, нисколько не способствующимъ прогрессу знаній.—Даже въ ближайшей къ математикѣ области—въ физикѣ, математическія теоріи или вѣрнѣе гипотезы о происхожденіи предметовъ,—теоріи жидкости и эфира вносятъ начала анти-научныя и анти-позитивныя. Даже въ Астрономіи раздаются голоса противъ злоупотребленія геометрическими принципами, примѣненіе которыхъ стремится стушевать и поглотить спеціальные астрономическіе вопросы и методы; можно поэтому категорически сказать, что претензія математич. началъ сдѣлаться основаніемъ общихъ системъ философіи—есть химера, осуществленіе которой и невозможно, и даже нежелательно. За то соціологія, которой всѣ остальныя науки служатъ основаніемъ, будучи поставлена во главѣ философской системы, можетъ безспорно принести всѣмъ другимъ наукамъ значительно больше пользы, чѣмъ она отъ нихъ имѣла.—„Если моя жизнь, говоритъ Контъ, не окажется коротка для завершенія тѣхъ работъ, которыя я давно подготовляю, то надѣюсь, что мнѣ удастся доказать, какъ велико можетъ быть обратное вліяніе соціологическаго духа на математическія концепціи, которыя, благодаря этому методу,

могутъ быть приведены въ стройную систему.—Пока-же мнѣ остается указать на нѣкоторыя начала, уже внесенныя соціологіей въ систему позитивной философіи; 1) въ химіи—капитальное воззрѣніе на всѣ химическія соединенія, какъ на двойственныя,—названныя мною дуалистической теоріей; 2) въ физикѣ—основаніе раціональной теоріи гипотезъ; 3) въ астрономіи—приведеніе объема и задачъ этой науки къ границамъ нашего міра, т. е. солнечной системѣ.—Всѣми этими идеями я обязанъ исторической и соціологической точкѣ зрѣнія". Не менѣе важный аргументъ въ пользу соціологическаго метода Контъ усматриваетъ въ той подготовкѣ, которую соціологія даетъ для изученія конкретныхъ явленій.

Хотя, говоритъ онъ, вся позитивная система посвящена исключительно наукамъ абстрактнымъ, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать, что только та система можетъ считаться совершенной, которая можетъ также руководить изученіемъ наукъ описательныхъ или конкретныхъ.

Тутъ-то и обнаруживается слабая сторона математики, которая обладаетъ наибольшей абстрактностью даже по сравненіи съ самыми простыми явленіями природы.

Соціологія, напротивъ того, хотя и не лишена абстрактности, но по сложности своего предмета и по разнообразію своихъ методовъ и точекъ зрѣнія въ состояніи развивать въ нашемъ интеллектѣ именно тѣ логическіе пріемы и способности, которые необходимы для изученія сложныхъ конкретныхъ явленій естественныхъ наукъ.

Когда позитивная философія достигнетъ своего полнаго развитія и сдѣлается въ одно и то-же время абстрактной и конкретной, соціологическій методъ облегчитъ ея преобразованіе изъ научной философіи въ эстетическую. Никакая другая организація философіи не въ состояніи, кромѣ соціологической системы, достигнуть такого сочетанія характера научной истины съ извѣстной красотой. Эстетическое представленіе прежде всего глубоко синтетически и неизмѣнно связано съ эмоціями человѣка, поэтому оно всего естественнѣе можетъ слиться съ соціологіей и философіей, которая сама зиждется на человѣческой точкѣ зрѣнія и проникнута идеей единства и ансамбля. Жалобы, раздающіяся по поводу неэстетичности господствующихъ философскихъ системъ, не лишены въ сущности нѣкотораго основанія, но онѣ обусловливаются господствомъ аналитическаго и математическаго метода, столь противнаго природѣ эстетическаго чувства.

Наконецъ, подчиненіе позитивной системы философіи началамъ соціологіи разъ на всегда уничтожитъ тотъ умственный антагонизмъ, который уже двадцать вѣковъ существуетъ между философскими теоріями

о человѣческой природѣ и наукой объ окружающемъ насъ мірѣ.—Одна соціологическая философія въ состояніи примирить и слить въ одно эти два теченія, разграничивая районъ научнаго и логическаго вліянія, принадлежащаго каждой изъ двухъ сферъ, не нарушая ихъ общей гармоніи. Этотъ историческій антагонизмъ между двумя отраслями знанія въ сущности всегда былъ проявленіемъ борьбы за гегемонію двухъ философскихъ методовъ—теологическаго и позитивнаго, съ первыхъ шаговъ исторической мысли раздѣлившихъ между собою все поле знанія.—При первомъ своемъ пробужденіи философская мысль направилась непосредственно на изученіе человѣка, который въ то-же время сталъ мѣриломъ окружающей природы.—Это направленіе человѣческой мысли опредѣлило и самый характеръ зарождавшейся философіи, которая не могла быть иной, какъ теологическая. Когда вслѣдъ затѣмъ пробудился зародышъ позитивнаго духа, онъ естественно долженъ былъ направиться въ другую сторону, гдѣ теологія не имѣла такихъ корней, и гдѣ наблюденію и позитивному духу встрѣтились наименьшія препятствія,—такимъ образомъ позитивизмъ овладѣлъ наукой о неорганическомъ мірѣ, и раньше всего астрономіей. Этотъ-то первоначальный раздѣлъ наукъ между теологіей и позитивизмомъ и опредѣлилъ весь дальнѣйшій историческій ходъ борьбы этихъ двухъ методовъ и двухъ сферъ знанія. Вся исторія развитія философской мысли исчерпывается этой борьбой, разыгрывавшейся поперемѣнно на различныхъ аренахъ и подъ различнымъ знаменемъ.—Метафизика являлась поперемѣнно то въ области естествознанія противъ теологіи, то въ наукѣ о человѣкѣ противъ позитивнаго естествознанія. При этомъ настоящій позитивизмъ всегда склонялся къ аналитическому математическому методу и поэтому не обнаруживалъ стремленія къ всеобщности, которая всегда, напротивъ того, была руководящей нитью теологіи и метафизич. ученій. Въ теченіе послѣднихъ 3-хъ вѣковъ борьба приняла слѣдующую форму.—Позитивизмъ окончательно завладѣлъ физико-химическими науками, метафизика—біологіей; соціологія-же осталась за теологіей. Послѣдняя окончательно отказалась отъ попытокъ распространить свое вліяніе на остальныя сферы знанія, зато метафизика и позитивизмъ—каждая съ своей стороны пытались создать философскую систему, долженствовавшую обнять всю область природы, исключая соціологію.—Въ послѣднее время однакожъ метафизика мало по малу уступаетъ свои права позитивизму, ограничиваясь лишь ролью источника, изъ котораго въ естествознаніе вливаютъ въ разныхъ формахъ теоріи и гипотезы метафизическаго характера.—Борьба, такимъ образомъ, фиксирована между математическою философіей, простирающей свои права на весь неорга-

ническій міръ и соціологическою философіею, впервые выступающей въ качествѣ всеобщей философской системы, имѣющей задачей объединеніе всѣхъ неорганическихъ, органическихъ и соціальныхъ явленій.

Система Декарта представляетъ самую блестящую попытку основать философію на математическихъ началахъ, исключивъ однакожъ при этомъ соціологію, какъ совершенно неукладывающуюся въ рамки анализа. Напомнивъ еще разъ о доказанной имъ непригодности математич. началъ для построенія универсальной системы философіи, Контъ вслѣдъ затѣмъ переходитъ къ критикѣ нѣкоторыхъ другихъ попытокъ построить философію и соціологію на общихъ началахъ.—Въ ученіи Галя и Кабанеса мы видимъ попытку основать соціологію на началахъ біологическихъ. И хотя эта попытка должна быть признана шагомъ впередъ, такъ какъ она переноситъ центры тяжести вопроса въ ближайшую къ соціологіи область, но, выдвигая на первый планъ одну лишь интеллектуальную сторону человѣка, она устраняетъ настоящую соціальную точку зрѣнія, и притомъ же сводитъ соціологію на какое-то дополненіе къ біологіи. При томъ-же понятіе объ индивидѣ чисто метафизическое. Человѣкъ есть абстрактъ,—реально лишь человѣчество. Исторія развитія индивидуальнаго человѣческаго ума не въ состояніи открыть какой-либо существенный законъ. Только общественная мысль можетъ служить полнымъ и реальнымъ выраженіемъ человѣческаго духа. Такимъ образомъ историческая необходимость приводитъ къ соціологической философіи, которая, по мнѣнію Конта, сложилась въ его головѣ изъ двухъ системъ—Декартовской—математической и Бэконовской, развитой Гобзомъ, имѣющей соціологическое направленіе. „Моя философская работа, говоритъ Контъ, заключалась лишь въ сочетаніи этихъ двухъ системъ, подъ импульсомъ переживаемаго нами великаго соціальнаго кризиса и подъ вліяніемъ прогресса, совершеннаго въ послѣднее время позитивнымъ духомъ въ наиболѣе близкихъ къ соціологіи областяхъ знанія“.—Опредѣливъ, такимъ образомъ, соціологическій характеръ позитивной философіи, Контъ продолжаетъ характеристику позитивизма. Онъ напоминаетъ, что не слѣдуетъ смѣшивать позитивизмъ съ эмпиризмомъ. Правда, фактъ составляетъ основаніе позитивизма, но одни факты, не связанные между собою и съ другими посредствомъ постоянныхъ отношеній, или законовъ, еще не составляютъ науки.—Позитивный духъ стремится сколько возможно замѣнить наблюденіе раціональнымъ выводомъ изъ уже извѣстныхъ фактовъ, и научный прогрессъ заключается въ постепенномъ сокращеніи числа законовъ путемъ сліянія ихъ въ законъ высшаго порядка.—Позитивизмъ открываетъ намъ, между прочимъ, одинъ интересный фактъ—совпаде-

ніе во многихъ случаяхъ такъ называемаго здраваго смысла толпы съ истиннымъ научнымъ духомъ.—Такъ, здравый смыслъ человѣчества всегда ограничивается въ своей эмпирической дѣятельности тѣмъ, что отыскивали, на основаніи наблюденій окружающихъ человѣка обыденныхъ явленій, опредѣленныя отношенія, которыя могли-бы служить для руководства въ предвидѣніи на практикѣ. Философія-же, напротивъ, всегда съ презрѣніемъ отворачивалась отъ такого практическаго дѣла и взамѣнъ того гоняется за воображаемымъ разрѣшеніемъ недоступныхъ тайнъ природы. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ незамѣтнымъ, но постояннымъ вліяніемъ здраваго смысла человѣчества мало-по-малу измѣнился первоначальный теологическій строй мысли, направляемой постоянно къ ея дѣйствительнымъ задачамъ и сдерживаемой въ реальныхъ границахъ. Истинный научно-философскій духъ поэтому есть ничто иное, какъ методическое распространеніе здраваго смысла на все, доступное изслѣдованію человѣческаго ума. Въ концѣ концовъ и позитивная метода, какъ и теологическая и метафизическая принадлежатъ всему человѣчеству, а не какому-нибудь одному мыслителю. Здравый смыслъ толпы безспорно даетъ и направленіе для умственной дѣятельности мыслителя, онъ же составляетъ тѣ корни, которыми питается и на которыхъ держится современный позитивный духъ. Извѣстно, что здравый смыслъ всегда любитъ обыденное, но мы теперь знаемъ, что самый обыденный фактъ есть въ тоже время и самый важный въ научномъ отношеніи. Единственно, въ чемъ научный духъ превосходитъ здравый смыслъ—это въ способности обобщенія, что же касается вѣрности наблюденій и точности сужденія, то въ этомъ здравый смыслъ не уступитъ самому тонкому мыслителю. Такимъ образомъ, о позитивной методѣ и позитивной философіи можно составить вѣрное понятіе лишь тогда, когда мы будемъ имѣть въ виду, что это дѣло всего человѣчества. Основное положеніе раціональной здравой философіи состоитъ въ томъ, что всѣ явленія природы, включая человѣка, подчинены опредѣленнымъ законамъ.— Но хотя мы и встрѣчаемъ уже на первыхъ ступеняхъ человѣческой мысли слѣды такой вѣры въ законосообразность, однакожъ очевидно, что въ этомъ періодѣ, въ виду господства теологическихъ началъ, законосообразность эта является какъ-бы исключеніемъ, ограниченнымъ первоначально одной небольшой областью математическихъ и отчасти астрономическихъ явленій. Постепенно, по мѣрѣ роста позитивныхъ идей и распространенія ихъ на всю неорганическую природу, и сфера законосообразности расширяется.—Соціальныя явленія, однакожъ, долго противостояли напору этого начала и еще до сихъ поръ не вполнѣ эмансипировались отъ теологическаго

произвола провидѣнія, устраняющаго господство законовъ въ этихъ явленіяхъ. И очевидно, что основаніе позитивной соціологіи, разрушивъ послѣднее убѣжище произвола и провиденціализма, дѣлаетъ начало законосообразности универсальнымъ, чѣмъ заканчивается великая умственная революція, давно уже пережитая другими науками.—Въ то-же время возникновеніе позитивной соціологіи, какъ послѣдней науки въ энциклопедической серіи—способствуетъ болѣе вѣрному и совершенному взгляду на взаимное отношеніе началъ, на которыхъ держится каждая изъ наукъ серіи. До тѣхъ поръ пока соціологія не была наукой, преобладаніе математическаго метода въ наукѣ о неорганическомъ мірѣ казалось безусловнымъ; каждая отрасль естествознанія держалась на началахъ науки, ей предшествующей. Такъ, химія строилась на физикѣ, физика на механикѣ и т. д. Самостоятельность-же каждой науки въ методологическомъ и научномъ отношеніи игнорировалась, какъ-бы покрывалась подавляющей волной математическаго анализа. Въ настоящее-же время, когда въ позитивной соціологіи открыта наука, никоимъ образомъ не подчиняющаяся ни въ методѣ, ни въ доктринахъ математическому анализу—сразу падаетъ и вѣра въ гегемонію математики надъ другими физико-химическими науками, которыя этимъ самымъ какъ-бы получаютъ автономію. Возникаетъ убѣжденіе, что хотя общее вліяніе математическихъ законовъ и распространяется на всю область естествознанія, а можетъ быть и больше, на біологію, но что при этомъ каждая наука имѣетъ и свои спеціальные законы.

Законы природы бываютъ двухъ родовъ—сосуществованіе и послѣдовательность. Различіе это, незамѣтное въ математикѣ, гдѣ имѣются лишь отношенія сосуществовавшія, обнаруживается уже въ физическихъ явленіяхъ, какъ напр. въ гармоніи и мелодіи звука, яснѣе проявляется въ химіи и вполнѣ раскрывается въ біологіи, гдѣ этимъ двумъ родамъ законовъ соотвѣтствуютъ понятія организаціи и жизни. Но безспорно наивысшаго развитія это различіе достигаетъ въ области соціальныхъ явленій, гдѣ ему соотвѣтствуютъ начала порядка и прогресса. Такимъ образомъ и въ отношеніи раскрытія настоящаго характера законовъ природы позитивная соціологія занимаетъ первенствующее мѣсто. По способу своего происхожденія и по своему то болѣе практическому, то болѣе методическому характеру законы природы дѣлятся на опытные и раціональные—обыкновенно обозначаемые терминами индуктивные и дедуктивные.—Каждая наука обладаетъ законами того и другого рода, но между науками простѣйшими и сложными замѣчается существенное различіе въ роли обоихъ типовъ законовъ.—Въ наукахъ простѣйшихъ, физико-математическихъ, крайняя несложность явленій об-

легчаетъ примѣненіе дедукціи—установленіе раціональныхъ законовъ, что, наоборотъ, весьма затруднительно въ наукахъ высшихъ—біологическихъ, имѣющихъ дѣло съ крайне сложными явленіями. Зато съ другой стороны, благодаря связи высшихъ наукъ съ низшими, является возможность пользоваться методомъ a priori, т. е. выводить законы высшихъ наукъ раціональнымъ путемъ изъ данныхъ низшихъ наукъ и прямо помимо наблюденія устанавливать эти законы.

Такимъ образомъ, если вторичная дедукція затруднена въ высшихъ наукахъ, зато первичная дедукція здѣсь нерѣдко замѣняетъ самый процессъ индукціи, безъ котораго въ наукахъ низшихъ невозможно возникновеніе закона. Еще одна черта характеризуетъ въ логическомъ смыслѣ высшія науки—преобладаніе въ нихъ наблюденія надъ воображеніемъ, которое играетъ такую роль въ наукахъ низшаго порядка. Одно изъ самыхъ существенныхъ свойствъ позитивнаго метода, какъ онъ проявляется въ высшихъ наукахъ, составляетъ развитіе понятія относительности и его побѣда надъ теологическимъ началомъ абсолютнаго.

Уже въ наукѣ о неорганическомъ мірѣ былъ нанесенъ первый ударъ вѣрѣ въ абсолютное знаніе, когда астрономіи удалось установить законъ независимости движенія небесныхъ тѣлъ отъ вмѣшательства какого-либо посторонняго фактора. Но гораздо яснѣе выступило это начало относительности въ біологіи, благодаря идеямъ соотношенія среды и индивида и опредѣленію жизни, какъ взаимодѣйствія и соотношенія этихъ двухъ факторовъ. Духовная жизнь, подчиненная общимъ законамъ біологіи, очевидно, также оказывается результатомъ взаимодѣйствія двухъ величинъ—внѣшней среды, окружающей человѣка и его внутренней организаціи. Стоитъ лишь прекратить взаимодѣйствіе этихъ двухъ факторовъ, напр. вслѣдствіе инерціи среды, или потери воспріимчивости организма—и вся наша духовная жизнь обречена на смерть. Такимъ-же образомъ наше познаніе природы въ частности также обусловлено взаимодѣйствіемъ природы, на насъ воздѣйствующей, и нашей организаціи, воспринимающей это воздѣйствіе и обусловливающей личный результатъ, т. е. наши концепціи. И никогда мы не будемъ въ состояніи расчленить на составныя части наши мысли и впечатлѣнія и опредѣлить, что въ нихъ принадлежитъ средѣ и что обусловлено организаціей. Кантъ первый проникся этой біологической аналогіей, когда онъ пытался установить категорію мысли, какъ элементъ, обусловленный нашей организаціей.—Но ошибка Канта, говоритъ Контъ, заключалась въ томъ, что онъ разсматриваетъ нашъ интеллектъ индивидуально и статически, какъ неподвижную величину. Позитивная философія дѣлаетъ шагъ впередъ и признаетъ разумъ вели-

чиной общечеловѣческой и развивающейся по опредѣленному закону, въ связи съ воздѣйствіемъ среды. Эта высшая точка зрѣнія динамическая и соціальная, окончательно разрушаетъ идею объ абсолютномъ знаніи, ибо разъ неподвижность человѣческаго разума оказывается фикціей, и послѣдній есть непрерывно развивающаяся величина, то само собою вытекаетъ заключеніе, что всѣ теоріи суть лишь послѣдовательныя приближенія къ дѣйствительности, которая никогда не можетъ быть достигнута. Лучшей теоріей слѣдуетъ признать ту, которая въ данную эпоху соединяетъ всѣ научныя данныя въ одну систему понятій.

Переходя къ задачѣ позитивной философіи, Контъ опредѣляетъ ее— какъ объединеніе нашего знанія въ формѣ, удовлетворяющей наклонностямъ нашего ума, и на началахъ, способныхъ регулировать нашу дѣятельность и въ то-же время соотвѣтствующихъ нашему эстетическому чувству.

Такое пониманіе Контомъ задачи и цѣли философіи приводитъ его совершенно послѣдовательно къ допущенію свободы философской мысли. Мы имѣемъ право, говоритъ Контъ, пользоваться этой свободой нашего разума безъ пустой щепетильности, но въ извѣстныхъ предѣлахъ, чтобъ удовлетворить законную наклонность нашего ума къ простотѣ, связности и общности идей, уважая, однакожъ, при этомъ законъ внѣшней природы, на сколько возможно. И хотя изъ всѣхъ произведеній человѣка его научныя теоріи всего менѣе могутъ опредѣляться, напр. сравнительно съ произведеніями искусства, наклонностями нашего ума, т. к. научныя произведенія должны отражать внѣшнюю реальность, тѣмъ не менѣе нужно признать, что наши умственныя наклонности могутъ вполнѣ законно видоизмѣнять наши теоріи, хотя въ меньшей степени, но въ томъ-же смыслѣ, какъ произведенія искусства или техники, приспособляя эти теоріи къ ихъ истинному назначенію—служить не индивиду, а человѣчеству.— При изученіи природы, продолжаетъ Контъ (стр. 640 г. LVIII), постоянно встрѣчаются двоякаго рода случаи, въ которыхъ необходимо допустить для нашего разума такую свободу— или имѣемъ дѣло съ безконечно-недоступными, хотя и позитивными по природѣ задачами, или-же вопросы эти лишь преждевременны, причемъ однакожъ, нашъ разумъ вынужденъ, для устойчивости всей системы нашихъ идей, составить себѣ опредѣленное представленіе и о данномъ вопросѣ.—Ясно, говоритъ Контъ, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ будетъ вполнѣ законно, отказавшись отъ претензіи на абсолютное знаніе, выработать для этихъ случаевъ предположеніе, гипотезу, наиболѣе способныя облегчить дѣятельность нашего разума, соблюдая при этомъ лишь два условія—во первыхъ, чтобы эти гипотезы не про-

тиворѣчили извѣстнымъ фактамъ и теоріямъ, во вторыхъ, нужно всегда быть готовымъ измѣнить эти гипотезы, когда того потребуютъ новыя наблюденія.—Что касается вопросовъ первой категоріи въ отдѣльности, нужно замѣтить, что послѣ того, какъ позитивизмъ навсегда отказался отъ опредѣленія первыхъ конечныхъ причинъ, въ нашемъ знаніи, сведенномъ къ реальнымъ законамъ, всегда остаются еще весьма важные вопросы, которые никогда не будутъ разрѣшены слабыми силами человѣческаго разума, но которые тѣмъ не менѣе должны быть включены въ позитивную систему, т. к. можно допустить, что эти вопросы могли-бы быть разрѣшены болѣе сильнымъ интеллектомъ, чѣмъ настоящій человѣческій. Истинное пониманіе духа наукъ должно опредѣлить предѣлы этой свободы нашего ума и выборъ такихъ вспомогательныхъ умственныхъ операцій, которыя-бы способствовали развитію реальнаго знанія, но не тормозили его. Какъ примѣръ такой гипотезы, можно указать на ученіе о молекулярномъ строеніи тѣлъ, на которое всѣ смотрятъ лишь какъ на средство, облегчающее наши представленія о тѣлахъ. Такимъ-же примѣромъ можетъ служить въ химіи дуалистическая теорія, также лишенная реальнаго значенія, но служащая лишь орудіемъ изученія и синтеза въ химіи.—Такова „свобода интеллекта“, по отношенію къ такъ называемымъ конечнымъ вопросамъ.

Что-же касается вопросовъ второй категоріи, преждевременныхъ, но неизбѣжныхъ, то они цѣликомъ входятъ въ область гипотезъ, и слѣдуетъ признать за нашимъ интеллектомъ не только право, но и обязанность вырабатывать ихъ. Необходимо лишь соблюдать два условія, чтобы, во первыхъ, гипотезы находились въ соотвѣтствіи съ фактами и реальными законами явленій и чтобы гипотеза являлась опорой для нашей умственной дѣятельности. Такимъ образомъ, заключаетъ Контъ, позитивная точка зрѣнія приводитъ насъ въ концѣ концовъ къ тому, чтобы при изученіи законовъ природы стремиться къ выработкѣ такого представленія о внѣшнемъ мірѣ, которое удовлетворяло-бы природнымъ наклонностямъ нашего ума и вмѣстѣ съ тѣмъ обладало-бы степенью точности, достаточной для руководства нашей практической жизнью. Статическіе законы при этомъ удовлетворяютъ инстинктивному стремленію нашего разума къ гармоніи, а динамическіе удовлетворяютъ наклонности нашего ума вѣрить въ непрерывное возвращеніе уже разъ пройденнаго. Система позитивной философіи не ограничена въ своемъ содержаніи одной наукой, она стремится охватить всю практическую сферу дѣятельности человѣка, какъ искусство, такъ и технику. Но хотя такая координація теоретической и практической сторонъ нашего ума, указанная еще Бэконом, какъ конечная цѣль, вполнѣ соотвѣт-

ствуетъ единству нашего интеллекта и однородности его направленія въ различныхъ его проявленіяхъ, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ различать особенность каждой изъ трехъ сторонъ нашего духа, разума,—эстетическаго чувства и практической воли.—Наиболѣе рѣзкое различіе существуетъ между первой и послѣдней—между духомъ спекулятивнымъ и практическимъ.—Первый, въ отношеніи своемъ къ окружающей природѣ, стоитъ на почвѣ абстрактнаго анализа; схватывая все то, что есть общаго между различными явленіями, и отбрасывая все индивидуальное, онъ этимъ самымъ удаляется отъ истинной реальности. Практическій-же духъ, напротивъ того, по самому характеру своихъ спеціальныхъ задачъ ближе подходитъ къ полной реальности предметовъ, но зато удаляется отъ пониманія общихъ отношеній между явленіями. Если между наукой и практикой всегда, такимъ образомъ, существовалъ антагонизмъ въ основныхъ тенденціяхъ, то между наукой и эстетикой, хотя и существуютъ нѣкоторыя дивергированія, но во всякомъ случаѣ не столь рѣзкое, какъ между знаніемъ и практикой. Даже въ тѣ эпохи, когда наука еще сама была подчинена воображенію и не имѣла поэтому особыхъ правъ на руководительство, и тогда поэзія признавала для себя обязательнымъ придерживаться истины, т. е. не расходиться съ законами природы, какъ они принимались въ наукѣ тогдашняго времени. Въ свою очередь эстетика способна оказать вліяніе на науку, содѣйствуя философской обработкѣ послѣдней.—Когда воцарится истинный духъ философіи, говоритъ Контъ, всѣ мыслители поймутъ, что чисто эстетическая тенденція имѣетъ вполнѣ законное право участвовать въ той долѣ свободы мысли, которую слѣдуетъ признать въ интересахъ нашихъ умственныхъ наклонностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе эстетики должно обнаружиться въ согласованіи нашихъ идей о природѣ съ присущей намъ потребностью въ идеалѣ, конечно, не въ ущербъ реальности представленій.—Наконецъ, дѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя является послѣднимъ камнемъ въ томъ фундаментѣ, на которомъ держится зданіе позитивной философіи. Уже Бэконъ указалъ на необходимость выдѣлить изъ всего содержанія естествознанія абстрактное и аналитическое описаніе элементарныхъ явленій, различныя комбинаціи которыхъ составляютъ явленія дѣйствительнаго міра. Этотъ отдѣлъ Бэконъ предлагалъ назвать первичной философіей, которая должна была по его идеѣ служить основаніемъ для естествознанія. Но очевидно, что конкретная наука, или естествознаніе въ тѣсномъ смыслѣ, не можетъ раціонально быть обоснована раньше чѣмъ абстрактная наука не обниметъ всѣ элементарныя явленія въ послѣдовательномъ порядкѣ отъ простѣйшихъ до сложнѣйшихъ. Притомъ-же дѣленіе Бэкона

въ сущности есть лишь зародышъ болѣе принципіальнаго и систематич. дѣленія на абстрактныя и конкретныя науки, которымъ мы опять-таки обязаны установленію позитивной соціологіи, такъ какъ нигдѣ различіе между конкретнымъ и абстрактнымъ не выступаетъ такъ ясно и рѣзко, какъ въ соціальныхъ явленіяхъ. И въ то-же время это различіе и основанное на немъ дѣленіе наукъ—является самымъ важнымъ дѣленіемъ изъ всѣхъ, какія можно усмотрѣть въ наукѣ.—Выдѣливъ сначала путемъ абстракціи первой степени практич. дѣятельность нашего ума отъ науки, въ тѣсномъ смыслѣ, отдѣливъ затѣмъ эстетическія представленія, необходимо еще было посредствомъ абстракціи 3-й степени отдѣлить конкретныя науки отъ абстрактныхъ, чтобы явилась, наконецъ, возможность установить для раціональнаго знанія точку зрѣнія—самую простую, самую общую и самую широкую. Что же касается послѣдовательнаго историческаго развитія главныхъ логическихъ формъ или процедуръ (procédés)—свойственныхъ позитивному методу, то онѣ могутъ быть съ пользой изучаемы, не отдѣльно, а лишь въ связи съ развитіемъ соотвѣтственной области знанія, которая даетъ начало данной логической процедурѣ. Въ самомъ дѣлѣ, т. к. въ своемъ основаніи и происхожденіи позитивный методъ есть примѣненіе общечеловѣческаго здраваго смысла къ научнымъ вопросамъ, то отсюда ясно, что первые шаги позитивнаго метода не допускаютъ никакихъ догматическихъ толкованій и формъ.—Но, даже изучая логическія правила Декарта, Бэкона, Паскаля и Ньютона, мы видимъ и здѣсь ничто иное, какъ догматическое освященіе общечеловѣческой мудрости, проникшей раньше всего въ область геометріи.

Историческое значеніе этихъ правилъ заключается въ ихъ протестѣ противъ мертвой формалистики древней логики и въ распространеніи пріемовъ обыкновеннаго здраваго смысла на область отвлеченныхъ вопросовъ науки.—Но въ тоже время эти логическіе принципы сами по себѣ,—изолированные отъ ихъ примѣненія къ наукѣ, не могутъ служить руководящими правилами для дѣятельности нашего интеллекта; мало того, изолированные, внѣ практическаго примѣненія, они могутъ даже вести къ серьезнымъ заблужденіямъ. Стоитъ только для примѣра вспомнить, какъ тщательно обыкновенно соблюдаются самыя мелочныя правила стихотворства въ самыхъ жалкихъ поэтическихъ произведеніяхъ!—Очевидно, по самому существу, что никакое искусство вообще, тѣмъ болѣе искусство говорить и думать, писать и ходить и т. п. не подлежитъ догматическому обученію.

Искусство правильно разсуждать менѣе всякаго другого можетъ быть предметомъ такихъ предписаній, т. к. сами послѣднія при этомъ

оказываются лишенными всякой догматической основы.—Очевидно поэтому, что логическая и научная точки зрѣнія суть двѣ соотносительныя и нераздѣльныя стороны одного цѣлаго; воспитательное вліяніе ихъ поэтому нераздѣльно, тѣмъ болѣе, что научные результаты одной науки становятся логическими орудіями послѣдующей въ іерархіи науки, благодаря чему логика и науки еще болѣе переплетаются и сливаются между собою. Краткимъ резюме всѣхъ главныхъ фазъ развитія позитивнаго метода, начиная отъ математики и кончая соціологіей, Контъ заканчиваетъ первую часть своего aperçu general, которую онъ сравниваетъ съ знаменитымъ введеніемъ Декарта „О методѣ".

Общіе выводы позитивной доктрины.

Предѣлы и направленіе человѣческаго знанія, говоритъ Контъ, находятся въ гармоніи съ нашими нуждами. Позитивная наука преслѣдуетъ практическую жизнь—изученіе тѣхъ явленій, которыя доставляютъ намъ возможность активно воздѣйствовать на окружающій насъ міръ. Все-же то, что лежитъ какъ недоступное внѣ границъ позитивной науки, оказывается въ тоже время практически несущественнымъ и годнымъ лишь на удовлетвореніе нашего пустого любопытства. Слѣдовательно, существенная задача науки сводится къ изученію естественной экономіи природы, которой подчинено наше существованіе. Подобно тому, говоритъ Контъ, какъ изученіе историческаго развитія позитивнаго метода по всей іерархіи наукъ открыло намъ единство этого метода, не смотря на спеціальныя формы въ различныхъ наукахъ, такимъ-же образомъ и историческое изученіе развитія науки и ея основныхъ принциповъ показываетъ намъ единство доктринъ въ обширномъ царствѣ знанія отъ математики до соціологіи включительно. Такъ философія математики убѣждаетъ насъ наперекоръ господствующему мнѣнію, что теорія движенія и равновѣсія возникла независимо отъ своего эмпирическаго содержанія, т. к. отъ законовъ физики, откуда слѣдуетъ, что всѣ выводы этой теоріи примѣнимы ко всѣмъ механич. явленіямъ природы, гдѣ-бы мы ихъ не встрѣчали,—даже въ органич. тѣлахъ, что на самомъ дѣлѣ и имѣетъ мѣсто, но, вникая глубже въ этотъ вопросъ, мы убѣждаемся, что всѣ три основные закона механики при извѣстномъ ихъ обобщеніи обращаются изъ механическихъ въ универсальные философскіе законы, примѣнимые ко всѣмъ возможнымъ явленіямъ,—органическимъ и даже со-

ціальнымъ. Такъ, законъ инерціи или Кеплера въ сущности не есть спеціально-механическій; начало инерціи въ механикѣ есть лишь частный случай всеобщей тенденціи всѣхъ явленій природы отъ самыхъ простыхъ до самыхъ сложныхъ—оставаться въ данномъ состояніи до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ какого нибудь внѣшняго воздѣйствія. Въ біологіи этотъ законъ обнаруживается въ формѣ „привычки", въ соціологіи онъ проявляется въ тенденціи всякой политической системы фиксироваться на всегда. Въ сферѣ физическихъ явленій законъ этотъ обнаруживается въ формѣ повторенія (періодичности), что совершенно невѣрно считается характернымъ лишь для біологическихъ явленій. Нетрудно убѣдиться въ универсальномъ характерѣ второго Галилеевскаго закона движенія, который гласитъ, что движеніе какого либо тѣла или системы точекъ не вліяетъ на относительное взаимное движеніе отдѣльныхъ частицъ или точекъ этого тѣла.

Законъ этотъ, безъ котораго немыслимы были-бы механическія явленія въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ теперь знаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ универсальное распространеніе, охватывая всѣ явленія неорганическаго и органическаго міра. Въ біологіи этому закону независимости частныхъ измѣненій отъ общаго подчинены даже явленія чувствительности. Такъ, не смотря на то, что мы постоянно находимся подъ вліяніемъ общихъ факторовъ (внѣшней среды), дѣйствующихъ на всю совокупность нашихъ чувствъ, тѣмъ не менѣе, благодаря сравнительному характеру чувствительности, это не мѣшаетъ намъ воспринимать отдѣльныя ощущенія. Въ явленіяхъ соціологическихъ замѣчается тоже самое. Въ томъ случаѣ, когда всѣ отдѣльныя части общественнаго организма получаютъ импульсы одинаковой силы и скорости, соціальная система двигается вся впередъ безъ внутреннихъ пертурбацій. Послѣднія же, т. е. внутреннія потрясенія и перемѣны являются неизбѣжно, какъ только отдѣльные части и элементы общества претерпѣваютъ неодинаковыя измѣненія. Наконецъ,—3-й законъ движенія—Ньютоновскій—провозглашающій равенство дѣйствія и противодѣйствія, то его универсальный характеръ еще болѣе очевиденъ, хотя эту эквивалентность нелегко вездѣ усмотрѣть, такъ какъ реакція имѣетъ въ каждой группѣ явленій, напр. химическихъ и біологическихъ — специфическій характеръ и выражается каждый разъ въ другой формѣ—соотвѣтственно той группѣ явленій, которыя подвергаются воздѣйствію. Такъ напр., механическое воздѣйствіе на явленіе простого движенія или на какой нибудь химическій или біологическій процессъ, вызываетъ каждый разъ реакцію другого характера, разъ—механическую, другой—химическую, третій — біологическую, что, конечно, затрудняетъ констатированіе

эквивалентности. Зато біологія и особенно соціологія, гдѣ явленія чрезвычайно интимно связаны между собою и находятся въ непрерывномъ взаимодѣйствіи, даютъ возможность постоянно и легко убѣждаться въ примѣненіи закона равенства взаимодѣйствія ко всѣмъ біологическимъ и соціальнымъ явленіямъ.—Такимъ образомъ, всѣ 3 закона механики, будучи законами всѣхъ явленій, должны, очевидно, считаться универсально-философскими законами, принимающими въ механикѣ лишь частную форму законовъ простого движенія. Даже менѣе общій законъ механики—законъ Даламбера, приводящій всѣ явленія движенія къ законамъ равновѣсія, сводящій, такимъ образомъ, динамику на статику, въ сущности представляетъ лишь въ механикѣ спеціальную форму болѣе общаго закона зависимости динамики отъ статики или явленія послѣдовательности отъ условій сосуществованія.— Связь эта и единство особенно рѣзко выступаютъ въ соціологіи, гдѣ только недостаточная разработка матеріала можетъ намъ пока мѣшать привести всѣ законы соціальной динамики къ условіямъ статики, т. е. равновѣсія. Универсальному характеру основныхъ законовъ механики Контъ придаетъ большое значеніе. Очевидно, говоритъ онъ, то обстоятельство, что эти законы всего реальнѣе и рѣзче обнаруживаются въ сферѣ механическихъ явленій—обусловлено только крайней простотой этихъ явленій, что облегчило выработку этихъ концепцій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжаетъ онъ, эти законы, проявляясь въ сферѣ механики въ самой элементарной формѣ, сообразно характеру самыхъ явленій, могутъ развернуться во всей своей полнотѣ лишь въ явленіяхъ высшаго порядка и болѣе сложнаго состава, гдѣ законы эти пріобрѣтаютъ свою вполнѣ зрѣлую и развитую форму. Точный фактъ, что эти законы впервые зародились въ наукѣ о движеніи, еще не доказываетъ, что механика—единственный источникъ ихъ познаній, а математика—единственный методъ и форма. Напротивъ того, имѣя по духу своему мало общаго съ природой математическаго анализа, законы эти много теряютъ отъ той формы, въ которой они сложились, во первыхъ потому, что такая спеціальная аналитическая форма мѣшаетъ имъ принять принадлежащій имъ болѣе широкій философскій характеръ; во вторыхъ потому, что пріуроченіе ихъ къ ограниченной сферѣ механическихъ явленій заставляетъ искать корни этихъ законовъ въ пустой софистикѣ вмѣсто того, чтобы видѣть ихъ основу тамъ, гдѣ они въ дѣйствительности находятся, въ наблюденіяхъ надъ явленіями болѣе высокаго и сложнаго типа.

Въ этомъ капитальномъ и новомъ обобщеніи Контъ видитъ первый примѣръ дѣйствія соціологическаго, т. е. синтетическаго метода на строй

научныхъ доктринъ. Тогда какъ при господствѣ аналитическаго метода единство основныхъ законовъ природы достигалось только цѣною разложенія сложныхъ, напр.,— біологическихъ явленій на ихъ механическіе элементы, причемъ разрушалась самая сущность этихъ явленій; теперь благодаря синтетическому методу, универсальность законовъ природы основана на примѣненіи ихъ къ явленіямъ высшаго порядка, какъ они есть во всей ихъ сложной реальности. Нѣтъ сомнѣнія, что изложенные механическіе законы — не единственный законъ, имѣющій универсальный характеръ. Весьма вѣроятно, что въ математикѣ и механикѣ найдется не мало законовъ, хотя и болѣе спеціальнаго характера, но которые, однакожъ, могутъ быть въ значительной мѣрѣ обобщены и распространены на всю область явленій неорганическаго міра. Во всякомъ случаѣ, даже на основаніи приведенныхъ примѣровъ обобщенія механическихъ законовъ, мы уже имѣемъ право надѣяться на научное объединеніе всѣхъ нашихъ знаній съ помощью вышеизложеннаго логическаго ихъ синтеза.—Переходя къ физической доктринѣ, мы видимъ, что явленія физическаго міра, хотя и свойственны всѣмъ предметамъ природы, какъ неорганическимъ, такъ и живымъ, но распадаются на нѣсколько классовъ — принципіально различныхъ между собою. Свѣтъ, теплота, звукъ, тяжесть, электричество различаются по тѣмъ органамъ чувствъ, которыми мы воспринимаемъ эти явленія.—Различіе это, очевидно, такого рода, что оно навсегда кладетъ преграду къ научному сліянію различныхъ частей физики въ одну систему. При этомъ случаѣ Контъ еще разъ напоминаетъ, что физика не должна и не можетъ слиться съ математикой, а химія съ физикой.—Исторія науки объ органическомъ мірѣ наполнена борьбой двухъ началъ; съ одной стороны— позитивизмъ всегда стремился поработить біологію наукѣ о неорганическомъ мірѣ,—химіи, физикѣ, въ концѣ концовъ математикѣ и анализу. Съ другой стороны—въ виду явной безплодности и безсилія притязаній со стороны этихъ наукъ на господство въ біологіи, послѣдняя, отстаивая свою самостоятельность, укрывалась подъ защиту теологическихъ и метафизическихъ началъ. Только послѣ работъ Биша біологія выступила окончательно на позитивный путь. Биша своимъ раздѣленіемъ біологическихъ явленій на два класса — растительный и анимальный, провелъ границу, до которой простирается сфера вліянія законовъ неорганическаго міра въ біологіи.—Далѣе введеніемъ понятія о ткани, какъ біологическомъ элементѣ, Биша далъ біологіи то, что химія имѣетъ въ теоріи молекулъ—специфическую единицу.—Біологія, какъ доктрина, сдѣлала еще одинъ крупный шагъ впередъ, ставъ на точку зрѣнія развитія и введя понятіе о іерархіи. Наконецъ въ соціологіи — въ наукѣ

о коллективномъ организмѣ—біологія, какъ доктрина, достигаетъ своей высшей точки развитія.—Установленіемъ основъ позитивной соціологіи окончательно увѣнчано зданіе позитивной философіи, пріобрѣтающей характеръ универсальной системы, построенной на одной іерархіи и на одномъ законѣ развитія. Въ этой системѣ достигнута гармонія теоретической и активной мысли, научный духъ и здравый смыслъ человѣчества объединены, мораль въ свою очередь сливается съ философіей, такъ какъ послѣдняя, отказавшись отъ химеръ, направила свои усилія на доступныя цѣли—на удовлетвореніе потребностей систематизированнаго и разумнаго эгоизма.

Часть II-я. Критика основныхъ началъ Контовской философіи.

Глава I-я. Спенсеръ, Милль, Лесевичъ и Гротъ о Контѣ.

Въ философіи Конта слѣдуетъ различать двѣ составныя части, при которыхъ одна принадлежитъ всей новѣйшей философіи вообще, а вторая есть личное достояніе Конта и составляетъ его вкладъ въ исторію человѣческой мысли.

Первая часть представляетъ собою, какъ это заявляетъ и самъ Контъ, развитіе основныхъ началъ „естественной философіи“ Ньютона и Бэкона. Сюда входитъ ученіе объ относительности и конечности нашего знанія, ученіе о законахъ природы, какъ отношеніяхъ явленій, признаніе опыта единственнымъ источникомъ и руководителемъ въ познаваніи и изслѣдованіи природы, распространеніе начала и метода естествознанія на всю науку и философію, включая сюда соціологію и антропологію. Эта реалистическая философія исключаетъ внѣ-опытное познаваніе природы, а также отыскиваніе конечныхъ причинъ и абсолютныхъ законовъ. Въ этой части своего труда Контъ есть лишь прямой послѣдователь, пропагандистъ и толкователь основныхъ началъ реальной англійской философіи, которую онъ прекрасно формулируетъ, развиваетъ, но не дополняетъ существенно, хотя и даетъ ей новое названіе:—позитивной философіи, но ученіе англійскихъ мыслителей служитъ для Конта лишь базисомъ, на которомъ онъ воздвигаетъ собственное, оригинальное зданіе, вполнѣ заслужившее названіе Контовской системы философіи.

Вкладъ Конта въ философію слагается изъ трехъ крупныхъ ученій: 1) Іерархической классификаціи наукъ, 2) Закона развитія человѣческаго разума и 3) Системы знанія, т. е. системы законовъ и методовъ, связывающихъ все человѣческое знаніе въ одно цѣлое.

Только первое изъ этихъ началъ—Контовская классификація наукъ была предметомъ серьезной, хотя далеко не полной критики со стороны

Герберта Спенсера, который также сдѣлалъ нѣкоторыя возраженія противъ 2-го закона: трехъ періодовъ развитія человѣческой мысли. Что же касается Контовской системы наукъ, въ ея цѣломъ, то, кажется, она еще не подвергалась критическому анализу.

Люисъ, писавшій о Контѣ, ограничился изложеніемъ основныхъ положеній Конта, которыя онъ, Люисъ, пропагандируетъ безъ критики. Джонъ Стюартъ Милль, также посвятившій Конту большой этюдъ полукритическаго характера, принимаетъ первыя два начала Конта и отстаиваетъ ихъ отъ нападокъ и возраженій Спенсера. О Контовской системѣ знанія мы и у Милля ничего не находимъ. Его возраженія относятся къ той части философіи, которую Контъ умышленно игнорируетъ:—къ логикѣ и психологіи—(Джонъ Ст. Милль, „О. Контъ и позитивизмъ", стр. 50).

„Философія науки состоитъ изъ двухъ главныхъ частей. Одна занимается методами изслѣдованія, другая разсматриваетъ требованія доказательности; одна указываетъ пути, которыми умъ человѣческій приходитъ къ заключеніямъ, другая—способъ, какимъ устанавливается ихъ очевидность. При полнотѣ—первая представила бы органонъ открытія, послѣдняя—органонъ доказательности. Контъ ограничивается главнымъ образомъ первою изъ этихъ частей и разрабатываетъ ее съ такимъ совершенствомъ, что не имѣетъ до сихъ поръ соперника въ этомъ дѣлѣ. Ничто не можетъ сравниться съ его обзоромъ средствъ, какими умъ человѣческій располагаетъ для изслѣдованія законовъ явленій; съ его разборомъ обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ извѣстный основный видъ изслѣдованія примѣнимымъ или непримѣнимымъ къ тому или другому классу явленій; съ его изложеніемъ расширеній и видоизмѣненій, какія испытываетъ процессъ изслѣдованія, приспособляясь ко всякой новой области изученія; наконецъ, съ его изображеніемъ даровъ, какими каждая изъ основныхъ наукъ обогащаетъ методъ положительнаго изслѣдованія; такъ какъ та или другая наука лучше всего бываетъ способна довести до совершенства тотъ или другой процессъ. Эти и многіе сродные предметы, каковы теорія классификаціи и значеніе научныхъ гипотезъ, Контъ разработалъ съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла, которое оставляетъ желать весьма немногаго. Не менѣе удивителенъ и его обзоръ самыхъ обыкновенныхъ истинъ, достигаемыхъ каждою наукою и разсматриваемыхъ касательно ихъ отношенія къ общей суммѣ человѣческаго знанія и касательно ихъ логической важности, какъ вспомогательныхъ средствъ къ дальнѣйшему прогрессу. Но за всѣмъ этимъ остается совершенно особый вопросъ. Мы изучили прямой путь доискиваться результатовъ, но, когда результатъ достигнутъ, какъ узнать, что

онъ вѣренъ? Какъ удостовѣриться, что процессъ былъ веденъ правильно, что наши посылки—состоятъ ли онѣ изъ обобщеній или изъ частныхъ фактовъ—дѣйствительно доказываютъ заключеніе, которое мы основали на нихъ? Контъ не думаетъ затрогивать этого вопроса. Онъ не даетъ пробнаго камня для доказательства. Что касается дедукціи, Контъ не признаетъ силлогистической системы Аристотеля и его преемниковъ (недостаточность этой системы такъ же очевидна, какъ дѣйствительна ея польза), и не предлагаетъ чего либо другого на ея мѣсто; относительно же индукціи у него нѣтъ никакихъ правилъ. Онъ, кажется, не допускаетъ возможности какого либо общаго критерія, которымъ можно было бы рѣшать: данное индуктивное заключеніе—вѣрно или нѣтъ. Впрочемъ, онъ не смотритъ, подобно Вевелю, на индуктивную теорію, какъ доказанную, въ томъ случаѣ, если она согласуется съ фактами, напротивъ, онъ ставитъ себя въ полное противорѣчіе къ тѣмъ научнымъ гипотезамъ, которыя, какъ, напр., гипотеза свѣтового эфира, не подлежатъ прямому доказательству и принимаются единственно на основаніи приложимости ихъ къ объясненію явленій. Контъ утверждаетъ, что только та гипотеза законна, которая допускаетъ возможность провѣрки, что ни одна изъ нихъ не должна признаваться истинною, исключая случаевъ, когда можетъ быть показано не только то, что она согласуется съ фактами, но и то, что ея ложность несовмѣстима съ ними. Онъ, слѣдовательно, ищетъ критерій для индуктивныхъ доказательствъ и, не указывая такового, кажется, оставляетъ въ сторонѣ, какъ непрактичную, главную задачу собственно такъ называемой логики. Въ началѣ своего трактата онъ говоритъ о теоріи метода, отдѣленной отъ частныхъ приложеній, какъ о вещи возможной, но ненужной: методъ, по его мнѣнію, изучается только тогда, когда прилагается, и логика науки можетъ быть съ пользою передана только самою наукою. Къ концу труда Контъ принимаетъ болѣе рѣшительный тонъ и считаетъ химерою всякую мысль о научной логикѣ внѣ ея примѣненія. Въ слѣдующихъ сочиненіяхъ онъ зашелъ въ этомъ направленіи такъ далеко, что призналъ ее вредной. Онъ не только не старался дополнить эту необходимую часть положительной философіи другими ея отраслями, но даже сдѣлалъ все, зависящее отъ него, чтобы воспрепятствовать такому пополненію. Этотъ пробѣлъ въ Контовской системѣ стоитъ въ связи съ недостаткомъ въ его основномъ воззрѣніи на предметъ научнаго изслѣдованія, недостаткомъ, который былъ замѣченъ всѣми и который, по характеру своему, скорѣе можетъ быть преувеличенъ, чѣмъ упущенъ изъ виду. Часто говорятъ о Контѣ, что онъ отвергаетъ изученіе причинъ. Въ точномъ смыслѣ, это невѣрно: такъ какъ онъ отвергаетъ только вопросъ о

первоначальномъ происхожденіи и о дѣятеляхъ, отличныхъ отъ того, что называютъ причинами естественными. Онъ считаетъ недоступными для насъ причины, которыя сами не суть явленія. Подобно многимъ онъ допускаетъ изслѣдованіе причинъ въ томъ смыслѣ, по которому одинъ естественный фактъ можетъ быть причиною другого. Но Контъ не терпитъ слова: „причина“, онъ согласенъ говорить только о законахъ послѣдовательности“.

„Такимъ образомъ, рѣшительное сопротивленіе Конта какъ слову, такъ и идеѣ „причина“, вѣроятно, много способствовало тому, что для него немыслима была „Индуктивная логика“, такъ какъ его вниманіе было отклонено отъ единственнаго основанія, на которомъ она могла быть построена.

Какъ бы ни казалось это страннымъ, но мы должны указать на одно обстоятельство въ философской дѣятельности Конта, сказавшееся весьма легкими намеками въ его капитальномъ произведеніи и выступившее на свѣтъ съ полной очевидностью только въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ, а именно, Контъ, въ сущности, не настолько заботился о полнотѣ доказательства, насколько то подобаетъ философу-позитивисту, и непогрѣшимая, какъ бы онъ хотѣлъ ее назвать, объективность понятія, т. е. точное соотвѣтствіе съ дѣйствительностью факта, не представляла для него непремѣннаго условія, отъ котораго бы зависѣло допущеніе этого понятія: оно, если оказывалось полезнымъ съ субъективной точки зрѣнія, принималось въ силу какихъ то уступокъ, на которыя умъ имѣетъ право при группировкѣ явленій“.

„Истинно-философское воззрѣніе ведетъ насъ къ мысли, что изученіе законовъ природы имѣетъ назначеніе представлять въ должномъ свѣтѣ внѣшній міръ, также какъ и удовлетворять существеннымъ наклонностямъ нашего ума, насколько то совмѣстно со степенью точности, требуемой совокупностью нашихъ практическихъ нуждъ“.

Этимъ да еще нѣсколькими замѣчаніями о субъективной и наблюдательной психологіи, которую Контъ совершенно не признаетъ, исчерпывается критическая сторона работъ Милля въ отношеніи къ системѣ позитивной философіи; зато позитивная политика Конта или его соціальная философія вызвала со стороны Милля обширную и глубокую критику.

Въ полной противоположности Миллю Спенсеръ совершенно отвергаетъ не только основныя начала Контовской философіи, но и почти всѣ его выводы. Въ своей статьѣ „Генезисъ наукъ“ Спенсеръ противопоставляетъ основнымъ положеніямъ Конта и свои тезисы, причемъ обнаруживается все несходство ихъ воззрѣній.

Положенія Конта.

1. Мнѣ слѣдуетъ впередъ указать существенное свойство энциклопедической лѣстницы, которую я предлагаю здѣсь: общее соотвѣтствіе ея съ цѣлымъ строемъ исторіи наукъ—въ томъ смыслѣ, что, несмотря на дѣйствительную и постоянную одновременность въ развитіи различныхъ наукъ, тѣ изъ нихъ, которыя будутъ поставлены какъ предшествующія, окажутся и на дѣлѣ болѣе древними и болѣе развитыми, нежели тѣ, которыя поставлены какъ послѣдующія.... Этотъ порядокъ опредѣляется степенью простоты или—что то же—степенью общности явленій.

2. Въ окончательномъ результатѣ математика, астрономія, физика, химія, физіологія и соціальная физика, вотъ энциклопедическая формула, которая одна, изъ всего значительнаго числа классификацій, допускаемыхъ шестью основными науками, логически-сообразна съ естественной и неизмѣнной іерархіей явленій.

3. Понятно, дѣйствительно, что раціональное изученіе каждой изъ основныхъ наукъ, требуя предварительной разработки всѣхъ наукъ, предшествующихъ ей въ нашей энциклопедической іерархіи, могло сдѣлать дѣйствитель-

Положенія Спенсера.

Порядокъ, въ которомъ устанавливаются обобщенія наукъ, опредѣляется численностью и силою, съ которыми различные классы соотношеній повторяются въ сознательномъ опытѣ, а это зависитъ отчасти отъ степени непосредственности вліянія на личное благосостояніе человѣка,—отчасти отъ степени явности явленій, между которыми замѣчается соотношеніе,—отчасти отъ безусловно-частаго повторенія этихъ соотношеній,—отчасти отъ относительно частаго ихъ повторенія,—отчасти отъ степени ихъ простоты и отчасти отъ степени ихъ абстрактности (Основныя начала, § 36).

Указываемое Контомъ послѣдовательное распредѣленіе наукъ не можетъ логически согласоваться съ естественной и неизмѣнной іерархіей явленій, и для распредѣленія наукъ не можетъ быть послѣдовательнаго ряда, который представлялъ бы логическую зависимость наукъ или же взаимную зависимость явленій. (См. „Генезисъ науки“ и „Классификацію наукъ“).

Историческое развитіе наукъ не шло этимъ послѣдовательнымъ рядомъ; оно не шло и ни какимъ другимъ послѣдовательнымъ рядомъ. „Истинной филіаціи наукъ“ нѣтъ. Съ самаго начала абстрактныя, абстрактно-конкретныя и

ные успѣхи и принять истинный свой характеръ только послѣ значительнаго развитія предшествующихъ наукъ, относящихся къ явленіямъ болѣе общимъ, болѣе абстрактнымъ, менѣе сложнымъ и независимымъ одно отъ другаго. Итакъ, вотъ порядокъ, въ которомъ должно было совершиться одновременное ихъ развитіе.

4. Каждая изъ основныхъ нашихъ концепцій, каждая отрасль нашихъ знаній проходитъ послѣдовательно три различныя теоретическія состоянія: состояніе теологическое или фиктивное, состояніе метафизическое или абстрактное, и состояніе научное или положительное. Другими словами, умъ человѣческій, по самой природѣ своей, послѣдовательно употребляетъ въ каждомъ изъ своихъ изслѣдованій три метода философствованія, характеры которыхъ существенно различны и даже радикально противоположны: сначала теологическій методъ, затѣмъ методъ метафизическій и наконецъ, методъ положительный.

конкретныя науки развивались одновременно: первыя разрѣшали задачи, которыя представлялись вторыми и третьими, и росли исключительно путемъ разрѣшенія этихъ задачъ; а вторыя подобнымъ же образомъ росли отъ содѣйствія, которое онѣ оказывали первымъ въ разрѣшеніи задачъ, представлявшихся третьими. Тутъ все было безпрерывнымъ дѣйствіемъ и воздѣйствіемъ трехъ обширныхъ классовъ, поступательнымъ движеніемъ отъ конкретныхъ фактовъ къ абстрактнымъ и приложеніемъ абстрактныхъ фактовъ къ анализу новыхъ разрядовъ конкретныхъ фактовъ. (См. „Генезисъ науки“).

Прогрессъ нашихъ концепцій и каждой изъ отраслей нашего знанія, отъ начала до конца существенно одинаковъ. Трехъ радикально противоположныхъ методовъ философствованія нѣтъ, а есть только одинъ методъ философствованія, который, въ сущности своей, остается всегда тотъ-же. Отъ перваго до послѣдняго—всѣ понятія о причинныхъ дѣятеляхъ въ различныхъ явленіяхъ имѣютъ степень общности, соотвѣтствующую широтѣ обобщеній, опредѣленной опытомъ; понятія эти измѣняются въ точной соразмѣрности съ накопленіемъ опыта. Интеграція (приведеніе къ единству) причинныхъ дѣятелей,— первоначально считавшихся многочисленными и мѣстными, а въ окончательномъ результатѣ при-

нимаемыхъ за единаго и всеобщаго,—есть процессъ, предполагающій прохожденіе чрезъ всѣ посредствующія ступени, лежащія между этими крайними предѣлами, и всякое выдѣленіе фазисовъ этого процесса будетъ крайне поверхностно. Предполагаемые конкретными и индивидуальными, причинные дѣятели начинаютъ сливаться въ умахъ, какъ скоро группы явленій уподобляются одна другой или выказываются сходными по своимъ причинамъ. Вмѣстѣ со слитіемъ причинныхъ дѣятелей, расширяется представленіе объ индивидуальности каждаго изъ нихъ, а въ связи съ этимъ уменьшается и ясность различій въ этихъ индивидуальностяхъ. При продолжающемся слитіи, причинные дѣятели постепенно расплываются въ нашемъ мышленіи и становятся неопредѣленными. И наконецъ, безъ какого бы то ни было измѣненія въ природѣ процесса — достигается сознаніе о всемірномъ причинномъ дѣятелѣ, который не можетъ быть понятъ.

Какъ процессъ мысли одинъ, такъ и исходъ ея одинъ. Трехъ различныхъ предѣльныхъ концепцій нѣтъ, а есть только одна предѣльная концепція. Когда теологическая идея провиденціальнаго дѣйствія одного существа развивается до крайнихъ своихъ формъ поглощеніемъ въ себя всѣхъ независимыхъ второстепенныхъ дѣятелей, она становится идеей о

5. Теологическая система дошла до высшаго совершенства, на какое она способна, когда поставила провиденціальное дѣйствіе единаго существа на мѣсто разнообразной дѣятельности многочисленныхъ независимыхъ божествъ, которыя были первоначально созданы воображеніемъ. Точно также и крайній терминъ метафизической системы состоитъ въ при-

нятіи сознаніемъ, вмѣсто различныхъ частныхъ сущностей, одной великой общей сущности — природы, разсматриваемой, какъ единственный источникъ всѣхъ явленій. Подобнымъ же образомъ совершенство положительной системы,—совершенство, къ которому она постоянно стремится, хотя, весьма вѣроятно, никогда не достигнетъ его,—состояло бы въ томъ, чтобы получить возможность представлять себѣ всѣ разнообразныя наблюдаемыя явленія, какъ частные случаи одного общаго факта, такого, напр., какъ тяготѣніе.

6. Не включая въ свою философію сознанія о причинѣ, проявляющейся намъ во всѣхъ явленіяхъ, и при этомъ считая все таки, что должна быть какая нибудь религія, которая должна бытіи имманентномъ всѣмъ явленіямъ; и переходъ ея въ это состояніе предполагаетъ исчезновеніе въ мысли нашей всѣхъ антропоморфическихъ аттрибутовъ, которыми отличалась первобытная идея. Предполагаемый Контомъ крайній терминъ метафизической системы—идея единой великой общей сущности, природы, какъ источника всѣхъ явленій — есть идея тождественная съ предыдущей: сознаніе единаго источника, который, когда его начинаютъ разсматривать, какъ всемірный, перестаетъ быть разсматриваемъ, какъ доступный пониманію,—отличается только названіемъ своимъ отъ сознанія единаго бытія, проявляющагося во всѣхъ явленіяхъ. Точно такимъ-же образомъ, то, что считается Контомъ за идеальное состояніе науки: возможность представлять всѣ наблюдаемыя явленія, какъ частные случаи одного общаго факта, — предполагаетъ постулатъ о какомъ нибудь основномъ существованіи, относительно котораго высказанъ только этотъ фактъ, а постулатъ о такомъ основномъ существованіи предполагаетъ такое состояніе сознанія, которое ничѣмъ не отличается отъ двухъ предыдущихъ.

Я полагаю, напротивъ, что объектомъ религіознаго чувства останется всегда то-же, что всегда было—невѣдомая причина вещей. Если формы, въ которыя облеклось у людей сознаніе о невѣдо-

имѣть и свой объектъ, Контъ принимаетъ за этотъ объектъ человѣчество. Эта коллективная жизнь (общества) есть Высшее Существо (Etre suprême) Контовой системы—единственное, которое мы можемъ познать и поэтому единственное, которое мы можемъ боготворить.

7. Совершенство положительной системы,—совершенство, къ которому она постоянно стремится, хотя, весьма вѣроятно, никогда не достигнетъ его,—состояло бы въ томъ, чтобы получить возможность представлять себѣ всѣ разнообразныя наблюдаемыя явленія, какъ частные случаи одного общаго факта.....считая безусловно недоступнымъ и лишеннымъ смысла для насъ—изслѣдованіе того, что называютъ основными или конечными причинами.

мой причинѣ вещей, могутъ исчезнуть, то сущность этого сознанія останется всегда та-же. Начавъ съ принятія причинныхъ дѣятелей не совершенно извѣстными, поднявшись затѣмъ до принятія причинныхъ дѣятелей менѣе познаваемыми, и дойдя, наконецъ, до единаго, всемірнаго причиннаго дѣятеля, признаннаго за совершенно непознаваемаго,—религіозное чувство должно всегда наполняться этимъ всемірнымъ причиннымъ дѣятелемъ. Придя, съ теченіемъ развитія (Evolution), къ принятію за объектъ своего созерцанія безконечное непознаваемое, религіозное чувство никогда не можетъ (иначе какъ путемъ обратнаго нисхожденія) снова принять за объектъ своего созерцанія конечное познаваемое, каково человѣчество.

Хотя вмѣстѣ съ расширеніемъ обобщеній и связанною съ нимъ интеграціею представленій о причинныхъ дѣятеляхъ, идея причинныхъ дѣятелей становится болѣе неопредѣленною,—и хотя по мѣрѣ слитія ихъ въ одного всемірнаго причиннаго дѣятеля мы лишаемся возможности представлять ихъ себѣ въ мысли нашей и перестаемъ считать ихъ доступными пониманію,—все таки сознаніе причины остается до конца столь-же господствующимъ, сколько было господствующимъ вначалѣ, и никогда не можетъ быть покинуто. Сознаніе причины можетъ быть унич-

тожено только уничтоженіемъ самаго сознанія. (Основныя начала, § 26).

Пункты 1, 2, 3 относятся къ Контовской классификаціи; пункты 4 и 5 къ его закону трехъ періодовъ развитія мысли, а пункты 6 и 7 отчасти касаются сущности всей системы знанія.

Возраженія Спенсера противъ основъ Контовской классификаціи, въ сущности, относятся ко всякой классификаціи и указываютъ только на тѣ реальныя трудности, какія неизбѣжны при проведеніи идеальной границы между различными классами явленій природы. Достоинство началъ, положенныхъ Контомъ въ основу классификаціи, доказывается лучше всего тѣмъ, что самъ Спенсеръ, критикующій Контовское дѣленіе явленій на конкретныя и абстрактныя, пытаясь установить свою классификацію, не можетъ обойтись безъ этихъ понятій, которымъ даетъ лишь другое опредѣленіе. Что же касается его существеннаго возраженія противъ Контовскаго закона развитія наукъ, что науки возникали и росли одновременно, то уже Littrè и затѣмъ Милль указали Спенсеру, что это возраженіе лишь формальное, такъ какъ Спенсеръ, въ пылу полемики, смѣшалъ эмпирическое, несформированное знаніе съ наукой въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. съ системой понятій, связанныхъ между собою общими началами. Всего лучше это различіе формулировано самимъ Контомъ въ слѣдующихъ строкахъ:

„Conçu logiquement, l'odre suivant lequel nos principales Théories accomplissent l'evolution fondamentale résulte necessairement de leur dépendance mutuelle. Toutes les sciences peuvent, saus doute, être ébauchiés a la fois: leur usage pratique exige même cette culture simultanée. Mais elle ne peut concerner que les inductions à chaque classe de spéculations. Or cet essor inductif ne saurait fournir des principes suffisants qu'envers les plus simples études. Partout ailleurs, ils ne peuvent être établis qu'en subordonnant chaque d'inductions scientifiques à l'ensemble des deductions émanées des domaines moins compliqués, et des lors moins dépendants. Ainsi nos diverses théories réposent dogmatiquement les unes sur les autres, suivant un ordre invariable, qui doit régler historiquement leur avenement décisif, les plus independantes ayant toujours dû se développer plus tôt [1]).

Въ русской философской литературѣ есть нѣсколько сочиненій, посвященныхъ Конту и его ученію. Контовская классификація наукъ была подвергнута психологической критикѣ со стороны профессора *Грота*,

[1]) Systeme de politique positive III (41).

который, признавая всю заслугу Конта въ этомъ вопросѣ, раскрываетъ истинный эволюціонный характеръ Контовской классификаціи и, принявъ ее за исходную точку, развиваетъ ее дальше и даетъ новую классификацію.

„Научная классификація наукъ должна искать своихъ принциповъ въ изслѣдованіи самихъ явленій природы въ ихъ естественной системѣ, а не въ разсмотрѣніи признанныхъ до сего времени категорій наукъ и знаній. А такъ какъ рядомъ съ этимъ наука есть одна изъ разнородныхъ „дѣятельностей“ человѣка, регулируемыхъ законами психологическими, то научная классификація наукъ должна быть обоснована далѣе и на принципахъ психологическихъ,—въ частности—тѣхъ, которые относятся къ теоріи познавательныхъ отправленій человѣка. Другими словами, она должна быть результатомъ изслѣдованія различныхъ моментовъ познавательной дѣятельности человѣка въ ихъ связи съ естественною системою объектовъ этой послѣдней. Слѣдовательно, задача классификаціи наукъ есть очевидно задача психологическая, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она разрѣшима только на почвѣ общаго ученія о природѣ, о системѣ явленій природы и ихъ взаимныхъ отношеній, т. е. на почвѣ естествознанія, въ обширномъ значеніи этого слова“. (Стр. 9).

„Наука должна разъясняться, во первыхъ, сообразно своему объективному содержанію, т. е. сообразно со свойствами и отношеніями предметовъ, ею изслѣдуемыхъ, и, во вторыхъ, сообразно своему внутреннему строенію, т. е. сообразно психологическимъ моментамъ научнаго анализа, направленнаго на объекты одного и того-же порядка. Эти два расчлененія научнаго организма должны, очевидно, тѣсно переплетаться другъ съ другомъ“. (Стр. 17).

„У всѣхъ мыслителей до сихъ поръ преобладаетъ или объективный, физическій, или, такъ называемый субъективный, психологическій критерій расчлененія науки на составныя части. Это положеніе вѣрно и по отношенію къ двумъ упомянутымъ мыслителямъ. У Конта преобладаетъ первый критерій, внѣшній, у Спенсера—второй, внутренній, и никакого сознательнаго стремленія къ соглашенію того и другого мы ни у одного изъ нихъ не находимъ“. (Стр. 22).

„Естественная классификація наукъ должна совершенно эмансипироваться отъ существующей, большею частью случайной терминологіи и должна имѣть задачею достиженіе единства и органической связи въ приложеніи двухъ спеціальныхъ принциповъ расчлененія научной дѣятельности: внѣшняго, состоящаго въ признаніи соотношенія между отдѣлами знаній и классами изучаемыхъ наукою явленій природы, съ точки зрѣнія идеи развитія, и внутренняго, психологическаго, состоящаго въ

признаніи извѣстныхъ моментовъ развитія самыхъ научныхъ идей, въ связи съ законами и процессами познавательной дѣятельности человѣка". (Стр. 23).

„Признавая соотношеніе между взаимною зависимостью наукъ и временною зависимостью ихъ объектовъ, Контъ, конечно, долженъ былъ искать такого принципа или критерія въ природѣ объектовъ. Но для открытія законной послѣдовательности и связи объектовъ въ природѣ, въ его время, еще не существовало правильной руководящей точки зрѣнія. Идея ступенеобразнаго развитія природы, правда, уже созрѣвала въ умахъ лучшихъ мыслителей и, въ томъ числѣ, она носилась и въ умѣ Конта, но естествознаніе еще не освятило эту идею своимъ авторитетомъ, не формулировало ее ясно системою законовъ и не поставило ее на почву конкретныхъ фактовъ и наблюденій. Поэтому Конту, который самъ не былъ въ достаточной мѣрѣ естествоиспытателемъ, чтобы предвосхитить идеи Дарвина, оставалось лишь одно: искать для распорядка явленій и предметовъ природы въ объектовъ науки, какого либо внѣшняго, второстепеннаго критерія. Его то онъ и находитъ въ признакахъ различной степени простоты и общности феноменовъ природы, составляющихъ предметъ изученія науки.

Но изъ его же собственныхъ словъ явствуетъ, что этотъ критерій отчасти субъективенъ и по тому самому, до извѣстной степени, относителенъ, ибо Контъ отожествляетъ его тутъ же съ критеріемъ „большей или меньшей степени легкости изученія упомянутыхъ феноменовъ". (Стр. 24).

„На дѣлѣ онъ руководствовался въ установленіи своей системы наукъ вовсе не упомянутымъ выше наружнымъ критеріемъ, который онъ приклеилъ къ ней извнѣ, только чтобы дать ей приличную логическую санкцію, а внутреннимъ, хотя и инстинктивно сознаваемымъ имъ, критеріемъ ступенеобразнаго развитія природы. Это доказывается тѣмъ, что на ближайшей затѣмъ страницѣ онъ прямо переходитъ къ противоположенію двухъ большихъ классовъ наукъ: „о неорганическихъ и объ органическихъ тѣлахъ"—контрастъ понятій, который, конечно, не можетъ быть всецѣло оправданъ критеріемъ относительной простоты и всеобщности явленій". (Стр. 25. Къ вопросу о классификаціи наукъ Н. Я. Грота).

Серьезный трудъ *Лесевича*[1]) о позитивизмѣ посвященъ исключительно разбору одной стороны Контовской философіи: ученія о познаніи, его происхожденія, характера, метода, цѣли, предѣловъ—что составляетъ

[1]) Опыты критическаго изслѣдованія основоначалъ etc. 77.

критико-догматическую часть всякой философской системы, ея исходную и конечную точки.

По мнѣнію однихъ мыслителей, этотъ отдѣлъ представляетъ собою логику философіи, т. е. методъ; по мнѣнію другихъ—это особая доктрина. Общаго во всѣхъ этихъ взглядахъ то, что этотъ отдѣлъ философіи играетъ роль верховнаго критерія и опредѣлителя для всей философской системы и для отдѣльныхъ ея частей и положеній.

Наибольшаго своего развитія эта сторона достигла въ германскихъ философскихъ системахъ, особенно въ школѣ Канта, который перенесъ центръ тяжести всей философіи въ этотъ чисто-критическій отдѣлъ.

Уже Милль указалъ, какъ на существенный пробѣлъ въ позитивизмѣ, на отсутствіе этой логико-критической стороны. Милль, впрочемъ, ограничиваетъ свои замѣчанія только областью логики, какъ органа и метода провѣрки истины, и считаетъ существеннымъ пробѣломъ со стороны Конта игнорированіе послѣднимъ логики.

Какъ мы видѣли выше, Милль даже пытается объяснить отрицательное отношеніе Конта къ логикѣ тѣмъ, что послѣдній вообще не признавалъ отвлеченнаго начала причинности, составляющей основу всѣхъ логическихъ операцій и отношеній. Этимъ Милль ограничивается.

Въ работѣ же Лесевича мы находимъ всестороннее изслѣдованіе зачатковъ критическихъ элементовъ Контовской философіи; далѣе исторію попытокъ со стороны учениковъ Конта развить эти немногія сѣмена критицизма и, наконецъ, сопоставленіе этого пробѣла въ системѣ Конта съ вытекающими отсюда противорѣчіями, съ неподвижностью и сравнительной безплодностью позитивизма. Лесевичъ обрекаетъ Контовскій не-критическій позитивизмъ на неподвижность, т. е. смерть, признаетъ будущность только за философіей критической въ лицѣ новѣйшей плеяды нѣмецкихъ философовъ, стоящихъ на почвѣ естествознанія. „Не имѣя теоріи познаванія и основывающейся на ней философской критики, позитивизмъ всегда оставался далекимъ отъ мысли обосновать критически свои реалистическія воззрѣнія, и потому воззрѣнія эти поставлены у него догматически. Мы знаемъ, однако же, что позитивизму не чужды зачатки критицизма, и предшествовавшее объясненіе, какъ я полагаю, доказало, что зачатки эти могутъ развиться, не только не наталкивая позитивное ученіе на метафизическіе тезисы, но, напротивъ того, окончательно спасая его отъ нихъ и самымъ опредѣленнымъ и рѣшительнымъ образомъ завершая образованіе того опредѣленнаго критико-реалистическаго характера, который по основоначаламъ позитивизма ему присущъ“. (Стр. 176).

„Подготовленная такою разработкою своихъ основаній практическая философія можетъ, наконецъ, стать на твердую почву и, по выходѣ научной философіи изъ того фазиса развитія, въ которомъ осуществленіе такой философіи, вслѣдствіе примѣшавшихся къ приложенію основоначалъ запутанностей, было невозможно, пойти твердымъ и прямымъ путемъ къ созданію такихъ принциповъ, которые бы дѣйствительно отвѣчали идеѣ Ог. Конта и могли бы служить фактически благу человѣчества.

Преобразованный въ духѣ критицизма и достигшій полной зрѣлости позитивизмъ, переходя въ критическій реализмъ, становится истиннымъ представителемъ такой научной философіи, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ современному развитію науки и обладаетъ всѣми средствами для полнаго осуществленія и яснаго формулированія своихъ широко гуманистическихъ стремленій. Сохраняя многія черты, опредѣленныя Ог. Контомъ съ полною удовлетворительностью, эта новая научная философія перерабатываетъ нѣкоторыя изъ его основоначалъ и при посредствѣ теоріи познаванія лишаетъ ихъ отпечатка личныхъ стремленій основателя и всѣхъ произвольно навязанныхъ ей особенностей, которыя, по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ критиковъ, ставили позитивизмъ ниже нормальнаго уровня научной философіи и препятствовали усвоенію его тѣми личностями, которыя высоко цѣнили въ немъ значеніе научно-философскаго принципа. (Стр. 293. Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи В. Лесевича).

Изъ вышеизложеннаго очерка видно, какъ мало до сихъ поръ сдѣлано философской критикой для анализа основныхъ началъ позитивизма. Аналогію или отрицаніе, вотъ что мы въ ней встрѣчаемъ. Спенсеръ выставляетъ на видъ рядъ формальныхъ и практически-детальныхъ трудностей, встрѣчаемыхъ классификаціей наукъ Конта. Милль указываетъ на игнорированіе Контомъ субъективныхъ явленій—психологическихъ и логическихъ. Собственно критическое отношеніе къ ученію Конта мы встрѣчаемъ всего больше у Лесевича, который, къ сожалѣнію, ограничился одной стороной позитивизма:—ученіемъ о познаніи.

Въ слѣдующихъ главахъ мы попытаемся подвергнуть основныя начала позитивизма критическому анализу, причемъ первыя два начала Контовской философіи: классификація наукъ и законъ развитія будутъ разсмотрѣны лишь въ общихъ чертахъ, насколько это необходимо для болѣе детальнаго разбора третьяго Контовскаго начала: идеи единства метода и законовъ космоса, или того, что онъ называетъ системой философіи.

Глава II-ая. Ученіе о познаніи по Конту.

Основательно ли обвиненіе, взводимое на Конта въ игнорированіи ученія о познаваніи или критико-догматическаго органона философіи? На этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ 58 глава 6-го тома курса позитивной философіи: „о позитивномъ методѣ". Въ концѣ этой главы Контъ выражается, что она можетъ замѣнить введеніе Декарта „о методѣ",—слѣдовательно Контъ признаетъ за этой главой значеніе чисто критическое, въ вышеизложенномъ смыслѣ. Введеніемъ въ его курсъ служитъ изложеніе основъ позитивизма и закона умственнаго развитія человѣчества; характеристика послѣдней фазы развитія позитивной, даетъ profession de foi Конта относительно основныхъ вопросовъ философіи. Здѣсь мы находимъ весьма опредѣленное изложеніе взглядовъ Конта на сущность и задачи философіи, ея метода, содержанія и предѣловъ. Сюда входитъ характеристика гипотезъ законовъ природы, идеи причинности,—словомъ, значительная часть того, что составляетъ содержаніе критико-догматическаго отдѣла всякой философіи. Контъ, однакожъ, видитъ не въ введеніи, а въ заключительной главѣ о методѣ нѣчто эквивалентное этому отдѣлу. А между тѣмъ, обращаясь къ главѣ, посвященной методу, мы въ ней находимъ совсѣмъ иное: сложное, всестороннее развитіе идеи соціологическаго метода въ философіи. Мы встрѣчаемся тутъ впервые съ крупнымъ недоразумѣніемъ въ философіи Конта. То, что онъ считаетъ методомъ въ философіи, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что признано всѣми мыслителями за таковой, и находится въ явномъ противорѣчіи съ чисто-методологическими началами его же введенія. Въ числѣ этихъ основныхъ началъ мы знаемъ различные методы воззрѣнія на духъ и матерію, причемъ одни мыслители склонны разсматривать явленія духа объективно, какъ матеріальныя, другіе, наоборотъ, готовы считать всѣ матеріальныя явленія не болѣе какъ нашими идеями или представленіями.

Далѣе, мы знаемъ различные логическіе методы мышленія, какъ индукцію и дедукцію, анализъ и синтезъ и т. п. Наконецъ, принимая вмѣстѣ съ Контомъ терминъ методъ въ широкомъ смыслѣ, какъ совокупность основъ философской системы, мы въ правѣ включить сюда и способъ постановки основныхъ проблемъ философіи.

Ни подъ одно изъ этихъ понятій о методѣ нельзя подвести содержаніе того, что Контъ излагаетъ въ главѣ о позитивномъ методѣ. Антагонизмъ между духомъ математики и соціологіи, непримѣнимость математики къ біологіи и, наоборотъ, возможность распространенія соціологическихъ началъ на все знаніе, необходимость преобладанія

одной науки, а именно соціологіи для созданія единой системы, все это такія идеи, которыя ничего общаго не имѣютъ ни съ философскими, ни съ логическими методами и не опредѣляютъ направленія философіи. Если уже здѣсь говорить о методѣ, то развѣ въ смыслѣ антропологическомъ, т. е. извѣстнаго практическаго направленія философіи. Только этимъ-преобладаніемъ идеи цѣли надъ методомъ и можно объяснить ту „свободу философской мысли“, которую Контъ рекомендуетъ, но которая есть ничто иное какъ произволъ, антилогическая и антифилософская метода. Очевидно, что Контъ, увлеченный потокомъ идей и тенденцій чисто практическихъ, путемъ логическаго процесса, о которомъ ниже будетъ рѣчь, незамѣтно для себя, вышелъ изъ предѣловъ философской методики и вводитъ насъ въ совершенно новый кругъ идей *о единой системѣ*, идеѣ, поглотившей подъ конецъ все міровоззрѣніе Конта.

Возвратимся къ первымъ главамъ курса Конта, въ которыхъ изложены его настоящія методологическія воззрѣнія, и постараемся вникнуть въ ихъ духъ и отмѣтить ихъ индивидуальныя особенности.

Съ первыхъ страницъ курса позитивной философіи читателя поражаетъ аналитическое міровоззрѣніе автора. Міръ для Конта представляется суммой явленій пространственныхъ и механическихъ. Законы геометріи и механики, повторяетъ онъ не разъ, лежатъ въ основѣ всѣхъ явленій природы. Для Конта изученіе какого либо явленія сводится въ концѣ концовъ къ составленію и рѣшенію уравненія; всѣ трудности изученія природы лишь въ препятствіяхъ, встрѣчающихся при составленіи этихъ уравненій. Вполнѣ послѣдовательно поэтому Контъ признаетъ въ природѣ одни лишь количественныя отношенія и совершенно отвергаетъ дѣленіе Канта на количественныя и качественныя отношенія. Качество, говоритъ Контъ, мы принимаемъ тамъ, гдѣ намъ еще не удалось свести всѣ элементы какого либо вопроса къ количеству. Позитивизмъ стремится къ тому, чтобы въ отдаленномъ будущемъ свести всѣ явленія природы къ одному основному явленію, какъ, напримѣръ, тяжесть. Многіе компетентные судьи признаютъ, что философскій анализъ математики у Конта представляетъ собою весьма цѣнный отдѣлъ его курса, и на каждомъ шагу носитъ на себѣ слѣдъ математическаго генія. Примѣненіе бинарной теоріи въ химіи и идеи статики и динамики къ соціологіи представляетъ собою наиболѣе блестящіе примѣры Контовскаго метода мышленія. Въ идеѣ соціальной и біологической среды, какъ аналогіи физической средѣ, мы видимъ другой примѣръ математическаго склада ума Конта. Все, что не поддавалось математическому анализу или, по крайней мѣрѣ, понятію количества, Контъ обходилъ умышленно, а можетъ быть и безсознательно, вслѣдствіе особеннаго своего психо-

логическаго склада. Понятіе о качествѣ онъ отрицалъ, считая его синонимомъ неопредѣлимаго или необнаруженнаго количества. Вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, одинъ изъ источниковъ того пренебреженія, съ которымъ Контъ относился къ идеѣ причинности, какъ самостоятельнаго начала, такъ какъ общее понятіе о причинности чисто качественное. Вѣроятно, въ силу того же склада ума Контъ игнорировалъ сознаніе, какъ самостоятельное явленіе, представляющееся намъ съ одной лишь качественной стороны. Но такъ какъ игнорировать психическія явленія невозможно, Контъ субституируетъ вмѣсто нихъ внѣшніе матеріальные ихъ эквиваленты. Логическіе процессы у него существуютъ лишь настолько, насколько они реализируются въ научныхъ дѣйствіяхъ, т. е. въ изысканіяхъ природы. Психическая жизнь вообще есть для Конта ни что иное, какъ процессъ приспособленія организма къ средѣ, т. е. феноменъ, доступный механическому и количественному опредѣленію. Даже спеціальныя и индивидуальныя психическія функціи человѣка Контъ пріурочиваетъ къ матеріальнымъ и притомъ внѣшнимъ свойствамъ органа мысли,—откуда френологія.

Психическій міръ человѣка отличается отъ міра животнаго лишь количественно, какъ высшая ступень. То, что нельзя свести на количество, Контъ отбрасываетъ, какъ метафизику; такъ поступаетъ онъ съ внутреннимъ фактомъ: „единства сознанія“.

До сихъ поръ не обращено вниманія на тотъ неоспоримый фактъ, что Контовская классификація наукъ построена на чисто-математическихъ основаніяхъ, на идеѣ сложности съ одной стороны и общности, т. е. пространственной разсѣянности даннаго явленія. Другое начало—абстрактности и конкретности также очевидно заимствовано изъ области математики, гдѣ эти понятія уже легли въ основаніе дѣленія анализа на отдѣлы. Замѣчательно, что Контъ даетъ объективное, чисто-математическое опредѣленіе этимъ терминамъ, избѣгая обычнаго психологическаго или логическаго опредѣленія. Въ числѣ основныхъ, методологическихъ воззрѣній Конта, но не достаточно рельефно имъ выставленныхъ, слѣдуетъ упомянуть о его постепенномъ приближеніи знанія и вообще системы наукъ къ какому то предѣлу. Это чисто-математическое представленіе сходящагося ряда проглядываетъ и въ классификаціи наукъ и проведена Контомъ, хотя вскользь, въ его законѣ умственнаго развитія. Комментаторами Конта до сихъ поръ мало оцѣнена эта, въ высокой степени плодотворная, мысль Конта, въ которой какъ бы открывается и новый логическій методъ мышленія и указывается путь дальнѣйшей философско-математической обработки всѣхъ послѣднихъ элементовъ и абстракцій естествознанія. Отмѣтимъ пока здѣсь,

что движеніе человѣческой мысли, переходъ ея черезъ три основныя фазы у Конта вездѣ носитъ на себѣ характеръ аналитическаго процесса, въ которомъ внутренняя субъективно-психическая окраска нерѣдко совершенно исчезаетъ.

Намъ, современникамъ Гельмгольца и Томсона, свидѣтелямъ пара и телеграфа, телефона и динамомашинъ, идея единства матеріи и подчиненности космоса механическимъ законамъ кажется столь-же ясной, какъ и неотразимой. Но, если мы вспомнимъ, что Контъ писалъ свой великій трудъ раньше, чѣмъ найденъ былъ законъ превращенія различныхъ силъ одна въ другую, раньше, чѣмъ найдена была Менделѣевымъ естественная скала химическихъ элементовъ, мы невольно проникнемся благоговѣніемъ къ этому могучему уму, предвидѣвшему и отчасти предсказавшему дальнѣйшее движеніе знанія.

Со времени появленія труда Конта математика значительно расширила кругъ примѣненія своихъ началъ и законовъ въ сферѣ естествознанія вообще и особенно въ области нервно-психическихъ явленій. Таковъ психо-физическій законъ Вебера-Фехнера, устанавливающій количественныя отношенія между двумя параллельными рядами явленій—ощущеній и обусловливающими ихъ внѣшними раздражителями. Такова механико-физическая теорія нервныхъ явленій, таковы измѣренія времени, необходимаго для возникновенія и превращенія психическихъ явленій—психометрія. Сюда, наконецъ, относятся попытки выразить логическія отношенія причинности количественными формулами, такъ называемая математическая логика. Нужно думать, что, живи Контъ въ настоящее время, въ виду этихъ открытій, онъ удѣлилъ бы въ своей системѣ концепціи больше мѣста явленіямъ сознанія и логики въ частности. Къ сожалѣнію, Контъ при жизни не былъ достаточно знакомъ съ тѣми завоеваніями, которыя въ его время уже были сдѣланы математикой въ области психическихъ явленій,—такъ Конту не былъ, повидимому, знакомъ капитальный трудъ Гербарта о математической психологіи.

Если бы нужно было формулировать сущность этой особенности Контовскаго склада мышленія, то ее не иначе можно было бы опредѣлить, какъ наклонность разсматривать явленія природы въ какой либо средѣ (пространства, времени) и притомъ въ количественныхъ и механическихъ отношеніяхъ. Отсюда не трудно вывести a priori то положеніе, которое Контъ долженъ былъ занять въ вопросѣ о познаваніи природы.

Его, очевидно, интересовала только внѣшняя сторона знанія, извѣстное отношеніе индивида къ средѣ; самъ же по себѣ процессъ позна-

ванія съ его внутренней, качественной психо-логической стороны для Конта какъ бы не существовалъ вовсе.

Цѣль, направленіе, источники и предѣлы знанія интересовали Конта лишь со стороны результатной, внѣшней и практической, т. е. опять таки объективно измѣримой, или, по крайней мѣрѣ, опредѣлимой.

Дѣятельность человѣка, предвидѣніе, какъ мѣра знанія, вотъ девизъ Конта. Не отрицая въ знаніи присутствія элемента личнаго, Контъ далъ прекрасную математическую формулу для внутренняго состава знанія, сказавъ, что оно есть функція среды и индивида, притомъ функція, не разложимая на свои элементы, вслѣдствіе чего, по мнѣнію Конта, всякая попытка такого рода, какъ Контовская, выдѣлить то, что принадлежитъ организаціи и средѣ, или духу и матеріи, говоря языкомъ метафизиковъ,—обречена на вѣрную неудачу.

Въ изложенномъ аналитическомъ характерѣ Контовскаго міросозерцанія мы имѣемъ такимъ образомъ одну изъ основныхъ причинъ своеобразнаго отношенія Конта къ критической и философской догматикѣ вообще, какъ бы отрицательное отношеніе къ ученію о познаваніи.

Другая столь-же коренная особенность Контовскаго склада ума, также оказавшая глубокое вліяніе на его философскую методику, заключается въ эволюціонномъ направленіи его мысли и, отсюда, всей его философской системы, какъ въ цѣломъ, такъ и въ крупныхъ частностяхъ. Уже въ самой его Классификаціи наукъ обнаруживается это эволюціонное направленіе. Расположенныя по Конту науки представляютъ собою не только рядъ по внутреннимъ отношеніямъ наукъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ по Конту располагаются науки, видна идея развитія природы; нить времени связываетъ въ одно цѣлое всѣ науки, соотвѣтственно предполагаемому, хотя прямо не высказанному Контомъ закону прогресса и развитія космическихъ явленій.

Это іерархія въ полномъ смыслѣ слова въ прямомъ порядкѣ степени развитія и въ обратномъ порядкѣ старшинства. Эволюціонная тенденція, слабо намѣченная Контомъ въ средѣ физико-механическихъ наукъ, естественно больше обнаруживается въ наукахъ біологическихъ, въ которыхъ динамика постепенно превращается въ процессъ развитія. Совершенно поэтому естественно, что, излагая съ точки зрѣнія развитія серію наукъ, Контъ какъ бы обходитъ психологію, въ которой и до настоящаго дня такъ мало сдѣлано для исторіи развитія. Спенсеръ, указывая Конту на его игнорированіе психологіи, ссылается на то, что имъ, Спенсеромъ, создана эволюціонная психологія. Но стоитъ только ознакомиться съ содержаніемъ Спенсеровской эволюціонной психологіи,

чтобы убѣдиться, что она касается весьма мало внутренней, субъективной стороны психическихъ явленій и излагаетъ психологію внѣшне, разсматривая психическую жизнь, какъ процессъ приспособленія, т. е. совершенно въ Контовскомъ духѣ.

Какъ мы видѣли выше въ изложеніи системы Конта, онъ сдѣлалъ попытку втянуть психологію въ кругъ эволюціи, онъ настаиваетъ на іерархической и генетической классификаціи психическихъ явленій, конечно, съ единственно доступной внѣшней стороны. Такимъ образомъ обширный трудъ Спенсера по эволюціонной психологіи представляется лишь дальнѣйшимъ развитіемъ намѣченнаго Контомъ плана и подтверждаетъ нашу мысль о несовмѣстимости пока—субъективной психологіи съ механическимъ и эволюціоннымъ міровоззрѣніемъ.

Не загадывая о будущемъ, нужно сознаться, что до настоящихъ поръ не найденъ еще методъ, который бы давалъ возможность прослѣдить внутренній генезисъ психическихъ явленій. Можетъ быть, что, если такой генезисъ когда либо будетъ открытъ, онъ окажется несоизмѣримымъ съ терминами и началами, заимствованными изъ механическаго міра. Какъ бы то ни было, становится понятно, почему Контъ въ своей аналитической и эволюціонной концепціи міра долженъ былъ обойти психологію. Эволюціонное направленіе Контовской мысли достигаетъ своего зенита въ области философіи соціологіи, откуда это могущественное теченіе широкой волной разливается обратно на все естествознаніе. Если субъективная психологія вообще оказалась внѣ сферы притяженія Контовской эволюціонной мысли, понятно, что формальная логика, претендующая на неизмѣнность, представляющая собою какъ бы вѣчные и неизмѣнные устои человѣческаго духа, очутилась совершенно въ сторонѣ отъ движенія и развитія Контовскихъ концепцій.

Въ эволюціонной окраскѣ ума и философіи Конта мы имѣемъ, стало быть, еще одну причину того, что анализъ духа и законовъ познаванія оставленъ этимъ мыслителемъ безъ надлежащей разработки. Третьей изъ наиболѣе замѣтныхъ особенностей Контовскаго мышленія слѣдуетъ признать его синтетическое направленіе, укладывавшееся рядомъ съ аналитическимъ способомъ воззрѣнія на міръ.

Можно прослѣдить черезъ всю философскую систему Конта борьбу этихъ двухъ началъ его мысли, анализа и синтеза, между которыми, какъ двумя полюсами, вращается все его міровоззрѣніе. Слѣдя за ходомъ развитія идей Конта въ его курсѣ, нетрудно замѣтить, какъ это будетъ ниже подробно развито, что аналитическая точка зрѣнія постепенно уступаетъ свое мѣсто синтезу. Синтетическія наклонности Конта проявляются уже въ самой постановкѣ имъ вопроса о задачахъ

философіи, цѣль которой, по его мнѣнію, должна заключаться въ созданіи системы мнѣній и идей. Его классификація преслѣдуетъ цѣль дать статическую систему явленій и наукъ, а его законъ трехъ періодовъ развитія мысли стремится весь циклъ умственнаго развитія человѣчества связать въ одну генетическую систему. Нѣтъ той страницы въ курсѣ Конта, на которой не видно было этого стремленія къ систематизаціи.

Въ Астрономіи онъ рекомендуетъ ограничиться изученіемъ солнечной системы и настаиваетъ на томъ, чтобы не опредѣленное представленіе о вселенной было замѣнено математически опредѣленнымъ понятіемъ о солнечной системѣ. Въ химіи онъ настаиваетъ на соединеніи обоихъ отдѣловъ—органической и неорганической—въ одну систему, причемъ совѣтуетъ химію біологическихъ процессовъ, или химію тканей перенести въ біологію (физіологическая химія). Вступивъ въ область біологіи, Контъ еще больше увлекается стремленіемъ къ систематизаціи. Въ сферѣ біологической, говоритъ Контъ, цѣлое господствуетъ надъ частью, индивидъ надъ тканью и органомъ. Поэтому, продолжаетъ онъ, единицей біологической долженъ быть признанъ индивидъ. Жизнь, по его мнѣнію, не есть сумма или даже равнодѣйствующая отправленій всѣхъ тканей, а координирующее начало, которому подчинены органъ и ткани. Наибольшаго своего развитія эта систематика достигаетъ въ философіи соціологіи, гдѣ этотъ оригинальный методъ даетъ возможность Конту освѣтить совершенно въ новомъ видѣ массу сторонъ и вопросовъ соціальной жизни. Въ соціологіи Контъ заходитъ такъ далеко въ этомъ направленіи, что признаетъ исходной точкой и единицей для изученія все общество въ цѣломъ, въ которомъ онъ видитъ и элементы, и постоянную величину. Такъ напр., онъ утверждаетъ, что дѣйствіе какого либо момента на соціальный организмъ не есть сумма или равнодѣйствующая дѣйствія этого момента на всѣхъ отдѣльныхъ членовъ общества. Наоборотъ, говоритъ Контъ, всякое внѣшнее дѣйствіе на общество падаетъ на послѣднее цѣликомъ, не разлагаясь, какъ на единичный индивидъ, но затѣмъ уже, въ силу обратнаго воздѣйствія общества на своихъ членовъ, это дѣйствіе распредѣляется между отдѣльными индивидами, сообразно характеру и степени ихъ подчиненности и зависимости отъ всего общественнаго организма. Этотъ примѣръ, обнаруживающій поразительную глубину Контовскаго мышленія, ярко иллюстрируетъ ту крайнюю напряженность, съ которой мышленіе Конта стремилось къ синтезу, систематизаціи и единству. Нетрудно послѣ этого догадаться, какъ Контъ долженъ былъ относиться къ психологіи и логикѣ. Ни та,

ни другая наука никоимъ образомъ не могли быть включены въ систему Конта. Сами по себѣ онѣ также не систематичны; выдѣлить ихъ въ особый параллельный и взаимно-связанный съ естествознаніемъ классъ Контъ не могъ, смотря на психическія явленія съ ихъ объективной стороны, стало быть видя въ нихъ лишь извѣстную біологическую функцію. Сами по себѣ психическія явленія, какъ качественно ограниченныя для насъ, недоступныя анализу, представлялись чѣмъ то чуждымъ всему содержанію остальныхъ наукъ. Но едва ли не главнымъ препятствіемъ для включенія психологіи и логики въ систему, въ глазахъ Конта было то обстоятельство, что содержаніе психологіи и логики имѣетъ характеръ индивидуальный, личный, тогда какъ Контъ признаетъ только мысль синтетическую, продуктъ умственной работы общества. Контъ въ развитіи своихъ идей доходитъ до психологіи общества и до соціальной логики; для него „здравый смыслъ", т. е. мысль общая есть верховный логическій критерій. Отсюда пренебреженіе Конта къ формальной логикѣ, основанной на самонаблюденіи, т. е. на процессѣ индивидуальнаго мышленія.

Отрицательное вліяніе синтетической тенденціи Конта выразилось у него, по отношенію къ логикѣ и ученію о познаваніи, еще и слѣдующимъ образомъ.

Контъ указываетъ на то, что законы мышленія нельзя изучать отдѣльно отъ сферы чувствъ, такъ какъ, говоритъ онъ, послѣднія оказываютъ огромное вліяніе на направленіе мысли и ходъ умственныхъ операцій. Логика же и ученіе о познаваніи до сихъ поръ изучали интеллектуальную дѣятельность изолированно отъ сферы чувствъ и эмоціи, какъ нѣчто самостоятельное и обособленный органъ. Въ этомъ аргументѣ, въ которомъ безспорно есть извѣстная доля истины, дается Конту достаточное основаніе не придавать большого значенія даннымъ, добытымъ обыкновенной логикой.

Синтетическое воззрѣніе Конта на процессъ познаванія идетъ еще дальше. Для Конта познаваніе не только связано съ чувствованіемъ, но оно также есть дѣйствіе. Какъ бы предвосхищая современное ученіе психологовъ о связи представленій съ волей, онъ близко подходитъ къ ученію Шопенгауера и говоритъ, что посредствомъ наилучшихъ правилъ логики нельзя научить человѣка мыслить правильно, какъ нельзя научиться плавать изъ книги.

Только практика и упражненіе могутъ научить человѣка правильно прилагать свои умственныя силы къ изученію природы. Отсюда вытекаетъ взглядъ Конта на логику, какъ на отрасль практической дѣятель-

ности искусства, почему она и должна быть исключена изъ ряда истинныхъ наукъ.

Изложенными тремя началами склада ума Конта—аналитическимъ воззрѣніемъ на отдѣльныя явленія, стремленіемъ къ синтезу и системѣ и, наконецъ, духомъ эволюціи, вполнѣ объясняется отношеніе Конта къ критико-догматической сторонѣ философіи.

Внимательное изученіе Конта открываетъ намъ, однакожъ, еще одинъ элементъ въ его системѣ:—практическое направленіе его мысли. Рядомъ съ работой его теоретической мысли, мы видимъ всюду ясно поставленную практическую цѣль, которой служитъ вся его философія. Если Контъ такъ упорно стремится къ систематизаціи наукъ, ихъ методовъ и законовъ, то это, по его же собственному выраженію, для того, чтобы въ концѣ концовъ достигнуть систематизаціи мнѣній и правильной системы организаціи нормальныхъ отношеній. Если Контъ такъ настойчиво преслѣдуетъ идею единства наукъ въ методахъ и законахъ, то главной побудительной силой служитъ для него надежда на объединеніе практической науки, мысли и вѣры. Трудно, конечно, сказать, насколько стремленіе Конта къ систематикѣ обусловлено особымъ складомъ его мысли и насколько она вытекаетъ изъ характера его чувствъ и воли. Одно несомнѣнно, что равновѣсіе между обоими этими основными двигателями и направляющими силами Контовской философіи нерѣдко нарушалось, причемъ, какъ бы въ оправданіе его собственныхъ взглядовъ на этотъ предметъ, элементъ интеллектуальный чаще всего поступался своими правами въ пользу требованій практической тенденціи или практическаго разума. Самая красивая теорія и самый точный законъ не имѣютъ въ глазахъ Конта никакой цѣны, если они не влекутъ за собой практическаго прогресса въ размѣрѣ нашего воздѣйствія на природу или нашей способности приспособленія къ ней. Философія и наука, какъ средство, жизнь, какъ цѣль—вотъ то глубоко-утилитарное знамя, которое Контъ поднимаетъ и имѣетъ всегда въ виду.

При столкновеніи теоретическихъ требованій разума и правилъ логики съ нуждами жизни и потребностями человѣческой природы, Контъ, не задумываясь, пожертвуетъ первыми для послѣднихъ. Вотъ почему насъ не можетъ удивить, какъ Милля, „свобода мысли“, рекомендуемая Контомъ, т. е. право мысли жертвовать требованіями логики и вообще науки, когда эта уступка въ нравственныхъ или историческихъ интересахъ личности. Противорѣчія его не пугаютъ, такъ какъ гармонія и единство въ мысли важны не сами по себѣ, а лишь какъ орудіе и средство для высшей въ его глазахъ цѣли. Отсюда ясно, что теоре-

тическая логика не должна была въ глазахъ Конта имѣть никакой цѣны, какъ вещь практически малоцѣнная. Для него цѣнны методы, такъ какъ благодаря имъ новыя изслѣдованія расширяютъ нашу сферу знаній и дѣятельности и въ концѣ концовъ развивается нашъ интеллектъ вообще, включая сюда и наши логическія способности. Практическое направленіе Контовской философіи отразилось и на его отношеніи къ психологіи. Въ послѣдней Контъ видитъ лишь практическую науку, главнымъ объектомъ которой должно быть изученіе человѣческаго характера, играющаго столь важную роль въ общественной жизни. Понятно, что, смотря такимъ образомъ на психологію, Контъ долженъ былъ придавать мало значенія психологіи субъективной и мы видимъ дѣйствительно, что онъ съ жаромъ разрабатываетъ френологію, могущую, по его мнѣнію, сдѣлаться базисомъ для практической и, преимущественно, соціальной психологіи. Практическая тенденція Контовской философіи обнаруживается во всей полнотѣ и, если такъ можно выразиться, умственной наготѣ въ его соціальной философіи. Ея ростъ идетъ параллельно съ усиленіемъ въ Контѣ стремленія къ систематизированію и единству. Слѣдя шагъ за шагомъ за ходомъ развитія идей Конта, легко убѣдиться, что въ основаніи этой систематизаціи, столь много повредившей въ философскомъ отношеніи послѣднимъ частямъ великаго труда Конта, лежитъ это возрастаніе практической тенденціи, подъ конецъ занявшей доминирующее положеніе во всемъ умственномъ строѣ мысли Конта.

Таковы главныя причины, обусловившія то, что психологическій и логическій анализы занимаютъ въ философіи Конта такъ мало мѣста. Слѣдствіемъ этого является то, что оба основныхъ начала Конта:— классификація наукъ и законъ развитія являются недостаточно обоснованными. Что касается классификаціи наукъ, то профессоромъ Гротомъ подробно уже выяснено смѣшеніе у Конта обоихъ элементовъ ея—субъективно-психологическаго и объективно-генетическаго. Ограничусь поэтому нѣсколькими замѣчаніями по поводу закона развитія, который въ системѣ Конта является какъ бы безъ своихъ естественныхъ корней—психологическихъ и логическихъ свойствъ каждаго изъ періодовъ развитія мысли.

Слѣдя за изложеніемъ Конта исторіи умственнаго развитія человѣчества и перехода послѣдняго черезъ три ступени мышленія: фетишизма, метафизики и позитивности, мы убѣждаемся, что Контъ не уяснилъ себѣ достаточно психологическаго и логическаго характера процесса умственнаго развитія, причемъ само собою разумѣется, что если это случилось съ такимъ мощнымъ умомъ, то лишь потому, что онъ какъ

бы умышленно не задалъ себѣ труда разсмотрѣть этотъ процессъ съ его внутренней стороны. Уже одно сопоставленіе, принадлежащее самому же Конту, процесса умственнаго развитія человѣчества съ движеніемъ мысли у отдѣльнаго индивида въ теченіи его жизни,—сравненіе историческихъ фазъ съ періодами жизни: дѣтствомъ, юностью и зрѣлымъ возрастомъ,—даетъ ключъ къ уясненію истинной природы процесса умственнаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, мышленіе въ дѣтствѣ, представляющее всѣ признаки фетишизма, характеризуется чувственностью, т. е. образностью. Психическіе элементы остаются на ступени представленій и ребенокъ мыслитъ образами. Внутреннее идейное содержаніе образа вполнѣ подчинено сенсуальному элементу:—видя куклу, ребенокъ поддается впечатлѣнію физическаго сходства съ живымъ человѣкомъ и невольно предполагаетъ полное внутреннее тождество, откуда иллюзорность и символичность дѣтской мысли и слабое развитіе способности различать реальное отъ плодовъ воображенія. Все въ этомъ мышленіи конкретно, индивидуально и, такъ сказать, безотносительно, безсистемно. Душевный міръ ребенка населенъ смѣсью новыхъ и фантастическихъ образовъ, переплетенныхъ и калейдоскопически перемѣшанныхъ между собою. Присущее каждому здоровому уму представленіе причинности является въ лицѣ ребенка не какъ общее начало, а какъ *частное свойство*, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ проявляющееся. Сами причины также поэтому конкретны, нося индивидуальный характеръ; причина и слѣдствіе часто обмѣниваются своимъ мѣстомъ въ сознаніи.

Идея связи разнородныхъ предметовъ еще плохо прививается уму ребенка, откуда между прочимъ склонность дѣтскаго ума къ антропоморфизму, такъ какъ взаимная связь между окружающей природой и человѣческой жизнью обнаруживается на каждомъ шагу уму ребенка. Слѣдовательно, первый періодъ умственной жизни ребенка, фетишетическій, долженъ быть съ психологической стороны охарактеризованъ, какъ сенсуализмъ,—съ логической, какъ состояніе непосредственнаго, частно конкретнаго мышленія качественными и однородными отношеніями.

Періодъ метафизическій, соотвѣтствующій юности въ индивидуальной жизни, отличается цѣлымъ рядомъ новыхъ признаковъ психологическаго и логическаго характера. Прежде всего это періодъ пробуждающагося, вѣрнѣе сказать нарождающагося, самосознанія, еще не испытавшаго своихъ силъ и потому заносчиваго и амбиціознаго. Міръ представляется юношѣ сосредоточеннымъ вокругъ него, себя же онъ чувствуетъ центромъ этого міра. Масса сложныхъ эмоцій волнуетъ его душу и наполняетъ ее экстазомъ. Сознаніе своей внутренней цѣ-

лостности распространяется центростремительно и на способъ пониманія природы, которая также представляется одной безконечной единицей. Мышленіе перешагнуло за образы дѣтства, оно наполнено представленіями, преимущественно словесными. Странно, что до сихъ поръ обращено было такъ мало вниманія на этотъ, до очевидности бьющій въ глаза фактъ, что метафизическое мышленіе, какъ въ исторіи человѣчества, такъ и въ жизни отдѣльнаго индивида органически связано съ механизмомъ рѣчи и можетъ быть съ психологической стороны охарактеризовано, какъ *словесное* мышленіе. *Смѣшеніе слова съ идеей* есть поэтому та форма логической иллюзіи, которой отличается этотъ періодъ мышленія. Схоластика, діалектика и софистика есть обратная сторона метафизики. Иммоторность и символичность словеснаго мышленія вполнѣ аналогичны ошибкамъ дѣтской фетишистической мысли. И здѣсь, и тамъ причина и сущность процесса однѣ и тѣ же: смѣшивается въ въ одномъ случаѣ образъ съ его символомъ, въ другомъ словесное представленіе съ идеей. Въ первомъ случаѣ подъ вліяніемъ аффектовъ, во второмъ подъ давленіемъ эмоцій. Въ обоихъ случаяхъ, очевидно, недостаетъ критической способности сознанія и недостаточно выработана его контролирующая функція различенія своихъ субъективныхъ состояній, образовъ и словесныхъ представленій отъ связанныхъ съ ними и соотвѣтствующихъ имъ объектовъ во внѣшнемъ мірѣ; въ первомъ случаѣ въ видѣ фактовъ, во второмъ въ видѣ постоянныхъ отношеній между фактами.

Насколько словесные образы представляются символами болѣе отвлеченныхъ отношеній, чѣмъ чувственные образы, настолько же метафизическое мышленіе отличается въ логическомъ отношеніи большей абстрактностью. Сверхъ того, мышленіе словесными образами отличается отъ фетишизма, какъ мышленія, болѣе реальными, объективными, такъ сказать, физическими образами, тѣмъ, что объекты метафизическаго мышленія:—словесные образы, болѣе произвольны, могутъ искусственно переработываться, комбинироваться. Въ случаяхъ неизбѣжнаго субъективнаго смѣшенія этой умственной работы съ реальными явленіями или законами провѣрка такой логической ошибки несравненно труднѣе, чѣмъ въ иллюзіяхъ и аберраціяхъ мысли дѣтской и фетишистической, гдѣ разстояніе между дѣйствительностью и мышленіемъ несравненно меньше и гдѣ произвольная переработка образовъ неизбѣжно контролируется повседневными опытами.

Мнимыя абстракціи и метафизика, обязанныя своимъ происхожденіемъ автоматической переработкѣ словъ, фразъ и сужденій въ юношескомъ умѣ индивида и человѣчества, весьма трудно и медленно

опровергаются наблюденіемъ; для этого требуется столь же сложная система наблюденія,—опыта, какъ само логическое заблужденіе, предстоящее разъясненію. Вотъ въ чемъ слѣдуетъ, быть можетъ, видѣть постоянную причину того, что фетишизмъ отличается, какъ міросозерцаніе, гораздо меньшей устойчивостью, чѣмъ метафизическое мышленіе, которое при благопріятныхъ условіяхъ у народа или индивида, одареннаго діалектической способностью, можетъ въ короткое время пройти всѣ ступени развитія—до высшихъ абстракцій и въ то же время при отсутствіи экспериментальной науки—держаться много поколѣній на заоблачныхъ и недоступныхъ критикѣ высотахъ. Резюмируя все сказанное о метафизическомъ періодѣ мышленія, мы можемъ охарактеризовать этотъ періодъ съ психологической стороны, какъ фазу субъективнаго, амбиціознаго, эмоціональнаго, словеснаго мышленія; съ логической стороны, какъ форму грамматической, абстрактной, сложной, аналитической и синтетической мысли. Понятіе причинности достигаетъ въ этомъ періодѣ своего наивысшаго развитія, представляется крайне сложнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленнымъ, произвольнымъ и носитъ субъективный характеръ, какъ строеніе рѣчи, обусловливающей это чрезмѣрное развитіе естественнаго начала причинности.

Позитивная фаза мышленія отличается прежде всего своей большей сложностью и психологически, и логически, такъ какъ она воспринимаетъ въ себя элементы обѣихъ предшествовавшихъ ей фазъ умственнаго развитія. Затѣмъ въ ней замѣчается ослабленіе, сглаживаніе и и отчасти переработка этихъ элементовъ. Такъ эмотивность и субъективность ослабѣваютъ, автоматическая умственная дѣятельность грамматически-діалектическаго характера также уменьшается въ своихъ размѣрахъ. Къ этому присоединяются новыя психологическія и логическія черты; психологически на первый планъ выступаетъ *фактъ*, представленіе въ одно и тоже время болѣе реальное и болѣе сложное, такъ какъ въ него входятъ элементы сравненія и сочетанія съ массой однородныхъ и разнородныхъ фактовъ. Главный психологическій элементъ, участвующій въ созданіи фактическихъ представленій, заключается въ *ассоціаціи идей*, не случайной, какъ въ періодъ фетишизма, и не субъективной, какъ въ метафизической стадіи, а сознательной и произвольной, такъ назыв. активной ассоціаціи, направляемой съ одной стороны зрѣлымъ самосознаніемъ и объективными интересами, т. е. условіями и требованіями приспособленія индивида къ окружающей его средѣ. Логическая сторона мышленія въ позитивной фазѣ подъ вліяніемъ новаго психологическаго фактора—активной ассоціаціи, освобождаемая отъ давленія субъективности, также дѣлается

болѣе активной и значительно расширяется. Каждое фактическое представленіе сравнительно съ словеснымъ оказывается несравненно сложнѣе, такъ какъ фактъ въ одно и тоже время есть продуктъ анализа и синтеза. Нерѣдко весьма простой на видъ научный фактъ представляетъ собою продуктъ крайне сложной умственной работы, давшей въ результатѣ этотъ фактъ, освободивъ его отъ массы запутывавшихъ его постороннихъ элементовъ—таковъ смыслъ огромнаго большинства экспериментовъ. Не меньшую роль играетъ и синтезъ, стремящійся не къ понятіямъ, а къ общимъ или однороднымъ фактамъ, къ группамъ фактовъ. Хотя содержаніе мысли въ этомъ періодѣ—фактическія представленія, являются какъ бы возвратомъ къ сенсуализму первобытнаго фетишизма; въ дѣйствительности же, однакожъ, между ними бездна. Фетишизмъ питается непосредственно окружающими его явленіями безъ выбора, безъ обработки, въ сыромъ видѣ, позитивизмъ проводитъ внѣшній матеріалъ черезъ лабораторію ума и воли, пока онъ не превратитъ его въ фактъ, правда также реальный, сенсорный, но имѣющій мало общаго съ тѣмъ, что составляетъ фактъ для фетишиста. Фактъ научный, основной элементъ позитивной мысли, относится къ факту дикаря, ребенка и фетишиста, какъ сталь къ сырой рудѣ, какъ химическій препаратъ къ тому растенію, изъ котораго онъ добытъ.

Вотъ почему мы въ правѣ сказать, что если фактъ для фетишиста есть продуктъ только его органовъ чувствъ, для метафизика это продуктъ ума и органовъ чувствъ. Фактъ позитивный, научный заключаетъ въ себѣ трудъ, технику человѣка и частицу проявленія его воли, можно было бы поэтому сказать, что основной психологическій элементъ позитивной мысли есть психическій экспериментальный фактъ. Можно представить себѣ дѣло такъ, что техника не есть нѣчто внѣшнее человѣческому организму, а составляетъ какъ бы дальнѣйшее физическое и физіологическое развитіе его организаціи. Такъ микроскопъ, телескопъ и очки не представляютъ ли они собою новыя придаточныя части нашего зрительнаго аппарата? Не имѣемъ ли мы развѣ права смотрѣть на телефонъ и другіе акустическіе приборы, какъ на усовершенствованный органъ нашего слуха? Машины, посредствомъ которыхъ мы выдѣляемъ металлъ изъ руды и механически раздробляемъ крупные и тяжелые предметы, не имѣютъ ли для насъ такого же точно значенія, какъ если-бы у насъ явился новый механическій органъ? Смотря такъ на технику, мы можемъ сказать, что однимъ изъ многихъ результатовъ нашего умственнаго развитія и нашей дѣятельности является усовершенствованіе нашей организаціи, вслѣдствіе чего самый процессъ наблюденія, основа всей умственной познавательной дѣятельности, суще-

ственно измѣняется въ позитивномъ періодѣ. Онъ перестаетъ быть непосредственнымъ и случайнымъ, онъ имѣетъ идейный и критическій характеръ. Самосознаніе въ позитивномъ періодѣ, хотя не такъ интенсивно, зато несравненно экстенсивнѣе, устойчиво и имѣетъ болѣе практическій, т. е. объективно-активный характеръ. Воля играетъ руководящую роль въ мышленіи, охватывая даже область наблюденія. Понятіе причинности расширяется съ одной стороны въ идею генезиса, съ другой въ представленіе о системѣ, а главное оно обращается въ начало взаимодѣйствія явленій, вслѣдствіе чего оно до извѣстной степени теряетъ свое значеніе, какъ бы расплываясь и исчезая за самыми явленіями, взаимныя отношенія которыхъ и составляютъ для позитивной мысли содержаніе идеи причинности. Что касается начала системы, то оно изъ субъективнаго, чисто идейнаго требованія обращается въ практически сознанную, преслѣдуемую цѣль: установить равновѣсіе и гармонію въ процессѣ приспособленія человѣка къ окружающей его природѣ и въ самомъ отраженіи природы въ сознаніи человѣка—какъ синтетическую концепцію природы и духа.

Позитивная мысль сводится такимъ образомъ со стороны психологической на развитіе воли, активности и овладѣвающей всѣмъ процессомъ мышленія, начиная отъ наблюденій и кончая ассоціаціей идей, выработкой элементарныхъ и общихъ представленій; со стороны же логической, позитивизмъ опредѣляется сознательно волевымъ употребленіемъ сложныхъ умственныхъ операцій, какъ индукція и дедукція, анализъ и синтезъ, аналогія, научная гипотеза и т. п. пріемы, что можно было охарактеризовать терминомъ техническаго или машиннаго мышленія. Сопоставляя психологическія и логическія характеристики трехъ періодовъ Контовскаго закона развитія мысли, мы убѣждаемся въ томъ, что этотъ законъ соотвѣтствуетъ вполнѣ реальному, основанному на природѣ нашего духа, процессу эволюціи; очевидно также, что законъ Конта нисколько не колеблется отъ указаннаго Спенсеромъ факта постепеннаго перехода человѣчества изъ одного періода въ другой, какъ не колеблется фактъ принципіальнаго различія между животнымъ и растительнымъ царствомъ тѣмъ, что имѣются переходныя стадіи, занимающія средину между обоими царствами. При громадной интеллектуальной мощи Конта слѣдуетъ признать трудно вознаградимой потерей для человѣчества то недоразумѣніе со стороны Конта, вслѣдствіе котораго онъ не занялся разработкой психологическихъ и логическихъ основъ, такъ сказать, постройкой фундамента для имъ открытаго закона. Только что изложенныя замѣчанія отнюдь не имѣютъ, конечно, претензіи пополнить этотъ пробѣлъ. Одно во всякомъ случаѣ ясно, что

законъ Конта названъ имъ неправильно закономъ умственнаго развитія, такъ какъ онъ обнимаетъ всѣ стороны духовной жизни человѣка: его чувство, интеллектъ и волю, почему намъ кажется, что правильнѣе было бы говорить о Контовскомъ законѣ духовнаго развитія человѣка. Вся кривая духовнаго развитія человѣка согласно этому закону можетъ психологически быть охарактеризована, какъ переходъ отъ періода сенсорной и аффективной образности черезъ стадій субъективно эмоціональной идейности къ періоду сознательно волевого наблюденія. Со стороны логической, духовное развитіе представляетъ переходъ отъ пассивнаго воспріятія черезъ апріорную дедукцію къ опытной индукціи.

Съ точки зрѣнія психо-физіологической три періода Конта соотвѣтствуютъ стадіи рефлекторной душевной дѣятельности, автоматической и волевой. Здѣсь мы подошли къ капитальному вопросу о тѣхъ физіологическихъ условіяхъ, которыя опредѣляютъ существованіе изложенныхъ трехъ фазъ духовнаго развитія. Для индивида современная психо-физіологія уже располагаетъ такимъ запасомъ данныхъ, которыя въ состояніи до извѣстной степени обосновать физіологически законъ Конта; къ сожалѣнію, это завлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону—и мы должны поставить здѣсь точку.

Для установленія правильной точки зрѣнія на Контовскій законъ развитія, необходимо имѣть въ виду, что самъ Контъ къ сожалѣнію недостаточно рѣзко разграничилъ двѣ совершенно различныя стороны умственнаго развитія:—методъ мышленія и содержаніе мысли или науки. Только развитіе метода должно по праву относиться къ исторіи мысли, развитіе же содержанія мысли, такъ называемый генезисъ науки, представляетъ собою нѣчто несравненно болѣе сложное, заключающее въ себѣ исторію развитія мысли лишь какъ одинъ изъ основныхъ факторовъ. А между тѣмъ большая часть возраженій, сдѣланныхъ Спенсеромъ противъ Контовскаго закона развитія, относится лишь къ генезису, но нисколько не касается метода мышленія. Не подлежитъ сомнѣнію, что прогрессъ какой либо отрасли знанія въ любой періодъ умственнаго развитія общества являлся равнодѣйствующей двухъ группъ силъ:—однихъ, побуждавшихъ къ занятію данной наукой и другихъ, тормозившихъ ея преуспѣяніе. Къ силамъ перваго рода нужно отнести умственныя способности даннаго народа, матеріальную цѣль, связанную съ ея успѣхомъ, привлекательность самого предмета и т. п. Препятствіемъ для занятія какой либо наукой служатъ нерѣдко обычаи и предразсудки, недоступность матеріала, трудность наблюденія и т. п. Какъ на одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ препятствій подобнаго рода, можно указать на чрезмѣрное размноженіе хищныхъ животныхъ

въ извѣстной странѣ. Можно заранѣе сказать, что, какъ бы народъ, обитающій эту страну, ни былъ одаренъ умственно и расположенъ къ занятію естествознаніемъ, несомнѣнно, что самая чудная, тропическая растительность лѣсовъ не въ состояніи будетъ привлечь къ себѣ вниманія населенія. Страхъ предъ грозными призраками демоновъ, населяющихъ горы и пещеры, вѣроятно, долго задерживалъ ознакомленіе первобытныхъ народовъ съ металлургіей и т. д. Съ другой стороны, населеніе прибережное должно было сравнительно рано заняться кораблестроеніемъ, мореплаваніемъ и стремиться къ физико-математическимъ знаніямъ. Нѣкоторыя явленія природы, какъ напр. морскіе приливы, вулканическія изверженія и др. мѣстные феномены должны были оказывать особое вліяніе на пробужденіе любознательности въ населеніи и дать ей спеціальное направленіе. Такимъ образомъ, есть много основаній ожидать, что при одномъ и томъ же уровнѣ и характерѣ умственнаго развитія двухъ сосѣднихъ народностей, находящихся въ неодинаковыхъ физико-климатическихъ, культурныхъ, техническихъ и соціально религіозныхъ условіяхъ, умственная дѣятельность того и другого народа получитъ различное направленіе, и развитіе науки пріиметъ въ обѣихъ странахъ различныя формы. Съ этой точки зрѣнія очевидно, что генезисъ знанія, будучи несравненно болѣе сложнымъ факторомъ, чѣмъ умственное, т. е. методологическое развитіе, навряд ли можетъ сдѣлаться объектомъ философіи, а скорѣе относится къ исторіи отдѣльныхъ народовъ.

Глава III-я. Ученіе Конта о единствѣ законовъ природы и методовъ науки.

Какъ мы уже видѣли выше, Контовская философія проникнута духомъ аналитическимъ по отношенію къ элементамъ, эволюціоннымъ началомъ въ отношеніи ряда наукъ и, наконецъ, принципомъ единства и системы въ отношеніи къ цѣлому. Контъ требуетъ отъ философіи, чтобы она слила въ одно всѣ практическія цѣли жизни и духовныя потребности нашей природы, включая сюда моральныя, эстетическія, религіозныя склонности и чисто познавательныя стремленія нашего ума. Онъ требуетъ далѣе отъ нея, чтобы она легла въ основаніе системы воспитанія, служила руководствомъ при изученіи природы, освѣщала прошлое и, наконецъ, давала бы предвидѣніе будущаго. Центромъ всей этой, въ своемъ родѣ, солнечной системы, Контъ ставитъ человѣка, вѣрнѣе человѣчество, притягивающаго къ себѣ всѣ элементы

науки и жизни. Такая сложная система можетъ, разумѣется, держаться лишь на единствѣ законовъ, доминирующихъ надъ отдѣльными элементами системы и связующихъ ее въ одно цѣлое. Насъ здѣсь интересуетъ лишь одна часть Контовской системы:—его ученіе о строѣ наукъ, разсматриваемыхъ отдѣльно, внѣ отношенія къ жизни и даже къ другимъ сторонамъ человѣческаго духа.

Что слѣдуетъ разумѣть подъ единствомъ знанія? Прежде всего въ немъ слѣдуетъ различать объективную сторону и субъективную. Къ объективной нужно отнести предполагаемое единство содержанія науки, т. е. единство явленій природы, единство феноменологическое, въ свою очередь, заключающее въ себѣ два основныхъ класса: единства матеріи и силы, законовъ, управляющихъ или обнаруживающихся въ различныхъ формахъ вещества и силы. Феноменологическое единство распадается такимъ образомъ на статическое и динамическое единство. Однакожъ, полное единство содержанія науки необходимо предполагаетъ еще и единство различныхъ фазъ развитія космическихъ явленій со стороны и матеріи, и силы,—откуда получается новое требованіе генетическаго или эволюціоннаго единства. Все это вмѣстѣ образуетъ единство содержанія науки. Переходя ко второму отдѣлу:—къ субъективной сторонѣ знанія въ тѣсномъ смыслѣ, какъ ученію о познающемъ аппаратѣ и познавательныхъ силахъ человѣка, мы и здѣсь, очевидно, имѣемъ тѣже три отдѣла, какъ и въ космологіи—статическій, динамическій и генетическій, въ которыхъ начало единства должно быть проведено. Въ обширномъ смыслѣ этотъ отдѣлъ обнимаетъ собою всю феноменологію Разума, какъ органа познаванія, въ болѣе же тѣсномъ смыслѣ онъ заключаетъ въ себѣ методологію Разума или логику въ ея статическомъ, динамическомъ и генетическомъ состояніи. Изъ сочетанія этихъ двухъ большихъ отдѣловъ законовъ духа и природы, ихъ взаимодѣйствія, получается техническая часть познаванія, ученіе о практическихъ методахъ познаванія природы.

Таковы тѣ элементы, изъ совокупности которыхъ должно сложиться ученіе о единствѣ знанія во всемъ его объемѣ.

Обращаясь къ ученію Конта о единствѣ знанія, мы находимъ у него слѣдующее опредѣленіе: единство науки или философіи заключается въ единствѣ методовъ и законовъ природы, или, какъ онъ выражается, единствѣ логики и доктринъ. Очевидно, что философское ученіе Конта далеко не захватываетъ всѣхъ сторонъ теоріи единства знанія. Какъ мы уже раньше видѣли, Контъ обходитъ всю феноменологію познавательнаго Разума; его единство доктринъ или законовъ природы относится только къ динамической части космологіи, статика

и генезисъ которой почти не затронуты имъ. Его единство методовъ относится почти исключительно къ прикладной, объективной методологіи, субъективная же методологія, истинная теорія происхожденія, характера и предѣловъ науки, въ частности логика, какъ методъ, сознательно исключена Контомъ, хотя нужно замѣтить, что Контъ нерѣдко захватываетъ въ своей объективной и технической методологіи вопросы субъективной логики.

Другое начало Контовской философіи, его законъ умственнаго развитія, заключаетъ въ себѣ зародыши идеи единства субъективнаго и методологическаго генезиса, въ томъ числѣ и генезиса логики. Къ сожалѣнію, у Конта, какъ мы уже раньше видѣли, недостаточно точно опредѣлено и расчленено содержаніе этого закона, въ изложеніи котораго Контъ часто какъ бы перескакиваетъ съ явленій феноменологіи духа на логику, съ логики на объективную методологію и обратно. Кромѣ того, рѣзкое раздѣленіе всего цикла умственнаго развитія на три фазы, обладающія каждая своей типичной физіономіей, какъ бы становится само препятствіемъ сліянію всѣхъ трехъ фазъ умственнаго развитія въ одно цѣлое. Причина этого обособленія отдѣльныхъ періодовъ развитія мысли, очевидно, лежитъ въ указанной уже выше манерѣ Конта разсматривать генезисъ духовныхъ явленій съ ихъ объективной стороны, между тѣмъ, какъ истинное единство въ генезисѣ духа можетъ быть обнаружено лишь при субъективномъ анализѣ, которому Контъ не далъ мѣста въ своей системѣ.

Таково то общее впечатлѣніе, которое производитъ ученіе Конта о единствѣ науки. Но для того, чтобы составить себѣ полное понятіе объ этой сторонѣ философіи Конта, необходимо прослѣдить шагъ за шагомъ къ развитію Контовской системы философіи начало, ростъ и превращеніе, которому постепенно подвергалось его ученіе о единствѣ знанія до того момента, пока оно у него приняло ту форму, въ которой мы его встрѣчаемъ въ концѣ его трактата.

Изучая ходъ и развитіе идей Конта, мы убѣждаемся, что въ его міровоззрѣніи можно отмѣтить три фазы: начальную, служившую исходной точкой всей его философіи, фазу поворотную, соотвѣтствующую его изученію біологическихъ явленій, и конечную или соціологическую точку зрѣнія. Въ отношеніи къ вышепоставленному вопросу объ ученіи Конта о единствѣ законовъ природы и знанія также усматриваются эти три этапные пункты его міросозерцанія.

Вступительныя главы курса позитивной философіи обнаруживаютъ со стороны Конта нѣкоторое колебаніе по отношенію къ вопросу о единствѣ знанія, хотя въ общемъ преобладаетъ унитарное направленіе,

и притомъ, съ явнымъ перевѣсомъ на сторонѣ физико-математическаго начала. „Идеалъ позитивной системы, къ которой она стремится, какъ къ своему предѣлу, хотя наврядъ ли когда нибудь его достигнетъ, говоритъ Контъ, заключается въ томъ, чтобы всѣ наблюдаемыя явленія природы свести къ частнымъ случаямъ одного общаго факта, какъ тяжесть".

„Еслибы можно было надѣяться достигнуть объясненія всѣхъ явленій природы однимъ закономъ, то по моему, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, это могло бы быть только подчиненіе наиболѣе общему изъ извѣстныхъ намъ законовъ—притяженію".

Говоря о распространеніи общихъ законовъ позитивной философіи на области біологіи и соціологіи, Контъ видитъ только практическія затрудненія, лежащія въ большей сложности біологическихъ и соціологическихъ явленій, но въ самой природѣ этихъ явленій Контъ не усматриваетъ такого существеннаго различія, которое бы могло мѣшать объединенію ихъ съ наукой о неорганическомъ мірѣ въ одно цѣлое. Въ концѣ своего введенія, Контъ категорически протестуетъ противъ претензіи подчинить всѣ космическія явленія одному закону, мотивируя, однакожъ, свои сомнѣнія лишь „несовершенствомъ нашихъ современныхъ знаній и крайней сложностью явленій природы сравнительно съ простотой и элементарностью человѣческаго разума. Категорическаго „ignorabimus" мы, однакожъ, тутъ не слышимъ. Контъ оговаривается, что, хотя, конечно, совершенство позитивной системы было бы полное, еслибъ намъ удалось достигнуть такого объединенія всѣхъ міровыхъ явленій, однакожъ, непосредственной практической важности для человѣческой жизни это не представляетъ. Совершенно достаточно, заканчиваетъ онъ свое введеніе, чтобы наука обладала *однимъ методомъ и однородными законами* во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ, что позитивизмъ и даетъ. Употребленный здѣсь Контомъ терминъ: методъ слѣдуетъ по общему смыслу изложенія понимать, какъ способъ мышленія, отчасти лишь, какъ общій логическій пріемъ.

Іерархическая связь наукъ въ нисходящемъ порядкѣ, въ свою очередь, неизбѣжно ведетъ къ теоріи единства наукъ со стороны основныхъ законовъ, а отчасти и методовъ. Контъ не разъ настаиваетъ на томъ основномъ положеніи, что законъ каждой послѣдующей въ ряду науки основанъ на законахъ предшествующихъ наукъ. Собственно говоря, въ одномъ этомъ утвержденіи Конта уже заключается достаточное основаніе для вывода о единствѣ законовъ и методовъ всѣхъ наукъ тѣмъ болѣе, что Контъ въ своемъ введеніи не упоминаетъ о существованіи специфическихъ для каждой науки элементовъ, которые бы обусловливали ея индивидуальные законы и методы.

„Нѣтъ никакого основанія думать, говоритъ Контъ, чтобы даже наиболѣе сложныя явленія живыхъ тѣлъ были, по существу своему, другого рода феномены (d'une nature speciale), чѣмъ обыкновенныя и простыя механическія явленія. И, еслибы возможно было изолировать всѣ причины, производящія данное физіологическое явленіе, слѣдуетъ ожидать, что каждая изъ этихъ причинъ, оказалась бы по *роду своего явленія* и по количеству своего дѣйствія точно также опредѣленной и измѣримой, какъ всемірное тяготѣніе, этотъ истинный типъ *всякаго основного закона* природы“ (томъ I, стр. 118).

Такова исходная точка зрѣнія Конта на вопросъ о единствѣ знанія. Въ отдѣлѣ философіи математики еще рельефнѣе выступаетъ унитарная точка зрѣнія Конта на законы и методы науки. Онъ неоднократно повторяетъ, что всѣ явленія природы въ концѣ концовъ подчинены законамъ пространства и движенія, геометріи и механики. Рѣшеніе любого вопроса изъ области любой науки, говоритъ онъ далѣе, сводится всегда къ рѣшенію какого либо *уравненія*. Затрудненіе лишь въ практической сторонѣ дѣла, т. е. въ томъ, что при нынѣшнемъ состояніи нашихъ знаній большинство вопросовъ неприводимы къ уравненію прежде всего вслѣдствіе крайней сложности вопросовъ, а, стало быть, и крайней сложности тѣхъ уравненій, къ которымъ этотъ вопросъ сводится. Очевидно, что препятствіе здѣсь не въ сущности дѣла, а въ неразработанности конкретной математики, или метода составленія уравненій. Сверхъ того сведеніе какого либо вопроса къ уравненію предполагаетъ предварительное установленіе количественныхъ отношеній между всѣми элементами этого вопроса. Въ то время когда Контъ писалъ свой трактатъ, всякая задача, въ которую входили напр. электрическая сила и теплота, не могла быть приведена къ уравненію, уже потому, что въ то время еще не было установлено между электричествомъ и теплотой экспериментальной физикой количественнаго соотношенія. Контъ формулируетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: элементы всякаго уравненія должны быть однородны и находиться въ чисто количественныхъ отношеніяхъ. Стало быть область примѣненія математическаго анализа простирается лишь на тѣ отдѣлы знанія, въ которыхъ качественныя отношенія замѣнены количественными, вслѣдствіе чего между всѣми элементами этого отдѣла науки уже установлена однородность. Такова была въ то время, когда писалъ Контъ, астрономія, многіе отдѣлы физики, какъ теплота, и одинъ отдѣлъ химіи—термохимія.

Припомнимъ, что Контъ не признаетъ существованія особаго класса качественныхъ отношеній, въ которыхъ онъ видитъ лишь скрытыя коли-

чественныя отношенія, еще не сдѣлавшіяся, вслѣдствіе несовершенства науки, объектомъ мѣры и числа. По мнѣнію Конта, достаточно ясно выраженному выше, всѣ отношенія между явленіями природы имѣютъ чисто количественный характеръ; прогрессъ науки заключается въ постепенномъ завоеваніи все большаго и большаго круга явленій природы началами мѣры и количества, т. е. законами математики. Въ этомъ положеніи Конта заключается прямое, хотя и не достаточно высказанное, утвержденіе, что всѣ явленія природы внутренно однородны—по крайней мѣрѣ, для нашей познавательной дѣятельности. Нельзя, кажется, и требовать болѣе категорическаго формулированія ученія о единствѣ законовъ и методовъ природы, чѣмъ это провозглашеніе однородности всѣхъ космическихъ явленій.

Уже въ философіи физики Контъ отступаетъ нѣсколько отъ своего преклоненія предъ идеей единства и преобладанія математическаго анализа. Такъ, онъ сильно ратуетъ противъ гипотезы эфира, которой Эйлеръ хотѣлъ объединить и объяснить всѣ физическія силы, какъ и силу притяженія. Указывая на то, что нѣкоторые натуралисты склонны свести всѣ химическіе и біологическіе процессы къ притяженію, Контъ прибавляетъ, что хотя такое объединеніе само по себѣ и правдоподобно, но оно ни къ чему не ведетъ; напротивъ того, оно, по его словамъ, способствуетъ расплыванію фактовъ въ туманныхъ фантазіяхъ. „Всякая классификація, заявляетъ онъ, основанная на такомъ общемъ началѣ, будетъ иллюзорной“. „Наука должна быть только знаніемъ феноменовъ“. „Нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ онъ, что химическіе процессы подчинены законамъ физики въ томъ смыслѣ, что они связаны съ тепловыми, электрическими и т. п. явленіями. Однакожъ, еслибы даже и удалось подвести всѣ химическія явленія подъ физическіе законы, что, вѣроятно, и будетъ дѣломъ ближайшаго поколѣнія химиковъ, все-же основное различіе между физикой и химіей отъ этого не уменьшится“.

Въ каждомъ химическомъ процессѣ остается, за вычетомъ всѣхъ физическихъ явленій, еще нѣчто:—именно молекулярное измѣненіе въ агрегаціи тѣла.

Въ отношеніи метода, Контъ также настаиваетъ, что физика должна эмансипироваться отъ анализа, господство котораго въ физикѣ при всей строгости его формулъ въ сущности не научно и угрожаетъ вернуть физику вспять въ царство метафизики.

Каждая наука, провозглашаетъ Контъ, имѣетъ свой спеціальный методъ:—Астрономія: наблюденіе, физика: экспериментъ.

Въ философіи химіи у Конта еще болѣе обнаруживается реакція противъ унитарной теоріи наукъ и гегемоніи анализа. Такъ, по мнѣнію

Конта, химическіе процессы въ отличіе отъ физическихъ не исчерпываются одними количественными отношеніями, въ нихъ, напротивъ того, есть всегда нѣчто специфическое, качественное. „Химизмъ есть основаніе индивидуальности и іерархіи, говоритъ Контъ. Химическіе процессы поэтому и стоятъ на рубежѣ физическихъ и органическихъ". Неоднократно Контъ предостерегаетъ противъ математическаго метода въ химіи, который, по его мнѣнію, можетъ исказить химію и затормозить ея развитіе. Контъ даже сомнѣвается въ возможности и полезности сліянія химіи съ физикой; поэтому онъ полемизируетъ съ электрохимической теоріей Бекереля, разсматривая ее какъ метафизику.

Сводя къ единому взглядъ и сужденіе, высказываемое Контомъ о единствѣ знанія въ различныхъ частяхъ философіи неорганическихъ наукъ, мы видимъ, что въ общемъ выводѣ Контъ допускаетъ внутреннее единство всѣхъ этихъ частей; онъ даже надѣется, что ближайшему поколѣнію удастся свести химію на физику. Его протестъ противъ вторженія математики въ химію, въ сущности, относится гораздо больше къ математическимъ гипотезамъ, чѣмъ къ анализу какъ методу. Отстаивая при этомъ индивидуальную самобытность каждой науки въ ея основныхъ законахъ и методахъ, онъ, отнюдь, вовсе не думаетъ этой децентрализаціей уничтожить общность всѣхъ вѣтвей науки и неорганическаго міра. Все же въ механическихъ законахъ онъ видитъ базисъ, а въ спеціальныхъ законахъ и методахъ—дополненіе. Ограниченія и возраженія, дѣлаемыя Контомъ своему же началу единства, носятъ здѣсь характеръ практическій, но не принципіальный.

Въ методологическомъ отношеніи, несмотря на различіе внѣшнихъ методовъ изслѣдованія, какъ наблюденіе, экспериментъ, все же сохраняется внутреннее логическое единство метода во всѣхъ вѣтвяхъ неорганической науки. Какъ въ физикѣ, такъ въ химіи, изученіе явленій идетъ отъ частнаго къ общему, отъ части къ цѣлому. Хотя Контъ не говоритъ нигдѣ о логическихъ методахъ и употребляетъ вездѣ слово логика въ смыслѣ міросозерцанія, тѣмъ не менѣе легко усмотрѣть, что Контъ вездѣ при изученіи наукъ неорганическихъ стоитъ на почвѣ индукціи.

Совсѣмъ другое мы видимъ, какъ только мы вступаемъ въ область философіи біологіи. Здѣсь Контъ встрѣчается съ центромъ тяжести всего ученія о единствѣ знанія:—съ вопросомъ объ отношеніи явленій жизни къ міру неорганическому. Легко замѣтить, что въ этомъ вопросѣ Конту не удалось стать на опредѣленную и прочную точку зрѣнія, онъ даже не оріентировался въ самой задачѣ опредѣленія біологіи. Заявивъ въ самомъ началѣ анализа, что позитивная біологія характеризуется

подчиненіемъ науки о жизни ученію о природѣ, Контъ этимъ самымъ какъ бы устанавливаетъ унитарную точку зрѣнія. Онъ признаетъ, что біологическія явленія основаны вообще на химизмѣ, но это преимущественно относится къ процессамъ, такъ назыв., растительной жизни, что высшая группа біологическихъ явленій—движеніе и чувствительность, связана тѣсно съ физическими процессами: свѣтомъ, звукомъ, электричествомъ и т. п. Однакожъ, коснувшись вопроса о томъ, представляютъ ли жизненныя явленія собою только усложненіе химическихъ процессовъ, или въ нихъ есть нѣчто новое, специфическое, Контъ, не рѣшаясь высказаться категорически, обходитъ всю суть вопроса, заявивъ, что позитивной наукѣ нѣтъ дѣла до *происхожденія жизни*, что ея задача сводится къ изслѣдованію біологическихъ процессовъ такъ, какъ они есть. Необходимо и достаточно, разъясняетъ онъ, принять простѣйшую и типичную форму жизненныхъ явленій за единицу. Задача біологіи тогда упрощается и опредѣляется такъ:—привести всѣ сложныя, біологическія явленія къ этой простѣйшей единицѣ. Такую единицу Контъ видитъ въ живой ткани. Въ то время когда Контъ писалъ, не была еще извѣстна животная клѣтка, еще не было представленія о протоплазмѣ, т. е. о живой бѣлковой ткани, составляющей основу клѣтки. Очевидно, однакожъ, что опредѣленіе, данное Контомъ элементу или единицѣ въ біологіи ни сколько не потеряло своего значенія и въ наши дни.

Въ тоже время ясно, что это не есть опредѣленіе жизненныхъ процессовъ и еще менѣе того это опредѣленіе жизни, или того, что есть специфическаго въ жизни. Сознавая это, Контъ не разъ возвращается къ этому коренному вопросу и даетъ каждый разъ другое опредѣленіе. Такъ, онъ вмѣстѣ съ Бленвиллемъ опредѣляетъ въ одномъ мѣстѣ жизнь, какъ сумму двойныхъ процессовъ соединенія и разложенія—опредѣленіе, касающееся только химической стороны и далеко не исчерпывающее даже и химическія явленія, имѣющія мѣсто въ живомъ организмѣ. Въ другомъ мѣстѣ Контъ говоритъ: жизнь есть взаимодѣйствіе индивида и среды, т. е. приспособленіе, что конечно вѣрно, но въ смыслѣ характеристики одной стороны біологическихъ явленій, не опредѣляя ихъ основной особенности. Далѣе Контъ говоритъ о жизни какъ объ отношеніи органа къ функціи и даетъ такое, по его мнѣнію, математическое опредѣленіе: „задача біологіи сводится къ тому, чтобы по данному строенію органа опредѣлить его функцію и наоборотъ. Но тутъ же Контъ, пытаясь развить свою мысль, убиваетъ ее. Онъ говоритъ, что понятіе функціи двойственное—организмъ и среда, взаимодѣйствуя, функціонируютъ оба другъ на друга, но мы игнорируемъ функцію природы, какъ не представляющую для насъ интереса. Но разъ понятіе „функція“

относится и къ неорганической природѣ, и къ живымъ существамъ, то очевидно, что въ этомъ понятіи нѣтъ ничего такого специфическаго, что могло бы характеризовать жизнь. Всѣ эти опредѣленія относятся прежде всего къ различнымъ вещамъ, то къ содержанію біологіи, то къ методу, то къ морфологическому элементу біологіи—ткани, то къ процессамъ, причемъ разъ Контъ имѣетъ въ виду задачи общей біологіи, другой разъ онъ говоритъ объ индивидѣ, то онъ преслѣдуетъ идею типа, то онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на индивидуальныхъ варіаціяхъ. Наконецъ, у него не замѣчается строго проведенной границы между задачами статической, динамической и особенно эволюціонной біологіи (процессъ приспособленія и измѣненія типовъ въ широкомъ смыслѣ). Такая спутанность не должна насъ удивлять, она лежитъ въ крайней сложности и неразработанности біологіи. Стоитъ лишь вспомнить, что Контъ жилъ до великаго открытія эволюціи Дарвиномъ и современнымъ ему поколѣніемъ біологовъ, чтобы проникнуться благоговѣніемъ къ генію Конта, сумѣвшему при тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыми располагала въ то время біологія—предвидѣть и предчувствовать многое. Вопросъ о границахъ органическаго и неорганическаго міровъ и характеристика органическихъ процессовъ и въ настоящее время остается безъ отвѣта. Спенсеръ, писавшій свою біологію послѣ Конта, также даетъ такое опредѣленіе жизни, въ которомъ самый характеръ жизненныхъ процессовъ исчезаетъ, благодаря механической терминологіи („двойной процессъ непрерывнаго внутренняго и внѣшняго приспособленія при посредствѣ дифференцированія и интегрированія“).

Во всякомъ случаѣ всѣ эти попытки Конта найти опредѣленіе жизни и разнообразіе направленій, въ которыхъ его умъ искалъ выхода съ несомнѣнностью доказываютъ, что Контъ инстинктивно приближается къ величайшему и, при нынѣшнемъ состояніи науки, основному принципу біологіи,—развитію. Идеи типа и варіаціи, индивида, органа, функціи, среды, приспособленія всѣ эти представленія связываются въ одно цѣлое понятіемъ развитія. Уже въ изложеніи курса Конта было нами указано, что Контъ предсказалъ Дарвинизмъ; онъ идетъ дальше и прямо высказываетъ мысль, для которой въ его время было такъ мало данныхъ, что индивидуальное развитіе заключаетъ въ себѣ старое повтореніе всего развитія рода, такъ какъ, говоритъ онъ, всѣ роды начали свое развитіе одинаково, т. е. изъ однихъ и тѣхъ же исходныхъ состояній. Въ этомъ вопросѣ съ Контомъ случилось то же, что, по мнѣнію профес. Грота, имѣло мѣсто въ его классификаціи наукъ. Контъ и тутъ и тамъ не формулировалъ эволюціонное начало, но по-

ложилъ его въ основаніе своихъ концепцій; какъ тамъ въ классификаціи, такъ и здѣсь въ философіи біологіи. Вотъ почему вся философія біологіи у Конта проникнута синтетическимъ началомъ, въ отличіе отъ его аналитической философіи неорганическихъ наукъ. Не только каждая часть связана со всѣмъ организмомъ, индивидъ съ типомъ, функція съ органомъ, но и вся жизнь животнаго по Конту представляетъ полную соподчиненность космической жизни, несравненно болѣе тѣсную и строгую, чѣмъ взаимная соподчиненность различныхъ явленій неорганическаго міра между собою.

Обращаясь къ методологическимъ взглядамъ Конта въ сферѣ біологическихъ наукъ, мы и здѣсь встрѣчаемся съ нѣсколькими отдѣльными какъ бы разрозненными методами, которые Контъ рекомендуетъ какъ специфическіе для этой области и соотвѣтствующіе вышесказаннымъ раньше отдѣльнымъ воззрѣніямъ его на различныя стороны біологіи. Такъ представленіе о функціи даетъ поводъ Конту провести ту идею, что отношеніе органа къ функціи можетъ сдѣлаться объектомъ математическаго анализа, своего рода механики. Точно также представленіе о типѣ и варіаціяхъ наводитъ Конта на мысль геометрическихъ представленій въ біологіи, причемъ онъ даже допускаетъ построеніе идеальныхъ типовъ, т. е. воображаемыхъ фигуръ въ родѣ круга и т. п. Впрочемъ, Контъ вездѣ оговаривается, что сами біологическія явленія, т. е. элементарные процессы и законы жизни навряд ли могутъ сдѣлаться объектомъ математическаго анализа, но вслѣдствіе того, что въ біологіи имѣются свои единицы и постоянныя отношенія, здѣсь создается почва для новаго метода, для логическаго анализа *подобнаго математическому*. Съ технической стороны этотъ логическій анализъ сводится къ сравненію въ самыхъ различныхъ формахъ, который Контъ вполнѣ справедливо считаетъ фундаментальнымъ методомъ біологіи. Роль прямого эксперимента въ біологіи Контъ низводитъ до нуля, что вполнѣ послѣдовательно съ его стороны, такъ какъ онъ ставитъ синтетическую точку зрѣнія на первомъ планѣ, экспериментъ же даетъ аналитическія данныя. Контъ, впрочемъ, не доходитъ до такой ясной формулировки, онъ пытается доказать, что экспериментъ въ біологіи искажаетъ природу біологическихъ явленій, что онъ не можетъ раскрыть всей ихъ степенности и не удовлетворяетъ основному условію эксперимента—введенію строго измѣримаго измѣненія и т. д. Этимъ условіямъ, по его мнѣнію, несравненно больше удовлетворяетъ патологія, т. е. экспериментъ, производимый природой, которому онъ предсказываетъ блестящую роль въ біологіи, особенно въ области нервныхъ явленій, что дѣйствительно и подтверждается въ послѣднее время. Проникнутый духомъ синтеза,

Контъ рекомендуетъ біологамъ экспериментальное изученіе вліянія среды на организмъ, какъ на цѣлое.

Здѣсь Контъ предполагаетъ болѣе благопріятныя условія для эксперимента, такъ какъ дана возможность производить точно измѣренныя измѣненія въ средѣ (температура, давленіе, питаніе и пр.), причемъ не производится нарушенія нормальныхъ физіологическихъ условій организма, т. е. травмы, составляющей основаніе обыкновеннаго физіологическаго эксперимента. Насколько этотъ методъ, рекомендуемый Контомъ плодотворенъ по отношенію къ синтетической біологіи достаточно выяснилось въ послѣднее время, такъ какъ трансформизмъ въ значительной степени основанъ на наблюденіяхъ и экспериментахъ надъ одомашненіемъ и акклиматизаціей животныхъ, что соотвѣтствуетъ вполнѣ означенному методу.

Такимъ образомъ въ вопросѣ о соотношеніи процессовъ жизни и явленій неорганической природы Контъ, въ своей философіи біологіи, какъ бы отступаетъ отъ своего начала единства, ибо, хотя онъ и признаетъ, что конечный анализъ самаго сложнаго жизненнаго явленія сводится въ концѣ концовъ къ физико-химическимъ факторамъ, однакожъ, онъ же самъ предостерегаетъ отъ увлеченія такимъ аналитическимъ пріемомъ.

Уже въ химіи онъ настаиваетъ на томъ различіи, которое существуетъ между конечнымъ химическимъ анализомъ какого либо тѣла и первичнымъ. Перваго рода анализъ, напр., сожиганіе, даетъ лишь окончательный, такъ сказать, реестръ химическаго содержанія этого тѣла, тогда какъ только первичное разложеніе этого тѣла, къ сожалѣнію, рѣдко доступное, могло бы намъ открыть истинное внутреннее строеніе тѣла. Такимъ же образомъ конечный біологическій анализъ жизненныхъ процессовъ, правда, и даетъ намъ рядъ физико-химическихъ элементовъ, подчиненныхъ законамъ неорганическаго міра, но подобное разложеніе точно такъ же не въ состояніи дать намъ представленія о внутреннемъ типѣ и механизмѣ жизненныхъ явленій, какъ по кучѣ кирпича, дерева и цемента невозможно составить себѣ понятія объ архитектурной формѣ разрушеннаго зданія. Самъ Контъ высказывается не разъ въ томъ смыслѣ, что синтезъ, въ различныхъ видахъ, играетъ въ біологіи первенствующую роль, а элементарная сторона занимаетъ подчиненное мѣсто. Тутъ Контъ стоитъ у порога основной для всей біологіи проблемы: не въ синтезѣ ли заключается вся специфичность явленій жизни? Не заключаетъ ли въ себѣ синтезъ всю суть этой проблемы, или же, быть можетъ, въ основаніи синтеза еще лежитъ руководящее начало въ видѣ особаго направленія дѣйствія?

Если бы Контъ поставилъ въ такой опредѣленной формѣ вопросъ, то быть можетъ онъ нашелъ бы исходъ изъ той путанницы понятій, въ которой онъ очутился. Но Контъ *обошелъ* этотъ вопросъ, признавъ его онтологическимъ и метафизическимъ, что равносильно по его мнѣнію. Онъ беретъ за основаніе философіи біологіи единицу біологическаго вещества — ткань, единицу біологическаго процесса — функцію, единицу біологической динамики — приспособленіе, но вопросъ объ отношеніи этихъ біологическихъ единицъ къ соотвѣтственнымъ единицамъ неорганическаго міра остается незатронутымъ и даже принципіально объявляется ненаучнымъ и выходящимъ поэтому изъ предѣловъ позитивной философіи. Этимъ выкапывается глубокая пропасть между біологіей и наукой о неорганическомъ мірѣ, пропасть, черезъ которую Контъ пытается перекинуть мостъ во второй половинѣ своей задачи—въ ученіи о методахъ изученія біологіи и ея законахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Контъ для сохраненія своего закона единства наукъ по ихъ содержанію, находитъ возможнымъ обойти всѣ вопросы о сущности и происхожденіи жизненныхъ явленій, то въ методологіи такой пріемъ очевидно невозможенъ. Указывая, что біологія обладаетъ цѣлымъ рядомъ новыхъ своеобразныхъ методовъ, какъ техническихъ, такъ и логическихъ, изложеніе которыхъ составляетъ одну изъ наиболѣе плодотворныхъ частей труда Конта, онъ сознаетъ, что этимъ самымъ уничтожаетъ окончательно созданное имъ же единство метода. Чтобы спасти свою теорію единства и системы знанія въ его методахъ, Контъ набрасываетъ такой очеркъ закона развитія логики, который показываетъ какъ много потеряно философіей отъ пренебреженія Конта къ логикѣ. Онъ начинаетъ съ подтвержденія, что математическій методъ есть и остается основой всякой логической методы мышленія во всѣхъ наукахъ. Если же, говоритъ онъ, мы видимъ, что въ біологіи какъ бы нарождаются на свѣтъ новые методы изученія и новые логическіе пріемы, то это не болѣе какъ иллюзія нашего ума. Нѣтъ того логическаго метода и научнаго пріема, который не имѣлъ бы въ математикѣ своего аналога; въ математическомъ анализѣ, поясняетъ онъ, имѣются въ зародышѣ всѣ логическіе методы нашего ума; простѣйшій изъ этихъ методовъ:— законъ однородныхъ величинъ, достигаетъ своего полнаго развитія въ наукахъ, занимающихся разработкой простѣйшихъ явленій. Здѣсь эти законы рано обнаруживаются и достигаютъ такой законченности и зрѣлости, что нѣкоторые кажутся намъ вслѣдствіе этого специфическими и свойственными исключительно только этой группѣ явленій природы. Въ дѣйствительности, однакожъ, это не такъ, и въ явленіяхъ болѣе сложнаго порядка, въ химіи и біологіи, эти же методы и законы со-

храняютъ свою силу съ той лишь разницей, что сообразно съ болѣе сложной природой этихъ явленій и методы принимаютъ болѣе сложную форму, такъ сказать развиваются и усложняются параллельно природѣ явленій. Законы соотношенія организма и среды, функціи и органа, типа и варіаціи по Конту представляются математическими законами высшаго порядка. Поэтому и основной методъ біологіи, — сравнительный, является съ логической стороны не чѣмъ то чуждымъ духу анализа, а лишь проявленіемъ болѣе зрѣлой формы послѣдняго. Этой идеей эволюціи математическихъ методовъ и логическихъ пріемовъ Контъ еще разъ соприкасается съ областью феноменологіи духа, областью имъ умышленно игнорируемой. И несомнѣнно, что этой въ высшей степени плодотворной и, къ сожалѣнію, послѣ Конта почти заброшенной идеей параллелизма развитія логики и космоса, онъ на этотъ разъ спасаетъ свою теорію единства знанія съ методологической стороны.

Резюмируя вышеизложенное, приходимъ къ заключенію, что, пока Контъ остается въ предѣлахъ общей біологіи, ему удается сохранить вѣрность своей исходной точки зрѣнія: — единству законовъ и методовъ, хотя это единство достигается здѣсь въ отношеніи законовъ, лишь благодаря игнорированію специфичности жизненныхъ явленій, а въ отношеніи методовъ это единство — лишь въ видѣ обобщенія методовъ неорганическихъ наукъ и біологіи въ одну нейтральную логику, въ которой уже исчезаетъ первоначальный математическій характеръ. При этомъ получается родъ равновѣсія между аналитическимъ и синтетическимъ направленіями, между общимъ духомъ физико-математическихъ наукъ и специфическимъ характеромъ біологіи.

Здѣсь рѣзко обозначается поворотный пунктъ всего ученія Конта и особенно же въ вопросѣ о единствѣ взаимоотношеній наукъ и методовъ. Какъ только Контъ, оставивъ общую философію біологіи, переходитъ къ раздѣленію біологіи на ученіе о растительной и животной жизни, обнаруживается явный наклонъ его мысли въ другую сторону, въ сторону синтеза, дедукціи и явное отрицательное отношеніе къ методу аналитическому и индуктивному. Физико-химическая школа, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, можетъ сохранить свое преобладаніе въ растительной физіологіи. Что же касается области біологіи животныхъ процессовъ, то претензіи этой школы должны быть здѣсь отвергнуты, какъ нераціональныя и слишкомъ узкія. Спеціально-животная жизнь слагается изъ двухъ факторовъ: — движенія и сознанія. Въ основаніи первой функціи Контъ, вмѣстѣ съ физіологами своего времени, принимаетъ раздражительность тканей, а какъ основаніе сознанія или психическихъ

функцій—чувствительность. Истинная философія животной (анимальной) біологіи, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Контъ, должна быть основана на этихъ двухъ свойствахъ, глубоко отличныхъ отъ всѣхъ физическихъ свойствъ. (Томъ III. Стр. 492). Это дѣленіе является краеугольнымъ камнемъ всей его философіи животныхъ процессовъ. Какъ уже выше было изложено, онъ указываетъ на тѣсную связь явленій чувствительности и раздражительности съ физическими дѣятелями: свѣтомъ, звукомъ, электричествомъ и т. п. въ отличіе отъ процессовъ растительныхъ, основанныхъ на химизмѣ. Далѣе онъ останавливается на теоріи Биша о періодичности и интермитентности явленій животной жизни, усматривая въ этомъ результатъ зависимости этихъ явленій отъ астрономическихъ факторовъ.

„Если бы оба эти свойства, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, были общи всѣмъ органическимъ тканямъ, всякое существенное научное различіе между физіологіей растительной и животной исчезло бы. И такъ какъ невозможно отрицать въ настоящее время, что всѣ явленія растительной жизни находятся въ прямой зависимости отъ общихъ законовъ неорганической жизни, то не было бы никакого основанія не распространить эту зависимость и на явленія животной жизни, которое тогда было бы лишь дальнѣйшей ступенью развитія тѣхъ же элементовъ“.

Но, утверждаетъ Контъ, оба эти свойства присущи только одной ткани—нервной, безъ которой нѣтъ ни раздражительности, т. е. сократительности, ни чувствительности. Высказываясь такъ категорически, Контъ расходится, ради своего принципа, съ физіологіей, которая въ лицѣ Биша уже въ то время допускала органическую сократительность, т. е. независящую отъ нервовъ и присущую самой мышцѣ. Какъ извѣстно, современная физіологія считаетъ доказаннымъ мнѣніе Биша; мало того современная целюлярная біологія считаетъ доказаннымъ, что раздражительность въ Контовскомъ смыслѣ, т. е. сократительность есть основное свойство всякой живой клѣтки. Въ мышечной клѣткѣ, или ткани это элементарное свойство только болѣе спеціально развито. Что касается второго основного свойства животной ткани—чувствительности, то уже одна его тѣсная связь съ раздражительностью дѣлаетъ вѣроятнымъ, что она принадлежитъ также къ общимъ свойствамъ тканей. И дѣйствительно, новѣйшія изслѣдованія надъ жизнью клѣточекъ обнаруживаютъ въ нихъ массу проявленій чувствительности въ видѣ выбора пищи, борьбы съ вредными веществами и т. д. Такимъ образомъ, самое основаніе Контовскаго разграниченія животной и растительной біологіи оказывается ненадежнымъ.

Вступивъ въ область соціологіи, мы замѣчаемъ, какъ основная нить Контовской философіи—единство законовъ и методовъ наукъ обрывается. Не смотря на то, что Контъ провозглашаетъ необходимость и важность, для завершенія системы позитивной философіи создать соціологію на общемъ базисѣ наукъ неорганическихъ и біологическихъ, не смотря на его неоднократныя подтвержденія общности метода соціологіи съ методомъ науки вообще, ему, однакожъ, при первомъ вступленіи въ область соціологіи, приходится отказаться отъ своихъ же требованій и началъ. Соціологію Контъ опредѣляетъ, какъ науку объ обществѣ въ его покоѣ и движеніи, откуда статика и динамика. Что же однакожъ составляетъ элементъ соціологіи—то простѣйшее явленіе, которое играетъ роль единицы въ соціологіи, какъ измѣненіе молекулярнаго состава въ химіи, функція органа въ біологіи? На этотъ вопросъ у Конта прямого отвѣта нѣтъ. Проще всего было бы отгадать, что человѣкъ съ его психо-физической организаціей представляетъ собою простѣйшій элементъ соціологіи, но у Конта мы находимъ діаметрально-противоположное мнѣніе. Въ соціологіи, говоритъ онъ, не человѣкъ составляетъ элементарное данное, а все общество, какъ цѣлое—вотъ основной объектъ наблюденія. Законы цѣлаго общества даются прямо наблюденіемъ, человѣкъ же элементъ получается уже, какъ выводъ изъ цѣлаго. Человѣкъ есть абстрактъ, по мнѣнію Конта; въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще категоричнѣе: „въ наукахъ физико-химическихъ и біологіи—изученіе идетъ путемъ анализа простѣйшихъ факторовъ, чтобы потомъ путемъ синтеза составить цѣлое; въ соціологіи же, наоборотъ, мы начинаемъ съ синтеза, чтобы потомъ путемъ анализа получить элементъ“. Поэтому въ соціологіи самый логическій методъ-наблюденіе имѣетъ синтетическое направленіе. Но, если соціологія строится путемъ непосредственнаго синтеза, то спрашивается, на чемъ же она основана?—На психологіи, отвѣчаетъ Контъ. Провѣрка соціологическихъ законовъ совершается посредствомъ ссылки на дедукцію изъ индивидуальной психологіи. Легко усмотрѣть, какая спутанность царитъ въ самомъ основаніи соціологіи и какъ неправильно и произвольно поставлено у Конта ея отношеніе ко всѣмъ другимъ наукамъ, въ отношеніи ея содержанія стало быть законовъ и методовъ, т. е. логики. Въ самомъ дѣлѣ, доказалъ ли Контъ во первыхъ, что наблюденіе открываетъ въ соціологіи непосредственно синтетическій законъ, относящійся ко всему обществу? Вѣрно ли утвержденіе Конта, что въ соціологіи немыслимы, какъ въ другихъ наукахъ, аналитическія наблюденія? Контъ, напр., отрицаетъ значеніе и смыслъ такихъ аналитическихъ изслѣдованій, какъ наблюденія надъ экономическими условіями жизни общества,

что составляетъ очевидное заблужденіе со стороны Конта. Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ соціологіи наблюденіе даетъ аналитическія данныя, какъ состояніе промышленности и торговли, труда, обычаевъ, законовъ, религіи, политическихъ формъ и т. п., а уже совокупность и взаимодѣйствіе всѣхъ этихъ факторовъ даетъ индуктивнымъ путемъ тотъ синтезъ, который Контъ почему то считалъ первичнымъ основнымъ продуктомъ наблюденія въ соціологіи. Но и только что перечисленныя аналитическія данныя, въ свою очередь, суть уже продуктъ извѣстнаго индуктивнаго синтеза изъ еще болѣе элементарныхъ наблюденій надъ простѣйшими соціальными явленіями. И такъ самый основной пунктъ Контовскаго ученія о синтетическомъ методѣ въ соціологіи лишенъ основанія. Съ точки зрѣнія современной индуктивной естественно-научной соціологіи, послѣдняя имѣетъ своей реальной единицей и элементомъ наблюденій—человѣка, какъ индивида физіологическаго, психическаго и соціальнаго, т. е. съ его потребностями, силами, привычками, техникой, развитіемъ и проч.

Ученіе о человѣческомъ индивидѣ или антропологія вотъ твердое основаніе современной научной соціологіи. Контъ добровольно отказался отъ этого прочнаго базиса для соціологіи въ угоду своей предвзятой теоріи синтетической соціологіи. Соціологія, основанная на антропологіи, связывается посредствомъ послѣдней въ одно цѣлое со всей серіей естественныхъ наукъ, тогда какъ лишенная этой опоры, она остается висящей въ воздухѣ.

Повидимому, Контъ и самъ сознавалъ необходимость какой нибудь точки опоры для соціологіи, чувствуя, что его непосредственный синтезъ изъ наблюденій недостаточенъ для построенія соціологіи. Онъ исходитъ въ провѣркѣ этого синтеза посредствомъ дедукціи изъ психологіи, т. е. посредствомъ ученія о человѣческомъ характерѣ. Спрашивается, однакожъ, почему же провѣрка ограничивается одной лишь стороной человѣческой личности, характера, а не всей его психо-физической организаціи? Притомъ же въ виду зависимости характера отъ соціальныхъ условій, культуры и проч., очевидно, что этимъ самымъ, якобы чисто психологическій факторъ, въ сущности оказывается настоящимъ соціальнымъ элементарнымъ фактомъ, или тѣмъ, что мы называемъ антропологическимъ. И, если мы назовемъ ихъ настоящими именами, то окажется, что даже, по Конту, истиннымъ основаніемъ для соціологіи служитъ аналитическій факторъ — психологія, а соціологическій синтезъ его предполагаетъ и стало быть является уже дальнѣйшимъ продуктомъ—результатомъ индукціи, быть можетъ безсознательной.

Нетрудно догадаться почему Контъ строитъ свою соціологію на одной психологіи. Будучи, по его мнѣнію, чистой нервной функціей какъ бы независимой отъ всего склада организма, психологія представляется составленной изъ двухъ факторовъ:—чувствительности и раздражительности, стало быть она не связана съ процессами растительной жизни. Вслѣдствіе этого и основанная на ней соціологія, которую Контъ, во что бы то ни стало, хочетъ выдѣлить, оказывается также внѣ прямого подчиненія законамъ неорганической жизни, что опять таки Конту необходимо, для того чтобы соціологія могла быть синтетической наукой.

Нѣтъ надобности дольше останавливаться на разборѣ противорѣчій и натяжекъ, къ которымъ ведетъ вся Контовская постановка соціологіи въ смыслѣ науки и метода. Не мѣшаетъ, однакожъ, указать на то, что Контъ признающій въ психологіи лишь либо френологію, либо общественную психологію, вынужденъ для спасенія своей синтетической соціологіи, прибѣгнуть къ помощи индивидуальной психологіи, которую онъ такъ осмѣиваетъ.

Соціальная философія Конта оказывается такимъ образомъ вслѣдствіе своего синтетическаго духа совершенно оторванной отъ всего естествознанія, даже отъ остальной біологіи. Давъ соціологіи такое синтетическое направленіе, Контъ нарушилъ основное требованіе своей классификаціи и своего метода—соподчинять каждую послѣдующую вѣтвь знанія предыдущей. И уже съ первыхъ строкъ философіи соціологіи выясняется истинная причина этого уклоненія Конта отъ своихъ прежнихъ началъ: онъ не исходитъ въ соціологіи, какъ въ другихъ наукахъ, изъ опредѣленныхъ научныхъ точекъ, а ставитъ себѣ впереди опредѣленную, чисто практическую цѣль, къ которой онъ стремится, все пригоняя и всѣмъ жертвуя для достиженія этой цѣли. А цѣль эта у него не просто научная теорія соціологіи, а попытка практическаго разрѣшенія соціальной проблемы. Къ соціологіи какъ искусству дѣйствительно примѣнимы большая часть своеобразныхъ взглядовъ Конта и несомнѣнно, что именно это смѣшеніе Контомъ точекъ зрѣнія теоретической философіи и практической соціологіи какъ науки съ соціологіей какъ искусствомъ, обусловило всю путанницу понятій отъ которой такъ много теряетъ въ цѣломъ соціологія Конта, несмотря на массу цѣнныхъ воззрѣній и идей въ частности.

Въ концѣ своего труда Контъ, какъ бы провѣряя вѣрность пройденнаго пути и подводя итоги, снова пытается объединить весь матеріалъ въ одно цѣлое и окончательно установить единство законовъ и методовъ знанія. Конечно первое, что бросается Конту въ глаза—это

глубокое противорѣчіе между его наукой о неорганическомъ мірѣ и соціологіей, отчасти съ біологіей. Въ самомъ началѣ своего курса Контъ заявляетъ, что для единства позитивной философіи какъ цѣлаго необходимо и достаточно единства методовъ всѣхъ наукъ и однородность (гомологичность) законовъ явленій всей природы. Но въ теченіи изложенія біологіи, особенно же соціологіи Контъ такъ категорически и многократно проводитъ идею о принципіальномъ различіи въ методахъ соціально-біологическихъ и неорганическихъ наукъ, что единство зданія его философіи оказалось глубоко пострадавшимъ. Различіе методовъ—аналитическаго въ наукѣ о неорганическомъ мірѣ и синтетическаго въ части біологіи и во всей соціологіи оказалось такого рода, что о сліяніи ихъ въ одинъ методъ не могло быть и рѣчи.

Единству системы угрожаетъ опасность и главное цѣль Конта какъ будто оказывается недостигнутой. Контъ нашелъ одинъ исходъ изъ этого критическаго для его системы положенія:—если, разсуждаетъ онъ, единство не можетъ быть достигнуто сліяніемъ или обобщеніемъ двухъ методовъ въ одинъ, то остается лишь подчинить одинъ методъ другому и одну половину науки другой. Замѣчательно, что Контъ прямо не высказываетъ всѣ эти мотивы и соображенія, побудившіе его прійти къ такому рѣшенію, какъ будто онъ не хотѣлъ этимъ скомпрометировать выстроенное имъ съ такимъ трудомъ зданіе. Итакъ, для полнаго единства всей системы необходима, говоритъ Контъ, гегемонія одной изъ наукъ надъ всѣми другими. Приведя нѣсколько доказательствъ и доводовъ противъ гегемоніи математики, физики, химіи, онъ доказываетъ, что только соціологія можетъ быть этой доминирующей позитивную систему наукой. Давъ затѣмъ опредѣленіе соціологическаго метода, Контъ доказываетъ пользу и значеніе этого универсальнаго метода, указываетъ его примѣненіе и въ заключеніе приводитъ нѣсколько основныхъ для всей науки законовъ. Таковъ вкратцѣ ходъ идей Конта въ его заключительномъ обозрѣніи всей позитивной системы.

Прослѣдимъ этотъ путь шагъ за шагомъ.

Выше уже было разсмотрѣно, насколько произвольно и не послѣдовательно было со стороны Конта построеніе соціологіи на отличномъ отъ всѣхъ наукъ синтетическомъ началѣ; съ теоретической точки зрѣнія въ этомъ исключеніи не было никакого основанія и попытка эта должна быть признана ненаучной. Этимъ самымъ уже рѣшается и вопросъ о дальнѣйшей ломкѣ и переработкѣ взаимныхъ отношеній наукъ, предпринятой Контомъ съ цѣлью примиренія непримиримаго.

Такъ какъ соціологія можетъ и должна быть аналитической и индуктивной, какъ и всѣ естественныя науки, то этимъ самымъ сохра-

няется первоначальное единство наукъ согласно идеѣ и плану самого Конта и устраняется, слѣдовательно, и самая необходимость примиренія соціологіи съ другими науками. Станемъ на время на точку зрѣнія Конта и спросимъ себя, дѣйствительно ли существованіе науки синтетической соціологіи стоитъ въ рѣзкой дисгармоніи съ остальными науками. Вдумавшись серіозно въ этотъ вопросъ, мы убѣждаемся, что какъ это ни странно, но здѣсь очевидно недоразумѣніе со стороны Конта: во первыхъ существованіе синтетической соціологіи или ученіе объ обществѣ какъ цѣломъ такъ же мало противорѣчитъ существованію еще особой аналитической науки о человѣкѣ индивидѣ, какъ синтетическое ученіе о солнечной системѣ не дисгармонируетъ съ ученіемъ о движеніи земли, или марса, какъ ученіе о животномъ царствѣ вообще—синтетическая зоологія—не мѣшаетъ ученію о лошади и т. д. Во вторыхъ, всѣ эти и имъ подобные примѣры прямо указываютъ въ чемъ корень ошибки Конта: *онъ сопоставляетъ соціологію—науку конкретную съ науками абстрактными—физикой, химіей и біологіей.* Непостижимо, какъ Контъ не замѣтилъ, что соціологія, будучи лишь вѣтвью описательной зоологіи, вовсе не имѣетъ мѣста въ его классификаціи наукъ.

Если, съ извѣстной человѣческой точки зрѣнія, человѣкъ, конечно, самое интересное существо и долженъ быть изучаемъ спеціально и детально, то не слѣдуетъ все же забывать, что антропологія и соціологія какъ науки описательныя, суть лишь вѣтвь конкретной біологіи. А между тѣмъ всѣ разсужденія Конта о законахъ и методахъ науки относятся къ абстрактнымъ наукамъ. Что конкретная наука, по существу своему, синтетична ясно само по себѣ. Если, напр., химія какъ абстрактная наука изучаетъ аналитически—законъ взаимодѣйствія тѣлъ вообще, то химія конкретная, напр. техническая изучаетъ извѣстное тѣло въ *его цѣломъ* и его воздѣйствіе на другія тѣла, т. е. синтетически. Астрономія—наука абстрактная и аналитическая, ученіе же о лунѣ—наука конкретная и синтетическая. Такимъ образомъ еще разъ оказывается, что не было никакого основанія усматривать какое то непримиримое противорѣчіе между соціологіей и всей наукой, такъ какъ кажущееся несовпаденіе методовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ различію въ характерѣ содержанія, т. е. объема соціологіи и другихъ наукъ.

Контъ могъ бы въ этомъ вопросѣ выйти изъ затрудненія такимъ же путемъ, какъ онъ справился съ затрудненіями въ біологіи, гдѣ онъ указалъ на приспособленіе методовъ къ объекту науки и на то, что одни и тѣ же логическіе методы могутъ въ разныхъ отрасляхъ знанія обнаруживаться въ разныхъ степеняхъ своего развитія и въ формахъ.

Точно также какъ по мнѣнію самого Конта аналитическіе пріемы, будучи въ своей простѣйшей формѣ въ математикѣ, достигаютъ въ біологіи большого развитія, они могутъ въ соціологіи выразиться въ еще болѣе сложной формѣ. Такъ какъ Контъ впослѣдствіи развиваетъ эту мысль о единствѣ метода въ разныхъ стадіяхъ его развитія, то дѣлается совершенно непонятнымъ, зачѣмъ Конту понадобилось подчинить всѣ науки соціологіи, когда вполнѣ достаточно было обобщить методы всѣхъ наукъ въ высшую формулу въ только что изложенномъ смыслѣ. Очевидно, что положеніе Конта будто для единства системы одна наука должна преобладать надъ всѣми слѣдуетъ признать немотивированнымъ и совершенно непонятнымъ. Что значитъ доминировать? Почему это необходимо? На эти вопросы нѣтъ и не можетъ быть отвѣта. Въ сущности, идея единства законовъ и однородности или параллелизма законовъ безусловно противорѣчитъ понятію о подчиненіи одной науки другой. Далѣе Контъ, которому принадлежитъ идея іерархической, нисходящей зависимости наукъ, однакожъ, всегда строго опредѣлялъ предѣлы этой зависимости и область самостоятельности каждой науки, не смѣшивая связь и вліяніе съ подчиненіемъ. Онъ же категорически высказывается, что обратной зависимости наукъ снизу вверхъ нѣтъ. Здѣсь же онъ, безъ всякой надобности и, игнорируя несомнѣнную нисходящую зависимость, опрокидываетъ свое же построеніе и принимаетъ нетолько обратное воздѣйствіе низшихъ по іерархіи на высшія науки, но подчиненность всѣхъ наукъ самой сложной—соціологіи. Аргументація Конта, направленная на доказательство необходимости подчинить науку соціологіи и ея методу, отличается сначала до конца неясностью и противорѣчіями, начиная съ того, что самый терминъ: „соціологическій методъ“ неопредѣленъ Контомъ.

Единственно, что въ этомъ методѣ есть—его синтетичность. Но вѣдь совершенно немыслимо распространить синтезъ на аналитическія науки, тогда какъ обратное возможно, такъ какъ во всѣхъ сложныхъ явленіяхъ есть и составные элементы, но не наоборотъ. Анализъ имѣетъ мѣсто въ самомъ сложномъ явленіи, синтезъ же непримѣнимъ къ простымъ тѣламъ и процессамъ. Далѣе, Контъ вообще нигдѣ не даетъ строгаго опредѣленія слова „методъ“, въ чемъ еще одинъ источникъ недоразумѣній. Когда онъ въ началѣ курса говоритъ о единствѣ метода, онъ разумѣетъ не единство логическихъ формъ мышленія, не единство техническихъ методовъ, какъ сравненіе, наблюденіе и проч. Самъ Контъ не разъ напоминаетъ, что методъ и въ техническомъ, и въ логическомъ смыслѣ видоизмѣняется вмѣстѣ съ характеромъ данной науки, т. е. рода вопросовъ, соотвѣтствующихъ

ея содержанію. Слѣдовательно, слово „единство“ должно здѣсь пониматься лишь въ смыслѣ однородности, а между тѣмъ Контъ рѣзко разграничиваетъ единство методовъ и однородность законовъ. Очевидно, какъ это вытекаетъ изъ всего хода изложенія, что слово методъ употребляется Контомъ, какъ и слово логика въ смыслѣ общаго способа позитивнаго мышленія. Въ этомъ смыслѣ это слово употребляется Контомъ многократно на страницахъ его курса „La méthode positive“ и „La logique positive“.

Но если слово методъ употребляется въ этомъ смыслѣ, тогда никакое разнообразіе *логическихъ методовъ* въ тѣсномъ смыслѣ, какъ синтезъ и анализъ, дедукція и индукція не могутъ стать въ противорѣчіе съ единствомъ *метода*, какъ системы мышленія. Стало быть еще разъ уничтожается кажущаяся бездна между соціологіей и наукой, столь смущавшая Конта. Затѣмъ, при такомъ пониманіи слова методъ совершенно теряетъ свой смыслъ понятіе о преобладаніи — такъ какъ позитивная метода одинаково должна быть принадлежностью каждой вѣтви знанія.

Изложенное даетъ полное право остановиться здѣсь и не продолжать изложеніе Контовской заключительной попытки объединенія знанія подъ мнимымъ скипетромъ соціологіи, но въ виду нѣкоторыхъ интересныхъ частностей, мы прослѣдимъ нить его мыслей до конца.

Доказывая, что доминировать въ системѣ могутъ только крайнія науки—математика или соціологія, онъ высказывается противъ математики на томъ основаніи, что пріемъ анализа слишкомъ простъ, чтобы охватить сложныя біологическія и соціологическія явленія. При этомъ Контъ, очевидно, совершенно забываетъ свою же аргументацію, приводимую имъ въ философіи біологіи въ защиту такой универсальности анализа, способнаго развиваться и приспособляться къ болѣе сложнымъ явленіямъ. Далѣе, Контъ закрываетъ глаза на то, что возраженіе противъ анализа можетъ быть перевернуто противъ біологическаго и соціологическаго метода, какъ непригоднаго по своей сложности къ явленіямъ простыхъ наукъ. Какъ бы придвидя это, Контъ указываетъ на то, что самые сложные методы біологіи и соціологіи встрѣчаются въ зародышѣ въ анализѣ, но въ такомъ случаѣ аналитическій методъ можетъ быть примѣняемъ къ сложнымъ явленіямъ. Еще разъ нужно отмѣтить, что въ этой аргументаціи слово методъ употребляется, очевидно, въ смыслѣ логическихъ пріемовъ, такъ Контъ приводитъ примѣръ обратнаго воздѣйствія соціологическаго метода на науки въ видѣ теоріи гипотезъ, бинарной теоріи, тогда какъ въ введеніи къ курсу и въ теченіе большей части послѣдняго Контъ говоритъ о методѣ какъ о позитивномъ

мышленіи и въ то же время *соціологическій методъ* въ тѣсномъ смыслѣ означаетъ синтезъ и дедукцію!

Аргументируя въ пользу гегемоніи соціологическаго метода въ наукѣ, указывая на вытекающее отсюда объединеніе наукъ и практической жизни, вліяніе этой гегемоніи на умственное развитіе человѣчества и т. д., Контъ доказываетъ лишь неподлежащее сомнѣнію обратное вліяніе и воздѣйствіе соціологіи какъ науки на умственное развитіе и на научный духъ человѣчества.

Вообще, отбросивъ все произвольное и всѣ натяжки въ аргументаціи Конта въ отношеніи метода соціологіи, остается лишь одна вѣрная мысль Конта, скрытая у него подъ массой запутывающихъ ее деталей, что если науки располагаются въ нисходящій іерархическій рядъ по взаимной своей зависимости въ отношеніи методовъ и законовъ, то существуетъ и реактивное обратное воздѣйствіе сложнѣйшихъ наукъ на простѣйшія, и стало быть и соціологіи на всѣ предшествующія. Такая взаимная зависимость, *consensus*, не подлежитъ сомнѣнію и, конечно, она гораздо больше относится къ общей методѣ, т. е. способу воззрѣнія, чѣмъ къ спеціальнымъ методамъ изслѣдованія и къ законамъ наукъ. Очевидно также, что если прямая іерархическая зависимость сложныхъ наукъ отъ простыхъ не даетъ подчиненности послѣднихъ первымъ, то тѣмъ менѣе возможно ожидать, чтобы зависимость вторичная и обратная, позднѣйшая и добавочная могла обратиться въ подчиненность простыхъ наукъ болѣе сложнымъ и всѣхъ ихъ соціологіи.

Внѣ тѣсныхъ рамокъ этой взаимной связи соціологіи съ естествознаніемъ, все остальное въ Контовской теоріи соціологическаго объединенія наукъ лишено основанія. Употребляя терминъ „методъ“ въ приложеніи съ соціологіи и къ наукѣ вообще въ совершенно различныхъ смыслахъ, Контъ создаетъ какое то фиктивное объединеніе: науки описательной, конкретной и синтетической съ теоретической, абстрактной и аналитической, науки съ искусствомъ. Объединеніе же дѣйствительное какъ логическое, такъ и методологическое сохраняетъ вполнѣ свою силу лишь до біологіи включительно.

Обозрѣвая единство наукъ съ точки зрѣнія законовъ, Контъ повторяетъ здѣсь снова свою идею тождества всѣхъ основныхъ законовъ природы, несмотря на кажущееся различіе въ степени ихъ сложности, которая обусловливается въ каждой наукѣ тѣмъ, насколько эти законы могутъ раскрывать свою натуру въ данной группѣ явленій. Законы соціологіи сложнѣйшіе по натурѣ своей тѣ же, что и аналитическіе, представляющіеся простыми лишь вслѣдствіе несложности аналитическихъ вопросовъ. Отсюда Контъ дѣлаетъ выводъ о превосходствѣ

соціологіи какъ такой науки, въ которой законы природы достигаютъ своего возможно полнаго проявленія. Натянутость этого вывода очевидна:—если законъ природы въ каждой отрасли знанія обнаруживается въ своеобразной формѣ, то отнюдь вовсе не слѣдуетъ, чтобы какая нибудь изъ наукъ имѣла какія то преимущества—причемъ самое понятіе о „преимуществѣ науки“ дисгармонируетъ съ представленіемъ объ ихъ взаимномъ consensus'ѣ. Кромѣ того, соціологія какъ конкретная вѣтвь біологіи наврядъ ли можетъ быть органомъ проявленія болѣе сложныхъ, основныхъ законовъ (абстрактныхъ), чѣмъ вся біологія. Какъ видимо и здѣсь мы наталкиваемся на противорѣчіе, вытекающее изъ смѣшенія Контомъ конкретной соціологіи съ абстрактной наукой. Единственный способъ толкованія, при которомъ идеи Конта получаютъ реальное значеніе, состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать соціологію какъ наслоеніе на психологіи, а послѣднюю признать особой наукой, слѣдующей за біологіей и могущей представить своеобразное проявленіе законовъ природы въ болѣе полной формѣ, чѣмъ біологія. Стань Контъ на эту точку зрѣнія, онъ облегчилъ бы себѣ выходъ изъ того лабиринта, въ который онъ попалъ, перешагнувъ черезъ психологію и поставивъ вмѣсто нея соціологію.

Въ подтвержденіе своего ученія о единствѣ законовъ, Контъ пытается показать примѣнимость трехъ основныхъ механическихъ законовъ природы: инерціи, независимости дѣйствія и закона эквивалентности противодѣйствія ко всѣмъ космическимъ явленіямъ въ томъ числѣ и къ соціальнымъ. Къ сожалѣнію Контъ ограничивается лишь двумя, тремя примѣрами, далеко не убѣдительными; такъ, законъ инерціи онъ приравниваетъ къ явленіямъ привычки въ біологіи, между тѣмъ привычка, основанная на памяти, или на *слѣдахъ*, *оставляемыхъ* каждымъ біологическимъ процессомъ въ ткани, несравненно болѣе сложна, чѣмъ инерція, представляющаяся не закономъ, а скорѣе гипотезой и притомъ отрицательнаго характера.

Законъ независимости дѣйствія Контъ усматриваетъ въ сферѣ чувствительности, въ томъ, что мы будто бы реагируемъ независимо отъ постоянно дѣйствующихъ на насъ впечатлѣній,—что положительно невѣрно. Такъ напр. доказано, что постоянное внутреннее раздраженіе органа зрѣнія вліяетъ на относительную чувствительность нашего глаза къ внѣшнему свѣту. Что касается закона эквивалентности дѣйствія и противодѣйствія, то Контъ ограничивается лишь указаніемъ на его очевидность и самъ же при этомъ прибавляетъ, что эту эквивалентность трудно доказать вслѣдствіе индивидуальности реакціи. Этимъ у Конта исчерпывается демонстративный анализъ единства механическихъ и біо-

лого-соціологическихъ явленій. Относительно законовъ физико-химическихъ, Контъ даже не дѣлаетъ попытки демонстрировать ихъ универсальность.

Сопоставляя взгляды Конта на единство знанія, высказанные имъ въ его введеніи и въ заключеніи курса, нельзя не замѣтить существеннаго различія. Въ введеніи Контъ говоритъ объ однородности законовъ и единствѣ метода. Единство законовъ, говоритъ онъ, невозможно. Подъ единствомъ метода онъ разумѣетъ единство философское, т. е. господство во всей наукѣ духа позитивизма и позитивной постановки научныхъ вопросовъ. Однимъ словомъ, по смыслу изложенія тамъ единство метода понимается какъ единство критико-догматическое. О методахъ же въ тѣсномъ смыслѣ, о логическихъ пріемахъ изслѣдованія Контъ высказывается въ совершенно иномъ смыслѣ. Онъ разъясняетъ, что методы, какъ способы приложенія одной позитивной методы къ изученію, приспособляются къ каждой наукѣ и видоизмѣняются сообразно спеціальному характеру ея явленій, причемъ сохраняется, конечно, однородность этихъ методовъ, какъ послѣдствіе общаго позитивнаго ихъ источника. Получается такимъ образомъ единство позитивной методы и однородность индивидуальныхъ методовъ изученія. Въ сферѣ законовъ мы видимъ у Конта такое же ясное и опредѣленное разграниченіе общаго духа законовъ природы и индивидуальныхъ формъ ихъ, регулирующихъ область явленій каждой науки въ отдѣльности. Когда Контъ говоритъ объ однородности законовъ, то онъ точно опредѣляетъ, что онъ говоритъ объ индивидуальныхъ законахъ каждой науки въ отдѣльности; онъ принимаетъ, что основные законы каждой особой группы явленій также носятъ на себѣ печать индивидуальности, какъ и методы изслѣдованія этой области. Въ то же время, однакожъ, по мнѣнію Конта, если конкретное единство законовъ и нарушается, то общее единство *закона* въ природѣ не страдаетъ. Всѣ законы природы остаются видоизмѣненіями аналитическихъ законовъ числа и движенія точно такъ же, какъ разнообразіе отдѣльныхъ методовъ не мѣшаетъ имъ сохранить единство философскаго метода. Такимъ образомъ Контъ даетъ слѣдующую параллельную формулу: единство философское въ *методѣ* и *законѣ* природы и однородность индивидуальныхъ методовъ и законовъ отдѣльныхъ наукъ. Формула эта, устанавливающая параллелизмъ между методомъ и закономъ, кратко и полно резюмируетъ позитивную точку зрѣнія Конта на Основы знанія и представляется неуязвимой въ настоящее время.

Формулированный такимъ образомъ законъ единства знанія оказывается въ самой тѣсной связи съ основными началами Конта: клас-

сификаціей наукъ и съ идеей развитія природы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, Контъ принимаетъ внутреннюю эволюцію основныхъ законовъ и методовъ науки параллельную развитію и усложненію явленій природы. Отношенія законовъ и методовъ поэтому однородны съ отношеніемъ различныхъ областей природы въ іерархіи Контовской классификаціи. Стало быть вопросъ о томъ, въ какой формѣ и степени сохраняется единство законовъ и методовъ къ разныхъ наукахъ, сводится къ слѣдующему вопросу: насколько въ различныхъ областяхъ природы сохраняется единство феноменовъ? Если мы допустимъ, что различныя группы явленій природы, напр. химическіе процессы имѣютъ въ себѣ нѣчто специфическое, чѣмъ отличаются отъ физическихъ явленій, то этимъ самымъ будетъ рѣшенъ вопросъ о специфичности методовъ и законовъ химіи. Контъ во многихъ мѣстахъ своего курса говоритъ о тождественной натурѣ всѣхъ явленій и процессовъ природы, представляющихъ собою лишь различныя степени усложненія одного основного элемента, механическаго или притяженія. Однакожъ не менѣе часто у Конта встрѣчаются протесты противъ полнаго отождествленія и однородности явленій различныхъ областей. Такъ, относительно химіи Контъ прямо говоритъ, что въ химическихъ процессахъ есть нѣчто специфическое, что поэтому они не могутъ быть вполнѣ слиты съ физическими. Такимъ образомъ, хотя Контъ и подходитъ къ вопросу о специфичности или индивидуальности большихъ группъ явленій, но категорически не высказывается. Это насъ не можетъ удивлять, такъ какъ въ наше время, послѣ того, какъ *изученіе* естествознанія сдѣлало такіе большіе успѣхи, вопросъ этотъ остается все еще не рѣшеннымъ. А между тѣмъ съ тѣмъ или другимъ его рѣшеніемъ тѣсно слита судьба вопроса о предѣлахъ и формѣ единства знанія, его законовъ и методовъ. Ибо, еслибы для какой нибудь области явленій въ природѣ, напр. психическихъ было основаніе принять нѣчто специфическое, то этимъ самымъ былъ бы предрѣшенъ вопросъ о специфичности законовъ и методовъ въ предѣлахъ этой области знанія.... Указывая здѣсь на открывающуюся въ будущемъ перспективу, мы должны признать за Контомъ безсмертную заслугу, что онъ первый формулировалъ идею параллельнаго развитія природы и знанія въ методахъ и законахъ послѣдняго.

Совсѣмъ другую картину мы видимъ въ позднѣйшихъ взглядахъ Конта на этотъ вопросъ, изложенныхъ въ послѣднихъ главахъ его VI-го тома, какъ резюмé его ученія. Какъ мы видѣли, Контъ уже не довольствуется здѣсь единствомъ духа и *основъ закона* въ природѣ, онъ настаиваетъ на единствѣ индивидуальныхъ формъ законовъ отдѣльныхъ наукъ и требуетъ ихъ подчиненія законамъ соціологіи. Такая претен-

зія, обнаруживающая крайнее стремленіе къ системѣ, не имѣетъ за собою никакихъ философскихъ основаній и сверхъ того предполагаетъ соотвѣтственное измѣненіе воззрѣній Конта на единство методы. Но какъ мы опять таки видѣли, воззрѣнія Конта на методу, развитыя имъ въ резюмé, представляютъ полную дезорганизацію позитивной философіи. Подъ методами Контъ разумѣетъ не общій философскій духъ науки и даже не методъ изученія, а практическую постановку научныхъ вопросовъ, какъ напр. синтезъ въ соціологіи. Контъ уже не довольствуется опредѣленіемъ внутренняго соотношенія методовъ, а требуетъ подчиненіе всѣхъ наукъ одной, сомнительной наукѣ:—соціологіи. Внутреннее противорѣчіе и непозитивность всѣхъ этихъ идей, ярко бросающіяся въ глаза, уже не останавливаютъ на себѣ вниманія Конта, очевидно, игнорирующаго логическую сторону своихъ концепцій. Ибо уже не идея истины освѣщаетъ путь его философской мысли, а блуждающій огонекъ практической химеры водитъ Контомъ по лабиринту его фантазіи къ одной цѣли:—построенія красиваго зданія жизни.

Логика, отвергаемая и сознательно попираемая Контомъ, мститъ за себя. По мѣрѣ того, какъ въ воображеніи Конта зрѣлъ и крѣпчалъ идеалъ будущаго общества, построеннаго на деспотизмѣ, въ его духовномъ царствѣ происходитъ подобное же превращеніе. Его философія изъ федеративной системы методовъ и законовъ, построенныхъ на общемъ началѣ позитивнаго духа, обратилась въ деспотію, въ которой всѣ методы и законы подчинены призраку соціальной философіи.

Отдѣльные оттиски изъ „Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета“ вып. II и IV 1893 года.

Харьковъ. Типографія Адольфа Дарре, Рыбная ул., № 28.

Глава IV. Ученіе Конта о единствѣ наукъ съ точки зрѣнія современной реальной философіи.

Въ предыдущей главѣ была сдѣлана попытка разсмотрѣть ученіе Конта о единствѣ наукъ, не выходя изъ предѣловъ его системы и держась его исходныхъ точекъ. Посмотримъ теперь, въ какомъ свѣтѣ представляется его ученіе при сопоставленіи съ началами современнаго философскаго реализма и при томъ освѣщеніи, которое внесено въ науку о природѣ и духѣ успѣхами человѣческой мысли и знанія за послѣдніе полъ-вѣка.

Выбравъ представителемъ современнаго философскаго реализма одного изъ корифеевъ нашего времени Вундта, эклектика, критика и систематизатора по основному характеру своего ума, натуралиста и психолога, мы можемъ въ его новѣйшемъ трудѣ: „System der philosophie“ (1890 г.), видѣть наиболѣе объективное и полное резюмé этой школы.

Сущность философіи Вундтъ опредѣляетъ, какъ „приведеніе въ связь отдѣльныхъ наукъ для полученія такого міро- и жизневоззрѣнія, которое удовлетворяло бы требованіямъ нашего ума и потребностямъ нашего чувства“. Опредѣленіе это оказывается довольно близко къ Контовскому. За то въ содержаніи философіи или основнаго понятія о міро- и жизневоззрѣніи между философіей Вундта и Конта существенная разница. Какъ реалистъ, Вундтъ включаетъ въ систему міровоззрѣнія человѣка все содержаніе его сознанія, какъ объективное, соотвѣтствующее наукѣ въ тѣсномъ смыслѣ и естествознанію, такъ и субъективное сознаніе или феноменологію духа, т. е. психологію, логику, трансцедентальныя идеи и проч. Отсюда у Вундта получаются два класса наукъ и двѣ части философіи:—субъективная и объективная; въ этомъ коренное отличіе современной реальной философіи отъ позитивной, исчерпывающейся одной лишь объективной стороной. Основное подраздѣленіе Вундтовской философіи на ученіе о методахъ и принципахъ также довольно близко къ Контовскому дѣленію философіи на ученіе о единствѣ методы и единствѣ законовъ. Сообразно двойственному содержанію реальной философіи ученіе о принципахъ науки распадается на двѣ части: систему принциповъ природы—натурфилософія, и ученіе о принципахъ духа или философія духа. Слѣдовательно, Контовская система знанія, составляющая содержаніе его курса, соотвѣтствуетъ

лишь одной, а именно, натурфилософской части реальной философіи. Ученіе о методахъ въ философіи Вундта также не совпадаетъ съ ученіемъ Конта главнымъ образомъ потому, что у Вундта методологія вся субъективна, состоитъ изъ логики и метафизики. Объективная же методологія или ученіе объ отдѣльныхъ методахъ изслѣдованія не входитъ сюда. Согласно основному взгляду реальной философіи на общій источникъ нашего знанія внѣшнихъ и внутреннихъ явленій, она, эта философія вполнѣ монистическая и принимаетъ соотвѣтственность матеріальныхъ и духовныхъ явленій, причемъ матерія и сознаніе оказываются лишь различными формами одного и того же процесса. Единство духа и матеріи, явленій матеріальныхъ и психическихъ является такимъ образомъ догматомъ реальной философіи.

Отсюда получается *первое ограниченіе* позитивной философіи Конта, состоящее въ томъ, что ея законъ единства знанія обнимаетъ собою лишь одну половину человѣческаго знанія, объективную, и есть законъ единства натурфилософіи.

Далѣе, сопоставляя понятія позитивной и реальной философіи, мы видимъ, что законы и методы первой не совпадаютъ съ принципами и методами второй и притомъ въ нѣсколькихъ отношеніяхъ. О методахъ уже сказано было выше. Что касается принциповъ реальной философіи, то они шире законовъ позитивизма, потому что они значительно абстрактнѣе Контовскаго опредѣленія „закона“. Въ числѣ основныхъ принциповъ реальной философіи рядомъ съ законами въ смыслѣ Конта, какъ напр., законъ сохраненія энергіи, стоятъ совершенно другаго типа принципы, какъ напр., принципъ атомистическій, или относительности движенія. Оба эти принципа во-первыхъ имѣютъ характеръ *гипотезъ*, во-вторыхъ они относятся не только къ дѣйствительнымъ явленіямъ, но *и ко всѣмъ возможнымъ вообще*. Такъ, начало относительности движенія относится ко всякому движенію вообще. Принципы же инерціи и противодѣйствія относятся къ движенію дѣйствительному, т. е. къ динамикѣ. Слѣдовательно, для Контовскаго закона единства знанія возникаетъ новое ограниченіе, вытекающее изъ того, что объединенные Контомъ законы составляютъ лишь болѣе узкую конкретную и частную форму основныхъ началъ природы. Въ виду того, что эти общіе принципы реальной натурфилософіи имѣютъ нерѣдко характеръ гипотезъ, можно было бы думать, что Контъ ограничивается въ своей философіи лишь эмпирическими законами, отбрасывая гипотезы, но это объясненіе теряетъ свою силу по той причинѣ, что такъ называемые Контомъ законы механики—законъ инерціи и противодѣйствія, также принадлежатъ къ гипотезамъ. Мы въ

правѣ поэтому констатировать, что Контъ, проводя идею единства законовъ природы—неорганической и органической, не сдѣлалъ попытки распространенія на всю природу даже большей части такихъ законовъ, не говоря уже о тѣхъ, которые стали извѣстны послѣ появленія его курса, какъ законъ сохраненія силъ.

Мало того, у Конта даже нѣтъ классификаціи основныхъ началъ, или законовъ природы. Онъ говоритъ только о механическихъ законахъ, какъ будто это единственно доказанные, но тогда Конту пришлось бы говорить о настоящихъ законахъ механики. Однакожъ, онъ ограничивается лишь обобщеніемъ тѣхъ двухъ законовъ движенія Ньютона, перваго и третьяго, инерціи и противодѣйствія, которые не доказуемы, а имѣютъ характеръ необходимыхъ гипотезъ; второй же законъ Ньютона, законъ момента, единственный доказуемый, стало быть имѣющій вполнѣ математическій характеръ, Контъ и не пытается примѣнять ко всѣмъ явленіямъ неорганическаго міра, сознавая полную невозможность выполнить эту задачу.

А между тѣмъ имѣется цѣлый рядъ другихъ общихъ началъ, которыя соединяютъ въ себѣ характеръ необходимыхъ гипотезъ и вмѣстѣ съ тѣмъ руководящихъ понятій. Таково понятіе *о матеріи*, ея непроницаемости, представленіе объ атомѣ, геометрическое и динамическое. Число такихъ принциповъ въ одной натурфилософіи оказывается довольно значительное и реальная философія даетъ строго проведенную ихъ классификацію.—Простѣйшія, космическія начала относятся къ нашимъ представленіямъ о свойствахъ матеріи. Начала эти, составляющія продуктъ абстракціи изъ опыта, составляютъ основу многихъ научныхъ нашихъ теорій, какъ напр., атомистическая и ученіе о дѣйствіи силъ на разстояніи и per continuitatem и т. п. Затѣмъ въ реальной классификаціи слѣдуютъ начала механики, куда кромѣ вышепоименованныхъ относятся и принципъ центральныхъ силъ, и принципъ превращенія силъ.

Обѣ эти группы принциповъ матеріи и силы относятся къ элементамъ Космоса. Затѣмъ слѣдуютъ принципы, относящіеся къ Космосу, какъ цѣлому—принципъ единства вселенной, равновѣсія ея (stabilität) и развитія, принципъ причино- и цѣлесообразности въ природѣ и, наконецъ, реальная философія принимаетъ еще цѣлый рядъ особыхъ принциповъ для области жизненныхъ явленій біологіи.

Если припомнимъ, что Контъ въ доказательство своего единства космическихъ законовъ привелъ нѣсколько бѣглыхъ аналогій относительно двухъ механическихъ принциповъ (не законовъ въ строгомъ смыслѣ), то ясно будетъ, какъ много еще нужно для того, чтобы положеніе

Конта считать доказательнымъ. Не говоря уже о единствѣ принциповъ органическаго и неорганическаго міровъ, о чемъ рѣчь ниже, мы еще очень далеки отъ обладанія доказательствами распространенія дѣйствія хотя одного какого нибудь закона на всю неорганическую природу.

Возьмемъ основной принципъ матеріи — ея единство. Благодаря геніальной теоріи Менделѣева, мы имѣемъ много основаній предполагать, что всѣ простыя тѣла генетически связаны другъ съ другомъ и представляютъ аналогію съ серіей біологическихъ существъ. Въ высокой степени вѣроятно, что различныя простыя, химическія тѣла или элементы образовались въ различныя эпохи подъ вліяніемъ измѣнившихся космическихъ условій изъ одной первоначальной или основной матеріи. Является такимъ образомъ основаніе для ученія объ единствѣ міровой матеріи, ученіе безусловно необходимое для единства неорганическаго міра. А между тѣмъ, даже это гипотетическое единство матеріи наталкивается на нѣкоторыя затрудненія въ теоріи эфира или невѣсомой матеріи. Для современной физики существованіе эфира такъ же доказано, какъ существованіе химическихъ молекулъ, а между тѣмъ по своимъ физическимъ свойствамъ эфиръ отличается отъ матеріи въ химическомъ смыслѣ, такъ напр., эфиръ какъ будто не подчиненъ закону притяженія. Во всякомъ случаѣ эфиръ является модификаціей міровой матеріи, объединеніе которой поэтому затрудняется.

Точно также и законъ постоянства энергіи, или сохраненія силъ до сихъ поръ еще не удалось распространить на всѣ формы физическихъ силъ (электрическія явленія) и на энергію, развивающуюся въ химическихъ процессахъ. Тѣмъ менѣе можетъ быть въ настоящее время рѣчь о господствѣ закона сохраненія силъ въ процессахъ біологическихъ, основанныхъ на химизмѣ.

Такимъ образомъ, оказывается, что если наукой сдѣлано въ послѣднее время много въ направленіи объединенія силъ природы, то все еще остается много сдѣлать для того, чтобы это объединеніе обратилось въ законъ. Мало того, повидимому, прогрессъ знанія ведетъ столько же къ принципу объединенія, сколько и къ идеѣ индивидуализаціи каждой крупной области явленій природы. Въ этомъ мы убѣждаемся, обратившись къ общимъ принципамъ біологіи, какъ ихъ формулируетъ современная философія.

Всѣ элементы и основныя начала неорганическаго міра имѣютъ свои аналоги въ жизни органической. Такъ, атому и молекулѣ соотвѣтствуетъ въ мірѣ органическомъ протоплазма или элементарный организмъ. Силѣ физической и химизму соотвѣтствуетъ здѣсь функція, отправленіе живой ткани, ея физіологическое воздѣйствіе на окружаю-

щую среду. Аггрегаціи неорганическихъ тѣлъ соотвѣтствуетъ организація или образованіе индивида. Даже основныя начала жизни неорганической, устойчивость (stabilität) и развитіе, обнаруживаются и въ органической жизни, послѣднее даже въ такой степени рѣзко выражено, что можно его считать спеціальнымъ началомъ жизни.

Размноженіе, являющееся на первый взглядъ специфическимъ свойствомъ жизни, въ дѣйствительности есть лишь извѣстная форма роста, послѣдній же въ свою очередь представляетъ собою одно изъ явленій развитія. Поэтому нельзя въ размноженіи видѣть специфическое начало жизни. Основной планъ, слѣдовательно, какъ будто одинъ и тотъ же въ мірѣ неорганическомъ и въ области жизни. И тутъ, и тамъ элементы морфологическіе и динамическіе—статика и развитіе. А между тѣмъ стоитъ только приступить къ разсмотрѣнію аналогичныхъ на видъ факторовъ неорганической и органической жизни, чтобы убѣдиться, какая бездна между этими двумя областями. Простѣйшимъ элементомъ біологіи единицы жизни, является протоплазма; она служитъ ареной весьма сложныхъ физико-химическихъ процессовъ; тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что жизненная единица не можетъ быть сведена на эти процессы.

Доказательствомъ этого служитъ то, что протоплазма при благопріятныхъ условіяхъ обнаруживаетъ наклонность претерпѣвать рядъ превращеній не только физико-химическихъ, но и болѣе сложныхъ или специфическихъ, какъ то: раздѣленіе внутри, въ видѣ организаціи, раздѣленіе внѣ, какъ размноженіе. Кромѣ того, при всѣхъ этихъ превращеніяхъ протоплазма обнаруживаетъ наслѣдственность или преемственность, какъ бы передавая продуктамъ своихъ превращеній свойства и физико-химическія и біологическія, которыми обладала та протоплазма, отъ которой эта получила начало.

Простѣйшая единица, стало быть, уже обнаруживаетъ свойства, никоимъ образомъ не подлежащія аналитическому опредѣленію, свойства, напротивъ того, исчезающія при анализѣ. Полное опредѣленіе свойствъ протоплазмы нельзя получить путемъ физико-химическимъ, анализомъ, но даже и біологическое описаніе одного момента жизни протоплазмы, того, что мы называемъ отправленіемъ,—не исчерпываетъ свойство протоплазмы. Можно сказать, что функція протоплазмы есть лишь безконечно малая часть той кривой жизни и развитія, которой только и можетъ опредѣлиться принципъ протоплазмы. Какова эта кривая, одна ли, или много такихъ кривыхъ, или типовъ развитія — это вопросы о постановкѣ которыхъ даже и мечтать нельзя при нынѣшнемъ состояніи біологіи. Одно несомнѣнно, что сущность или основной принципъ біологической матеріи протоплазмы, имѣетъ крайне сложный синте-

тическій характеръ и, вѣроятно, въ формулу этого синтеза входитъ безконечный рядъ ступеней превращенія отъ простѣйшей химической единицы до біологической.

И очевидно, что физико-химическіе законы, строго регулирующіе весь процессъ, совершающійся въ протоплазмѣ, сами въ свою очередь не только не опредѣляютъ протоплазму, какъ цѣлое, но, наоборотъ, подчиняются неизвѣстному синтетическому началу. Специфичность протоплазмы доказывается еще и тѣмъ, что она содержитъ въ себѣ и зародышъ нервной, стало быть не химической функціи. Конечно, намъ нечего пока и думать о томъ, чтобы свести явленія сознанія, даже въ ихъ зародышевыхъ формахъ, къ физико-химическимъ факторамъ.

Возьмемъ другой біологическій факторъ, функцію, или единицу жизненной дѣятельности, и здѣсь мы увидимъ, что функція не можетъ быть сведена на свои элементы—физико-химическіе процессы. Каждое отправленіе предполагаетъ соотвѣтствіе между тремя факторами: внѣшнимъ стимуломъ, состояніемъ организма и его реакціей, т. е. функціей. Въ дѣйствительности функція еще сложнѣе, такъ какъ въ нее входитъ факторъ привычки, т. е. памяти, или слѣды бывшихъ отправленій. Соединяя рядъ такихъ функціональныхъ реакцій, мы получаемъ какъ будто опредѣленное направленіе развитія. Такимъ образомъ, функція оказывается процессомъ въ высокой степени синтетическимъ и прежде всего психо-физическимъ. Не повторяя уже сказаннаго раньше по поводу протоплазмы, можно резюмировать, что принципъ функціи далеко не укладывается въ рамки аналитическаго физико-химическаго процесса, который, конечно, входитъ въ составъ функціи, какъ матеріалъ, но регулирующійся опять таки функціей, какъ верховнымъ принципомъ.

Столь же синтетичны и специфичны другіе факторы органической жизни. Возьмемъ, напр., индивидуальность: ее можно считать аналогомъ аггрегаціи въ мірѣ неорганическомъ, но какая разница между ними! Тамъ, въ аггрегаціи, сцѣпленіе аналитическаго характера обусловлено равнодѣйствующей физико-химическихъ силъ частицъ, входящихъ въ составъ даннаго аггрегата. Здѣсь въ біологіи индивидуальность есть результатъ дѣйствія преемственно унаслѣдованныхъ силъ, остающихся нерѣдко долгое время въ скрытомъ состояніи и обнаруживающихся лишь въ извѣстную эпоху жизни и развитія. Слѣдовательно, индивидуальность является синтезомъ не только органовъ и отправленій для даннаго момента, но и прошлыхъ состояній съ настоящимъ. Какую бы другую сторону біологіи мы ни взяли, напр. процессъ дифференцированія органовъ и образованіе новыхъ типовъ, мы вездѣ встрѣчаемъ тотъ же сложный синтезъ, связующій длинное прошлое въ одно цѣлое.

Въ крайнѣ сложномъ процессѣ образованія видовъ и породъ физико-химическіе процессы играютъ, конечно, лишь самую подчиненную роль. Господство принадлежитъ принципу приспособленія,—составляющему въ свою очередь равнодѣйствующую многихъ преемственно дѣйствовавшихъ факторовъ. Что жизнь не опредѣляется физико-химическими процессами, можно считать болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Не менѣе вѣроятно, что жизнь характеризуется развитіемъ, или опредѣленнымъ направленіемъ структурныхъ и функціональныхъ измѣненій въ соотвѣтствіи съ измѣненіемъ внѣшняго міра. Можно ли, однакожъ, видѣть въ развитіи en grand принципъ жизни? Навряд ли.

Во-первыхъ, потому что и неорганическая жизнь въ цѣломъ представляетъ явленія развитія. Таковы превращенія туманныхъ массъ, или исторія превращенія планетъ. Притомъ же процессъ приспособленія, составляющій основу органическаго развитія тѣлъ, шелъ параллельно съ неорганическимъ развитіемъ, стало быть, первое является какъ бы производной отъ втораго. Гораздо правдоподобнѣе, что основной принципъ жизни заключается уже въ элементарномъ организмѣ. Быть можетъ, этотъ принципъ заключается въ извѣстной комбинаціи измѣнчивости съ устойчивостью, въ силу чего являются благопріятныя условія для развитія, суть котораго и заключается въ измѣненіи при сохраненіи типа. Этого, однакожъ, еще недостаточно; протоплазма должна обладать способностью сохранять слѣды этихъ измѣненій и морфологически въ видѣ измѣненія строенія и динамически въ видѣ облегченія реакцій въ случаѣ ихъ повторенія.

Какія изъ этихъ измѣненій фиксируются, какія нѣтъ, опредѣляется уже условіями борьбы за существованіе и подборомъ, т. е. цѣлесообразностью даннаго приспособленія.

Что касается фиксаціи генетической или преемственности, наслѣдственности этихъ пріобрѣтенныхъ измѣненій, то для этого не требуется новыхъ началъ для протоплазмы, однородно измѣняющейся въ своемъ составѣ.

Самое трудное для нашего пониманія въ этомъ вопросѣ, это фиксація измѣненій, способность пребыванія ихъ въ латентномъ видѣ въ теченіи долгаго періода времени до благопріятныхъ условій.

Быть можетъ, нѣтъ болѣе труднаго пункта для человѣческой мысли, какъ фактъ латентности морфологической и динамической. Однакожъ, въ химическихъ и даже физическихъ явленіяхъ мы имѣемъ это свойство. Na и Chl. могутъ милліоны лѣтъ сохранять свою химическую энергію и обнаружить ее при встрѣчѣ. Въ явленіяхъ жизни, въ протоплазмѣ эта латентность поражаетъ насъ, какъ нѣчто новое, лишь вслѣдствіе

своихъ грандіозныхъ размѣровъ. Но если эта латентность есть сама продуктъ развитія, то, очевидно, основной принципъ протоплазмы можетъ исчерпываться такой комбинаціей условій измѣняемости и устойчивости (фиксаціи), которая вполнѣ удовлетворяетъ условіямъ развитія.

Здѣсь умѣстно остановиться и указать на одинъ, быть можетъ, самый крупный источникъ недоразумѣній при обсужденіи основныхъ началъ біологіи.

Какъ мы видимъ, реальная философія усматриваетъ въ явленіяхъ жизни цѣлый рядъ характерныхъ, какъ бы специфичныхъ факторовъ, какъ индивидуальность, органъ, функція, типъ, приспособленіе, наслѣдственность, размноженіе и развитіе въ разнообразныхъ видахъ и формахъ. Въ этомъ ряду уже вышеуказанныхъ факторовъ можно прибавить еще одинъ: способность высшихъ организмовъ вырабатывать путемъ приспособленія и наслѣдственной передачи саморегулирующіе механизмы, автоматически служащіе интересамъ самосохраненія животнаго. Таково, напр., регулированіе потери и продукціи тепла въ тѣлѣ посредствомъ кожныхъ сосудовъ и т. д. Эта крайне сложная и тонкая функція однакожъ не нуждается въ какомъ то особомъ біологическомъ началѣ, а составляетъ продуктъ фиксаціи извѣстной приспособительной реакціи. Анализируя каждый изъ только что перечисленныхъ біологическихъ факторовъ, мы видимъ, что, съ одной стороны, они суть всѣ проявленія развитія, какъ начала жизни во всѣхъ ея формахъ, въ элементахъ и въ цѣломъ, въ структурѣ и динамикѣ, въ индивидѣ и серіи; съ другой стороны, всѣ эти факторы суть несомнѣнно продуктъ самого развитія, въ чемъ иногда можемъ убѣдиться наблюденіемъ и что безусловно доказывается отсутствіемъ этихъ факторовъ въ элементарныхъ организмахъ, служащихъ основой всѣхъ формъ высшей жизни.

Мы имѣемъ поэтому право смотрѣть на эти факторы, какъ на *производное явленіе отъ жизни и развитія*, *или отъ одной жизни, если развитіе есть основная функція жизни*. Не есть ли это недоразумѣніе со стороны реальной философіи, если она разсматриваетъ всѣ производные факторы жизни, какъ основные, первичные, и при сопоставленіи жизни съ неорганическимъ міромъ руководится этими факторами? Не должны ли мы при сравненіи и установленіи границъ между органической и неорганической жизнью брать за руководящую нить только свойство элементарнаго организма, т. е. протоплазмы.

Это положеніе, на видъ вполнѣ основательное, однакожъ, нѣсколько колеблется отъ того соображенія, что разъ элементарный организмъ въ теченіи космическаго процесса развитія оказывается способнымъ дать впослѣдствіи всѣ эти факторы, то не обязаны ли мы включить

ихъ въ самую простѣйшую форму жизни и предполагать ихъ какъ бы въ латентномъ состояніи уже въ протоплазмѣ? Представляются такимъ образомъ при выборѣ мѣрила жизни—двѣ единицы: одна—реально-конкретная—протоплазма, другая—абстрактная въ видѣ кривой развитія. Какая изъ этихъ точекъ зрѣнія правильнѣе, трудно рѣшить; это зависитъ отчасти отъ того, примемъ ли мы производныя формы развитія за результатъ воздѣйствія среды, или же мы будемъ думать, что среда только реализируетъ, такъ сказать, раскрываетъ внутреннее присущее простѣйшему элементу жизни. Факты, заключающіеся въ Дарвиновскомъ ученіи, недостаточны для рѣшенія этого вопроса, и во всякомъ случаѣ будетъ проще, при нынѣшнемъ состояніи науки, игнорировать возможность латентнаго развитія и стать на точку зрѣнія фактовъ, т. е. ограничиться для мѣрила жизни только свойствами элементарнаго организма. Означенныя два мѣрила жизни вполнѣ совпадаютъ съ двумя возможными точками зрѣнія на жизнь: аналитической и синтетической. Первая беретъ элементъ жизни, простѣйшее ея проявленіе въ единицѣ живой матеріи и живой работы—функціи. Вторая беретъ сложныя проявленія жизни: индивидъ, приспособленіе къ средѣ въ цѣломъ, размноженіе въ цѣломъ и т. д. Однимъ словомъ, первая точка зрѣнія беретъ дифференціалъ, вторая интегралъ жизни.

Замѣчательно, что, какъ въ философіи Конта, такъ и въ реальной философіи Вундта, эти двѣ, по существу діаметрально противоположныя точки зрѣнія, не разграничены и обѣ вперемежку берутся для руководства, какъ мѣрило жизни. Нужно отдать справедливость Конту, что онъ въ этомъ вопросѣ меньше уклонялся и былъ болѣе послѣдователенъ.

Тамъ, гдѣ онъ устанавливалъ основные законы жизни, онъ почти исключительно руководился свойствами элементарнаго организма, заключающимися, по его мнѣнію, въ чувствительности и раздражительности. Тамъ же, гдѣ онъ разсматривалъ методы, онъ совершенно правильно становился на синтетическую точку зрѣнія, такъ какъ методы разработки біологіи конечно примѣняются, особенно до открытія микроскопіи и микрохиміи, къ сложнымъ и производнымъ біологическимъ явленіямъ.

Станемъ же окончательно на аналитическую точку зрѣнія и попытаемся опредѣлить основныя біологическія свойства протоплазмы. Не будетъ гипотезой, а простымъ опредѣленіемъ, если скажемъ, *что протоплазма должна обладать всѣми свойствами, необходимыми для послѣдующаго развитія*. А такъ какъ развитіе состоитъ въ фиксаціи приспособительныхъ измѣненій, то протоплазма должна, очевидно, обладать съ одной стороны многосторонней измѣнчивостью и съ другой устойчивостью.

Въ терминахъ механики это значитъ, что протоплазма, какъ система точекъ, обладаетъ способностью легко измѣнять свой центръ тяжести и быстро фиксироваться въ новомъ состояніи равновѣсія. Эта идея измѣнчивости и устойчивости протоплазмы блистательно проведена Спенсеромъ въ его основахъ біологіи.

Дойдя до такого опредѣленія элементарныхъ формъ жизни, мы можемъ въ ней получить точку опоры для того вопроса, которому собственно посвящена эта глава, въ какомъ отношеніи находится простѣйшая форма жизни къ неорганической.

Формула элементарной живой ткани—измѣняемость и устойчивость заключаетъ въ себѣ явное противорѣчіе съ точки зрѣнія свойствъ неорганическаго міра, въ которомъ одна группа явленій—физическихъ, отличается большей устойчивостью и малою измѣняемостью, а другая—химическая, наоборотъ, большей измѣняемостью, но за то малой устойчивостью. А между тѣмъ мы знаемъ, что жизнь протоплазмы совершается на счетъ физическихъ и химическихъ процессовъ. Отсюда мы можемъ безошибочно заключить, что въ протоплазмѣ *физическіе и химическіе процессы идутъ всегда параллельно* и притомъ такъ, что они уравновѣшиваютъ одни другіе, т. е. *жизненные процессы протоплазмы характеризуются координаціей и регулированіемъ физическихъ и химическихъ процессовъ, имѣющихъ въ ней мѣсто.* Это начало координаціи и есть, очевидно, то специфическое для жизни протоплазмы, которое выдѣляетъ органическую жизнь и ставитъ ее внѣ и надъ простымъ физико-химизмомъ. Координація эта по всей вѣроятности въ свою очередь не явилась сразу, а выработалась преемственно путемъ подъорганическаго развитія въ сферѣ высшихъ органическихъ азотистыхъ соединеній.

Если мы вспомнимъ, что понятіе о координаціи есть то именно, къ чему насъ приводитъ конечный анализъ развитія организаціи, психики и вообще всѣхъ формъ и процессовъ жизни, то нельзя не поразиться этими результатами анализа свойствъ протоплазмы. Такимъ образомъ, уже въ элементарной протоплазмѣ мы должны предполагать, конечно въ зародышѣ, основное свойство всей жизни и всего развитія.

Къ такому же результату мы придемъ и другимъ путемъ, анализируя характеръ простѣйшаго жизненнаго акта протоплазмы. Онъ, очевидно, не можетъ быть тождественнымъ съ простой физико-химической реакціей уже вслѣдствіе того, что результатомъ реакціи протоплазмы является новое состояніе устойчиваго равновѣсія съ фиксаціей произведеннаго внѣшней средой измѣненія, чего при обыкновенной физико-химической

реакціи не бываетъ. Это значитъ, что всякое измѣненіе протоплазмы подъ вліяніемъ среды имѣетъ приспособительный характеръ, что физико-химическая реакція координируется здѣсь основнымъ принципомъ жизни протоплазмы. Но приспособительная реакція есть зародышъ рефлекса, и—имѣетъ характеръ не мѣстной перемѣны, а воздѣйствія всего организма протоплазмы приспособительно къ интересамъ ея существованія.

Всякій же рефлекторный актъ, даже въ зародышѣ, заключаетъ въ себѣ психо-физическій элементъ.

Такимъ образомъ, анализъ функціональной стороны жизни протоплазмы приводитъ ихъ опять къ тому же, что простѣйшее проявленіе жизни протоплазмы должно имѣть уже въ зародышѣ тотъ же характеръ координированнаго акта, что составъ свойствъ всѣхъ формъ жизненныхъ процессовъ. Координація оказывается общимъ и элементарнымъ свойствомъ живыхъ процессовъ; координація внутренняя—физико-химическихъ процессовъ между собою—и координація внѣшняя—даннаго мѣстнаго физико-химическаго процесса съ процессомъ, совершающимся въ другихъ частяхъ протоплазмы, не подвергавшихся воздѣйствію внѣшней среды.

Въ этихъ двухъ формахъ, вѣрнѣе степеняхъ координаціи, мы получаемъ основаніе для двухъ типовъ процессовъ: питательныхъ, морфологическихъ и спеціально функціональныхъ, или двигательныхъ. Первые характеризуютъ низшую ступень жизни протоплазмы, вторая свойственна ея высшей формѣ—животной. Очевидно, что для второй формы реакціи необходима болѣе тѣсная внутренняя связь частей протоплазмы или организаціи, что достигается дифференцированіемъ частей протоплазмы, чисто питательныхъ, въ которыхъ физико-химизмъ больше сохранилъ свою самостоятельность, отъ частей протоплазмы болѣе координированныхъ съ подавленіемъ химизма—таковы двигательныя части протоплазмы. Ясно, что наиболѣе полной представительницей жизни слѣдуетъ считать протоплазму втораго типа, какъ высшую ступень развитія, обладающую болѣе полной координаціей.

Изложенный анализъ даетъ полное право принять слѣдующее положеніе: жизненные процессы не могутъ быть объединены съ неорганическими, акты жизни, какъ растительной, такъ и животной совершаются при посредствѣ физико-химическихъ процессовъ, но основное начало, синтетическое, даже въ простѣйшемъ элементѣ жизни, въ біологическомъ атомѣ,—протоплазмѣ, если и не представляетъ собою какой либо новой формы процесса, что также возможно, то во всякомъ случаѣ не отождествимо съ физико-химизмомъ, который оно регулируетъ и направляетъ.

Есть еще одно косвенное, болѣе отрицательное доказательство такой специфичности процесса жизни. Не смотря на большое разнообразіе физико-химическихъ условій на нашей планетѣ, не смотря на то, что на нашихъ глазахъ вездѣ, и въ природѣ, и въ лабораторіяхъ происходитъ дѣятельная, непрерывающаяся физико-химическая работа, до сихъ поръ не удалось напасть на слѣдъ возникновенія протоплазмы, это, конечно, не доказываетъ невозможности ея образованія, но во всякомъ случаѣ это можетъ служить указаніемъ, что возникновеніе протоплазмы требуетъ какихъ то особыхъ космическихъ условій, быть можетъ уже навсегда пережитыхъ нашей планетой.

Отсюда, въ свою очередь, мы можемъ сдѣлать выводъ, что та комбинація физико-химическихъ процессовъ, результатомъ которой впервые явилась протоплазма, очевидно отличалась какими то специфическими особенностями, требовавшими особыхъ космическихъ условій.

Возвращаясь теперь къ ученію Конта объ отношеніи органическаго міра къ неограническому, мы невольно удивляемся тому, что онъ при тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыми располагала біологія въ его время, довольно близко подошелъ къ вышеизложенному ученію, основанному на современномъ состояніи естествознанія. Контъ принимаетъ, что жизнь не можетъ быть сведена на свои основные элементы, физико-химическіе процессы, что жизнь есть начало синтетическое, координаціонное; онъ также признаетъ за ней приспособительный и психофизическій характеръ. Мѣриломъ жизни онъ беретъ ткань и ея основныя свойства, по его опредѣленію, согласно физіологіи того времени, чувствительность и раздражительность; изъ этихъ свойствъ первое соотвѣтствуетъ психо-физическому началу, второе рефлекторной реакціи.

Рѣзкое раздѣленіе жизни, согласно ученію Биша, на растительную и животную, причемъ первая будто бы вполнѣ подчинена химизму, а вторая выше его, хотя и слишкомъ догматично, однакожъ соотвѣтствуетъ реальному различенію двухъ вышеуказанныхъ ступеней развитія въ организаціи протоплазмы.

Замѣчательно, что Контъ, полемизируя съ ученіемъ Ламарка о безграничномъ вліяніи среды на измѣняемость, съ глубокой проницательностью протестовалъ противъ ученія о безпредѣльной измѣняемости живыхъ существъ и признавалъ существованіе какого то самостоятельнаго направленія развитія. Благодаря работамъ Негелли и Геккеля идея существованія такого внутренняго направленія въ развитіи начинаетъ пріобрѣтать право гражданства въ біологіи, но со стороны Конта было большой заслугой не признавать полной подчиненности развитія жизни однимъ лишь силамъ неорганической природы.

Общій выводъ, вытекающій изъ предыдущаго анализа заключается прежде всего въ томъ, что философское опредѣленіе единства и индивидуальности различныхъ отраслей знанія, или областей природы, можетъ явиться лишь результатомъ предварительнаго опытнаго разграниченія отдѣльныхъ сферъ знанія и природы между собою. Степень зрѣлости философской концепціи вполнѣ обусловливается уровнемъ развитія науки въ тѣсномъ смыслѣ. Установленіе взаимной связи біологическихъ наукъ съ неорганическими было поэтому предпріятіемъ непосильнымъ для человѣческаго ума въ эпоху, когда жилъ Контъ, когда біологія была еще такъ бѣдна и методами, и фактами. Тѣмъ не менѣе мы видѣли, что Контъ вышелъ съ честью изъ своего затруднительнаго положенія, руководимый здоровыми началами своей философіи.

Мы уже видѣли, что послѣдняя имѣла у Конта чисто аналитическіе корни въ складѣ его ума и получила синтетическое направленіе вслѣдствіе практическихъ, реформаторскихъ и соціальныхъ тенденцій, усвоенныхъ Контомъ отъ Сенъ-Симона и подъ вліяніемъ общаго настроенія французской общественной мысли.

И можно сказать, что граница между аналитической работой Контовской мысли и синтетической есть вмѣстѣ съ тѣмъ и рубежъ, отдѣляющій все цѣнное, истинное и великое въ трудахъ Конта отъ наноснаго, чуждаго, случайнаго въ ней, односторонняго и нерѣдко вредившаго всей его философіи. Таковы идеи Конта о методахъ изученія біологіи, роль патологіи, какъ эксперимента, изученіе вліянія природы на формы жизни и т. п. Въ этихъ идеяхъ—аналитическаго происхожденія, Контъ задолго предчувствовалъ то направленіе, которое впослѣдствіи обезсмертило Дарвина. Если же мы рядомъ съ этимъ встрѣчаемъ у Конта такія заблужденія, какъ отрицаніе экспериментальнаго метода въ біологіи, то это еще разъ доказываетъ опасность апріорнаго отрицанія, особенно же въ дѣлѣ методики, гдѣ умъ человѣческій слѣдуетъ на буксирѣ у техники. Настоящее время есть критическая эпоха для біологіи. Методы изслѣдованія біологическихъ явленій на нашихъ глазахъ нарождаются. Цѣлые классы типовъ живыхъ существъ дѣлаются впервые извѣстными. Таковы микроорганизмы, занимающіе не только особое мѣсто въ природѣ, но находящіеся въ какомъ то специфическомъ отношеніи ко всѣмъ другимъ организмамъ, съ которыми они образуютъ рядъ совмѣстной, двойственной жизни. Мы уже знаемъ, что эти микроорганизмы, внѣдряясь въ организмъ растеній или животныхъ, вступаютъ въ борьбу съ послѣдними, иногда разрушая его.

Исторія развитія жизни въ ея слѣдахъ, сокрытыхъ въ нѣдрахъ земли, только что стала предметомъ изслѣдованія. Можно ли въ виду

всего этого дерзать объединить обѣ сферы природы, неорганическую и живую, когда на каждомъ шагу мы чувствуемъ крупные пробѣлы, когда жизнь элементарнаго организма намъ еще неизвѣстна.

Что касается положенія Конта о стремленіи всѣхъ наукъ къ логическому единству, то, понимая послѣднее въ смыслѣ позитивной методы, мы должны и теперь признать безусловно вѣрнымъ это положеніе, значеніе котораго лишь умаляется тѣмъ, что Контъ игнорируетъ цѣлую половину наукъ, ученіе о психическихъ явленіяхъ. Но въ предѣлахъ науки о природѣ Контъ много сдѣлалъ для проведенія идеи единообразія логической методы въ различныхъ отрасляхъ космологіи.

Возвращаясь еще разъ къ общей оцѣнкѣ Контовскаго ученія о единствѣ знанія въ его законахъ и методахъ, мы должны указать, что эта идея, какъ синтезъ и обобщеніе, дѣйствительна лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ наше знаніе уже подготовило матеріалъ для такого обобщенія. Вотъ почему можно сказать, что примѣнимость и цѣнность обобщеній Конта убываютъ по мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ наиболѣе разработанныхъ фактовъ физики и приближаемся къ наименѣе зрѣлой отрасли знанія, къ соціологіи. Въ то же время, къ сожалѣнію, тенденція Конта къ объединенію и синтезу не только не ослабѣваетъ, но даже прогрессивно возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ онъ удаляется отъ физико-математическихъ наукъ.

Какъ будто бы удаляясь изъ сферы приложенія математическаго анализа, Контъ вмѣстѣ съ тѣмъ эмансипируется отъ господствующаго и здѣсь, столь сроднаго его генію аналитическаго направленія и подпадаетъ подъ власть явленій другаго разряда—біологическихъ, дающихъ синтетическое направленіе его мысли. А между тѣмъ даже въ этой второй половинѣ своего труда, лучшее, что сдѣлано Контомъ, есть продуктъ анализа. Тамъ, гдѣ онъ освобождается изъ-подъ вліянія предвзятыхъ теорій и слѣдуетъ своему внутреннему направленію, тамъ, въ химіи, біологіи, онъ бросаетъ сѣмена аналитическихъ идей, какъ бинарная теорія, которая навсегда составитъ украшеніе его философіи.

Философія Конта оказывается по своему внутреннему строенію сложной и состоящей изъ двухъ разнородныхъ по генезису, характеру и значенію частей. Одна часть заключаетъ въ себѣ два основныхъ закона Конта: принципъ классификаціи наукъ и законъ умственнаго развитія; другая—его систему знанія и идею единства.

Принципъ классификаціи и есть настоящее начало объективнаго единства природы, разсматриваемой Контомъ, какъ цѣпь явленій, связанныхъ генетически во времени и соподчиненныхъ іерархически. Единство это, однакожъ, при нынѣшнемъ состояніи знанія можетъ быть съ

большой вѣроятностью принято лишь для теоріи *строенія* міра; съ точки зрѣнія же динамики или законовъ, это единство можетъ быть лишь предполагаемо, но мы даже не въ состояніи опредѣлить почвы, на которой это единство законовъ возможно. Наиболѣе простая и соотвѣтствующая современному состоянію знанія гипотеза состоитъ въ предположенной подчиненности всего космоса механическимъ законамъ.

На этой гипотезѣ Контъ остановился и не разъ возвращался къ этой руководящей нити и впослѣдствіи. Если же Контъ не оставался вѣренъ этому руководящему началу при развитіи своихъ идей, то это случилось подъ вліяніемъ стремленія Конта болѣе детально и, такъ сказать, конкретно провести свое начало чрезъ всѣ области знанія. Здѣсь то Контъ наткнулся на индивидуальность отдѣльныхъ областей знанія и, какъ и слѣдовало ожидать, общій принципъ единства нашелъ еще недостаточно подготовленную почву для своего реальнаго осуществленія.

То же самое примѣнимо и ко второму основному закону Конта и трехъ періодовъ развитія ума и знанія. Какъ уже было разъяснено, въ этомъ законѣ имѣются элементы для дальнѣйшаго развитія изъ него принципа единства метода познанія. Помѣшало этому пренебреженіе Конта къ психологіи, къ теоріи познанія и его одностороннее отношеніе къ мѣрилу реальнаго, которое онъ смѣшивалъ съ объективнымъ, и смѣшеніе теоріи познанія съ метафизикой. Эти два основныя положенія Контовской философіи—классификація и генезисъ составляютъ краеугольные камни истинной теоріи единства всѣхъ фазъ природы и знанія. Оба они одинаковы по своему характеру—генетическому и энциклопедическому.

Вслѣдствіе тѣснаго переплетенія законовъ и методовъ всѣхъ наукъ между собою, какъ уже давно замѣчено, открытіе какого-либо начала въ наукѣ тотчасъ же обращается въ методъ для изслѣдованія въ другихъ областяхъ знанія. По этой же причинѣ общія начала классификаціи и развитія, установленныя Контомъ, должны были сдѣлаться исходными точками для цѣлаго ряда изслѣдованій и примѣненій этихъ идей въ отдѣльныхъ областяхъ знанія, въ наукѣ о духѣ. Почему же этого не случилось? Повидимому, Контъ затормозилъ движеніе и развитіе своихъ началъ своей преждевременной попыткой создать систему. Исторія человѣческой мысли представляетъ намъ не мало примѣровъ, что новое начало, аналитически провозглашенное какимъ либо мыслителемъ, быстро дѣлается центромъ цѣлаго движенія, иногда приводящаго къ системѣ, какъ это случилось, напр., съ закономъ Дарвина. И наоборотъ, идея, скованная въ систему, какъ будто теряетъ въ своей энергіи. Еще

чаще ошибка и увлеченіе системой охлаждали интересъ и довѣріе къ безусловно вѣрнымъ началамъ мыслителя. Такъ случилось и съ Контомъ. Его попытка реализировать свои основныя начала не могла осуществиться, да наврядъ-ли и скоро осуществима, такъ какъ для зданія еще недостаточно фундамента и плана,—необходимъ матеріалъ, который современное естествознаніе не даетъ.

Попавъ на ложный путь, Контъ вынужденъ былъ ради воображаемаго единства зданія пожертвовать самыми цѣнными своими принципами, что и отразилось на судьбѣ его основныхъ началъ несомнѣнно плодотворныхъ и ждущихъ свой дальнѣйшей разработки. Вотъ почему мы въ правѣ резюмировать этотъ очеркъ, могущій служить введеніемъ къ попыткѣ дальнѣйшаго развитія основныхъ началъ Конта, что эти основныя начала, или то, что слѣдуетъ понимать подъ позитивизмомъ, для своего дальнѣйшаго развитія должны быть отдѣлены отъ послѣдующаго практическаго и индивидуальнаго наслоенія—контизма!

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

Отдѣльные оттиски изъ „Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета“ вып. II и IV 1893 года и вып. I 1894 года.

Харьковъ. Типографія Адольфа Дарре, Рыбная ул., № 28.